

ISSN 2311 - 696X (Print)
ISSN 2782 - 2761 (Online)

научно-практический журнал

ПРАВООПОРЯДОК

история, теория, практика

2/2022

ПРАВООПОРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№2 (33) / 2022

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юридических наук, профессор
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юридических наук, доцент
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юридических наук, доцент
КИРЕЕВ В. В. доктор юридических наук, доцент
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юридических наук, профессор
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юридических наук, доцент
ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент

ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор педагогических наук, доцент
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БУРМИСТРОВА С. А. кандидат юридических наук, доцент
ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. кандидат юридических наук, доцент
МИХАИЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат исторических наук, доцент
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат педагогических наук
КАЗАРЦЕВА Г. А. кандидат пед. наук, доцент
СУХОРОУКОВА А. Х. государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник ФССП

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № **ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс **94267 «Урал-Пресс»**

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 25.06.2022.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,28.
Тираж 150 экз. Заказ № 273.
Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Дата выхода в свет: 30.06.2022.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», 2022.

В НОМЕРЕ

К 65-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА
АНДРЕЯ БОРИСОВИЧА СЕРГЕЕВА. ПОЗДРАВЛЯЕМ! 6

Общие вопросы теории права. История правопорядка

Иванов А. Э., Никонов Д. А.

РАЗВИТИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ВОЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР В 1921–1923 гг. 8

Административное право и процесс

Досанова Ф. П.

ОБ УСТРАНЕНИИ НЕСОГЛАСОВАННОСТИ НОРМ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕДУРНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА КАЗАХСТАНА
О НАЛОЖЕНИИ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ 13

Назаренко Р. М.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЬЮ 4 СТАТЬИ 14.13 И СТАТЬЕЙ 14.14 КоАП РФ 20

Танаева З. Р.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЧАСТИЕ
В НЕЗАКОННЫХ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ 25

Черкасова Е. К.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ
ЗА НАРУШЕНИЕ РАЗУМНОГО СРОКА ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ПРИОСТАНОВЛЕННОМУ ПРОИЗВОДСТВОМ 32

Шевченко В. М.

СТАТУС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
В ОБЛАСТИ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ 38

Административная деятельность

Никонов Д. А., Сибгатуллин Ф. С.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ
ВОЙСКАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) 43

Трифонова К. В., Тутина Е. В.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ 49

Уголовное право

Горшков Д. Ю.

ПРЕСТУПНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ,
А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ 56

Теория и практика противодействия преступности

Кобец П. Н.

РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА
В ОБЪЕДИНЕНИИ УСИЛИЙ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА
ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ 62

Шестаков В. И.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ,
СУЩНОСТИ И ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ
ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (часть 1) 69

Уголовный процесс

Арсентьева С. С., Савченко А. Н.

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗА И ПРОТИВ
(НЕПРИЗНАННАЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, НО ИСПОЛЬЗУЕМАЯ КАК УСЛУГА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ) 80

Мещеряков А. Н.

ОСНОВАНИЯ, ЦЕЛЬ И ФОРМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В ИЗОЛЯТОРАХ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ 85

Рамалданов Х. Х.

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? 93

Сергеев А. Б.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА
С УЧЕТОМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ, ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЕ
(№ 259-ФЗ от 31.07.2020 г.) 99

Судебная деятельность

Каменев А. С.

СУДЕБНАЯ ОЦЕНКА ЖАЛОБ, ПОДАННЫХ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ
(НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С РАССМОТРЕНИЕМ
ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ) 106

Международное право. Европейское право

Шавеко Н. А.

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: КАНТ, РОЛЗ И УСТАВ ООН 112

Научные мероприятия. Отзывы. Рецензии

Бегишев И. Р.

Презентация монографии
«УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С РОБОТОТЕХНИКОЙ» (Москва : Проспект, 2022. 384 с.) 121

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 134

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 138

CONTENTS

ON THE 65TH ANNIVERSARY OF DOCTOR OF LAW PROFESSOR
ANDREY BORISOVICH SERGEEV.
CONGRATULATIONS!6

General questions of the Theory of Law. History of Legal Order

Ivanov A. E., Nikonov D. A.

DEVELOPMENT OF EMERGENCY MILITARY LEGISLATION RSFSR IN 1921-1923. 8

Administrative Law and Procedure

Dosanova F. P.

ELIMINATION OF INCONSISTENCIES OF PROVISIONS
OF THE ADMINISTRATIVE PROCEDURAL CODE OF KAZAKHSTAN
ON THE IMPOSITION OF FINANCIAL PENALTIES. 13

Nazarenko R. M.

ON THE DIFFERENTIATION OF THE COMPOSITION
OF ADMINISTRATIVE OFFENSES
PROVIDED FOR IN PART 4 OF ARTICLE 14.13 AND ARTICLE 14.14
OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION 20

Tanayeva Z. R.

ABOUT ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY
FOR INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL PUBLIC EVENTS. 25

Cherkasova Ye. K.

PECULIARITIES OF REALIZATION OF THE RIGHT
TO COMPENSATION FOR VIOLATION OF A REASONABLE PERIOD
OF PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE SUSPENDED 32

Shevchenko V. M.

REPRESENTATIVE STATUS VICTIM ON CASES ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENSES
IN THE FIELD OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS 38

Administrative Activity

Nikonov D. A., Sibgatullin F. S.

THE MAIN FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION
BY THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF
THE RUSSIAN FEDERATION (THEORETICAL AND LEGAL ASPECT). 43

Trifonova K. V., Tutinas Ye. V.

ON THE QUESTION OF INTERACTION
OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES IN THE FIELD OF MIGRATION. 49

Criminal Law

Gorshkov D. Yu.

CRIMINAL INCITATION OF HATE OR ENMITY, AS WELL AS HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY:
SOME FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE. 56

Theory and Practice of Combating Crime

Kobets P. N.

THE ROLE OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION V. V. PUTIN
IN COMBINING THE EFFORTS OF THE WORLD COMMUNITY
TO IMPROVE INFORMATION SECURITY IN CYBERSPACE 62

Shestakov V. I.

A SYSTEMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING
THE LEGAL NATURE, ESSENCE AND LEGAL REGULATION
OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY (part 1) 69

Criminal Proceeding

Arsentieva S. S., Savchenko A. N.

LEGAL EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROS AND CONS
(UNRECOGNIZED AS EVIDENCE, BUT USED AS A SERVICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS) 80

Meshcheryakov A. N.

FOUNDATIONS, PURPOSE AND FORMS OF RESTRICTIONS
ON HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS
IN TEMPORARY DETENTION FACILITIES FOR SUSPECTS AND ACCUSED 85

Ramaldanov Kh. Kh.

ELECTRONIC CRIMINAL CASE: MYTH OR REALITY? 93

Sergeyev A. B.

PERSPECTIVES FOR CONTROLLING LIABILITY IN THE ECONOMIC AREA OF THE DIGITAL SPACE
WITH REGARD TO THE IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW
ON DIGITAL FINANCIAL ASSETS, DIGITAL VALUE (No 259-FZ of 31.07.2020) 99

Judicial activities

Kamenev A. S.

JUDICIAL EVALUATION OF COMPLAINTS FILED BY THE DEFENSE
(USING THE EXAMPLE OF CRIMINAL CASES INVOLVING
THE EXAMINATION OF ELECTRONIC MEDIA) 106

International Law. European law

Shaveko N. A.

PRINCIPLES OF INTERNATIONAL JUSTICE: KANT, RAWLS AND THE UN CHARTER 112

Scientific Event. Comments. Reviews

Begishev I. R.

Presentation of the monograph
«CRIMINAL LAW PROTECTION OF PUBLIC RELATIONS
RELATED TO ROBOTICS» (Moscow: Prospect, 2022. 384 p.) 121

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 134

INFORMATION FOR AUTHORS 138

К 65-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ БОРИСОВИЧА СЕРГЕЕВА. ПОЗДРАВЛЯЕМ!



16 июня 2022 года исполнилось 65 лет доктору юридических наук, профессору, полковнику милиции в отставке, почетному сотруднику МВД России Андрею Борисовичу Сергееву.

Профессиональная деятельность А. Б. Сергеева была связана со службой на различных должностях в милиции общественной безопасности, уголовном розыске, учебных заведениях МВД России. Проявляя управленческое искусство, выполнял обязанности начальника кафедры криминалистики, заместителя начальника Челябинского юридического института МВД России по научной работе, а позже и заведующего кафедрой уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета.

Сферу научных интересов А. Б. Сергеева составляют актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. В 1999 г. в Уральской государственной юридической академии Андрей Борисович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Проблемы процессуальной деятельности органов дознания». В 2003 г. в Московском университете МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук «Процессуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам в чрезвычайных ситуациях» (научный консультант — д-р юрид. наук профессор В. Н. Григорьев).

В ней автор разработал теоретические основы, обеспечивающие назначение уголовного судопроизводства в условиях протекания крупномасштабных конфликтов, была изучена практика досудебного производства в период командировки в Чеченскую Республику. Многие содержащиеся в работах положения, выводы и предложения были позитивно восприняты теоретиками и продолжены в научных исследованиях.

Андрей Борисович сформировал научную школу по исследованию проблем противодействия криминальному рейдерству. Под его научным руководством были успешно защищены кандидатские диссертации «Взаимодействие правоохранительных и иных органов при противодействии криминальному рейдерству» (Челябинск, 2010), «Оперативно-розыскная деятельность в процессе выявления и раскрытия криминального рейдерства» (Тюмень, 2010) и многие другие; изданы монографии и учебные пособия «Особенности расследования преступлений, связанных с присвоением права на владение и управление предприятиями и организациями» (Челябинск, 2008), «Деятельность следственных подразделений на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере корпоративных правоотношений» (Челябинск, 2008), «Взаимодействие следственных подразделений с государственными и иными органами при расследовании преступлений в сфере корпоративных правоотношений» (Челябинск, 2015) и др.

Андрей Борисович входит в состав редакционных советов и коллегий научных журналов разного уровня: «Правопорядок: история, теория, практика», «Юридическая наука и правоохранительная практика», «Вестник Сургутского государственного университета», «Проблемы права», «Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право», «Социум и власть».

Опубликовано более 150 работ по уголовно-процессуальным и криминалистическим проблемам, которые отражены в монографиях, учебных пособиях, научных публикациях на русском и иностранном языках.

Профессор А. Б. Сергеев принимает участие и в написании научно-практических комментариев к уголовно-процессуальному законодательству (издан Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. д-ра юрид. наук профессора А. В. Гриненко. Москва : Проспект, 2021. 1288 с.).

Андрей Борисович являлся членом диссертационного совета при Тюменском юридическом институте МВД России, в настоящее время входит в состав членов диссертационного совета Южно-Уральского государственного университета (Д212.298.19).

Многоуважаемый Андрей Борисович! Коллектив кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности желает Вам крепкого здоровья, творческого созидания, талантливых учеников и последователей, вдохновленных Вашими идеями! Ваш жизненный путь полон замечательных событий, каждое из которых характеризует Вас как истинного ученого, мудрого педагога, внимательного наставника. Продолжайте дарить нам удовольствие профессионального и личного общения еще много-много лет! Пусть рядом с Вами будут единомышленники, с которыми интересно открывать что-то новое в науке!

Редакция журнала

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья
УДК 340.1

С. 8–12

РАЗВИТИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ВОЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР В 1921–1923 гг.

Александр Эдуардович Иванов¹, Дмитрий Анатольевич Никонов²

^{1,2}*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия*

¹*united09@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9658-3524>*

²*nikson1967@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-1289>*

Аннотация. Чрезвычайное военное законодательство в современной правовой действительности олицетворяет собой комплекс норм права, которые начинают свое действие только при наступлении конкретных юридических фактов, таких начало военных действий или как угроза реальной агрессии по отношению к государству. Данные нормативно-правовые акты регулируют всю деятельность государства, начиная от классификации угроз, попадающих под действие законодательства, и заканчивая правами и обязанностями субъектов, которые могут быть задействованы в вооруженном конфликте. В данной ситуации оно выступает одним из основных рычагов в механизме обеспечения обороноспособности страны, а также залогом соблюдения прав личности, в том числе при установлении необходимых ограничений, как в начальном периоде вооруженного конфликта, так и в периоды его эскалации.

Ключевые слова: чрезвычайное военное законодательство, вооруженный конфликт, право военного времени, боевые уставы, правовое регулирование деятельности войск НКВД

Для цитирования: Иванов А. Э., Никонов Д. А. Развитие чрезвычайного военного законодательства РСФСР в 1921–1923 гг. // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 8–12.

Research article

DEVELOPMENT OF EMERGENCY MILITARY LEGISLATION RSFSR IN 1921-1923

Alexander E. Ivanov¹, Dmitry A. Nikonov²

^{1,2}*St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the Troops of the National Guard
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia*

¹*united09@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9658-3524>*

²*nikson1967@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-1289>*

Abstract. Emergency military legislation in modern legal reality embodies a set of legal norms that begin to take effect only when specific legal facts occur, such as the beginning of hostilities or as a threat of real aggression against the state. These normative legal acts regulate all the activities of the state, starting from the classification of threats falling under the law, and ending with the rights and obligations of subjects who may be involved in an armed conflict. In this situation, it acts as one of the main levers in the mechanism of ensuring the country's defense capability, as well as a guarantee of respect for individual rights, including when establishing the necessary restrictions, both in the initial period of the armed conflict and during periods of its escalation.

Keywords: emergency military legislation, armed conflict, wartime law, combat regulations, legal regulation of the activities of the NKVD troops

For citation: Ivanov AE, Nikonov DA. Development of Emergency Military Legislation Rsfsr in 1921-1923. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):8-12. (In Russ.)

Введение

Российское чрезвычайное военное законодательство, представляющее собой комплекс нормативных правовых актов, принимаемых в мирное время и реализуемых в угрожаемый период или с началом военных действий, регулирующий деятельность военной организации государства в целях перестройки её на военный лад, организации вооруженной защиты страны и обеспечения военной победы над противником [1, с. 17], регулирует вопросы национальной безопасности в случае начала военных действий или их угрозы и имеет достаточно длительную историю, которая берет свое начало еще в середине XIX в. В советскую эпоху его развития можно выделить несколько периодов, среди которых одним из наиболее интересных и показательных является период 1921–1923 гг.

Описание исследования

Победоносно окончив гражданскую войну и выдворив основную часть интервентов, РСФСР получила возможность начать мирное строительство нового государства на социалистических принципах. Однако, капиталистическое окружение и продолжающаяся угроза военной интервенции заставляли Советское государство сохранять военную готовность и укреплять мощь Красной Армии. Вместе с тем, экономические трудности и сосредоточение основных усилий страны на мирном строительстве потребовали от руководства страны перевести армию с военного на мирное положение и сократить расходы на её содержание. Всего с 5,5 млн чел. в ноябре 1920 г. к октябрю 1923 г. численность РККА сократилась до 610 тыс. чел., и демобилизация была в основном завершена [2, с. 421].

В целом состояние Красной Армии и Флота в 1921–1923 гг. было крайне тяжелым: отсутствовала законодательно установленная система прохождения военной службы военнообязанными; в частях и соединениях наблюдалась большая текучесть личного состава, в связи с чем затруднилась организация боевой подготовки войск; не было твердых штатов войсковых частей, отвечавших требованиям обороны страны. Техническое оснащение РККА также не соответствовало потребностям современного военного дела [3, с. 458]. Это объяснялось низкими материальными возможностями государства, которое только

начало восстанавливаться после тяжелейшей разрухи.

Рассматриваемый период отличался замедлением военно-уставной работы, что было связано с большим объемом задач по сокращению Вооруженных Сил, а также с отсутствием в центральном военном аппарате единого органа, ответственного за эту работу. Конечно, определенные исследования в области боевого применения родов войск проводились, но их результаты не воплощались в конкретные документы: в 1921–1923 гг. не было введено в действие ни одного «постоянного» боевого устава, издавались только временные уставы, причем в очень незначительном количестве.

Отметим, что согласно Положению о Народном Комиссариате по Военным и Морским Делах (НКВМД) СССР от 12 ноября 1923 г.,¹ издание уставов, в том числе боевых, не входило в компетенцию Наркомата. Но и должностные лица ЦИК СССР по Договору об образовании Союза ССР² уже не должны были утверждать воинские уставы (это практиковалось в 1918–1920 гг.). Поэтому временные уставы утверждались до середины 1923 г. Главкомандующим всеми вооруженными силами Союза ССР и одним из членов Революционного Военного Совета (РВС) СССР, а затем — Заместителем Председателя РВС СССР.

Так, 22 декабря 1923 г. Главкомандующим всеми вооруженными силами СССР была утверждена часть II Временного Стрелкового устава РККА, которая называлась «Техника боевого применения стрелкового оружия» (в 1926 г. она вышла вторым изданием)³. Её положения служили своеобразным дополнением ко второй части Строевого Пехотного устава РККА⁴ и определяли основы управления стрелковым огнем в бою, а также правила стрельбы из наиболее широко распространенных видов и систем оружия и технику гранатного боя.

¹ СУ РСФСР. 1923. № 107. Ст. 1034.

² Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик : принят на I съезде Советов Союза ССР 30 декабря 1922 г. // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III. М., 1960. С. 18.

³ Временный Стрелковый устав РККА. Часть II. Техника боевого применения стрелкового оружия. 2-е изд. Москва : Военный Вестник, 1926.

⁴ Строевой Пехотный Устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Часть II. Действия пехоты в бою. [Петроград] : Высший Военно-Редакционный Совет, 1922.

Таким образом, перед органами военного управления СССР стояла задача: разработать новые уставы и наставления с учетом боевого опыта Первой мировой и гражданской войн. Она начала активно решаться, начиная с 1924 г., уже в рамках первой советской военной реформы.

Вместе с тем, завершение гражданской войны и интервенции, переход к новой экономической политике и последовавшая за ним стабилизация внутривойсковой обстановки позволили принять первый после Октябрьской революции 1917 г. «полномасштабный» акт чрезвычайного военного законодательства, регламентирующий вопросы военного положения. В отмену всех ранее действовавших в РСФСР по данному вопросу нормативных актов 8 марта 1923 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР было утверждено Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка [4, с. 109–113].

Положение 1923 г. существенно отличалось по своему содержанию и структуре от законодательства периода гражданской войны. В нем впервые были объединены нормы об основаниях и порядке осуществления чрезвычайных правовых режимов, как в отдельных местностях РСФСР, так и на всех видах транспорта, ранее закрепленные в различных правовых актах.

Положением предусматривалась возможность объявления двух чрезвычайных режимов: военного положения и исключительного положения, как особого режима, вводимого в случаях контрреволюционных выступлений (их угрозы), стихийных бедствий и меры переходного характера от военного положения к нормальному функционированию отдельных местностей. В свою очередь военное положение подразделялось на два вида — военное положение на театре военных действий и военное положение вне театра военных действий, когда меры исключительного положения оказались недейственными.

Следует отметить, что в Положении от 8 марта 1923 г. впервые в отечественном военном законодательстве советского периода дано определение театра военных действий (ТВД) как территории, на которой развертываются и действуют вооруженные силы Республики или располагаются тыловые учреждения. Также впервые была нормативно ограничена трехмесячным сроком и продолжительность действия режима военного положения. Все эти меры, безусловно, имели положительное значение, как направленные на более детальную регламентацию оснований и условий введения и осуществления

на практике чрезвычайных режимов в отличие от нормативных актов неконкретного содержания периода гражданской войны.

Военное положение в местностях, входящих в состав ТВД, должно было проводиться командованием всеми вооруженными силами соответствующих армий и фронтов. Этому командованию в отношении административного управления территорией подчинялись все местные Революционные военные комитеты (РВК), через которые военное командование действовало в сфере гражданского управления.

Командование вооруженными силами в местностях ТВД имело очень широкие полномочия: ему принадлежали все права, как принадлежащие РВК, права, так и права, предусмотренные особым Положением о революционных военных советах (оно было разработано, но так и не было издано).

Параллельно с судами общей юрисдикции («нормальными судами») в местностях, объявленных на военном положении, разрешалось создание революционных трибуналов, с правами военных, действующих в боевой обстановке. Эти трибуналы могли рассматривать любые дела по усмотрению РВК, даже если «виновные деяния не предусмотрены Уголовным кодексом», однако, «о подсудности означенных деяний революционному трибуналу должно быть упомянуто в обязательном постановлении».

На завершающем этапе гражданской войны, когда Советская власть утвердилась уже достаточно прочно, насущной необходимостью стала кодификация уголовного права на основе накопившегося уголовного законодательства, судебной и трибунальной практики. 1 июня 1922 г. был введен в действие первый Уголовный кодекс РСФСР (далее — УК РСФСР)¹.

Его Особенная часть имела восемь глав, в том числе главы о государственных и воинских преступлениях. Обстоятельства военного времени упоминались в УК РСФСР, если не считать главы о воинских преступлениях, или как необходимый элемент состава преступления, или, в основном, как квалифицирующее тот или иной состав обстоятельства.

Все нормы о воинских преступлениях, содержащиеся в УК РСФСР, с точки зрения их относимости к чрезвычайному военному законодательству, как и нормы, включенные в дореволюционный Воинский устав

¹ О введении в действие Уголовного кодекса РС.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

о наказаниях 1868 г.¹ можно разделить на две группы:

1) нормы, устанавливающие повышенную ответственность в военное время или в боевой обстановке за преступления, которые могут быть совершены как в мирное время, так и в ходе военных действий, т. е. когда совершение преступного деяния в военное время является квалифицирующим данный состав обстоятельством (такие нормы содержались в 7 статьях УК РСФСР);

2) нормы, рассчитанные на применение только в ходе военных действий, т. е. устанавливающие ответственность за преступления, которые могут совершаться только в условиях войны (преступления военного времени). УК РСФСР включал 5 соответствующих составов преступлений.

Таким образом, советское уголовное законодательство первоначально не восприняло дореволюционную практику установления ответственности за воинские преступления в отдельном нормативном правовом акте, подобном Воинскому уставу о наказаниях. Да и в последующем все принимаемые на союзном уровне положения о воинских преступлениях включались в УК РСФСР и союзных республик.

Практически в одно время с кодификацией уголовного законодательства в РСФСР произошла кодификация уголовно-процессуальных норм. Постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г.² с 1 июля того же года был введен в действие первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее — УПК РСФСР). Одновременно были отменены статьи актов о народных судах и трибуналах, относящиеся к уголовному судопроизводству.

Ст. 434–436 УПК РСФСР были посвящены производству в трибуналах в условиях боевой обстановки и в местностях, объявленных на военном положении, и касались они, в основном, обжалования приговоров. Список ревтрибуналов, действующих в боевой обстановке, должен был утверждаться Пленумом Верховного Трибунала по представлению Военной Коллегии. Приговоры таких трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

В местностях, объявленных на военном положении, революционным трибуналам предоставлялось право в случаях вынесения

приговора к высшей мере наказания (расстрел) входить в течение 24 часов после вынесения приговора при подаче осужденным кассационной жалобы с представлением о её неудовлетворении («непропуске») и обращении приговора к немедленному исполнению.

Правом рассмотрения кассационных жалоб наделялись губернские исполнительные комитеты и их президиумы. Данные структуры должны были в течение 24 часов после получения ими представления, направляемого трибуналом, решить вопрос о дальнейших процессуальных действиях. При этом губисполком был не вправе входить в рассмотрение вопроса о доказанности и недоказанности преступления и разрешал вопрос исключительно исходя из соображений опасности и распространенности данной категории преступных деяний в данной местности и необходимости принятия экстренных мер к их искоренению. Данное право предоставлялось губисполкомам специальным постановлением ВЦИК с точным указанием срока, на который оно вводится.

В отношении военных и военно-транспортных трибуналов, право, предоставленное губисполкомам, принадлежало уполномоченным НКПС на дорогах и РВС фронтов, армий и военных округов, а где таковых нет, — командующим фронтами, армиями и военными округами, причем это право принадлежало указанным учреждениям и лицам, независимо от предварительного разрешения ВЦИК.

В конце 1922 г. на IV сессии ВЦИК IX созыва было принято Положение о судостроительстве РСФСР³, которым губернские ревтрибуналы были упразднены, но военные и военно-транспортные трибуналы остались в качестве специальных судов. Произошли и другие изменения в российской судебной системе, поэтому 15 февраля 1923 г. Президиум ВЦИК утвердил переработанный Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее — новый УПК РСФСР)⁴.

В новом УПК РСФСР в ст. 406–408 практически без изменений были воспроизведены положения ст. 434–436 УПК 1922 г., посвященные обжалованию приговоров в условиях боевой обстановки и в местностях, объявленных на военном положении. При этом права внесения представления о непропуске кассационной жалобы осужденного и обращения приговора к немедленному исполнению,

¹ Свод Военных Постановлений, издания 1869 года. СПб., 1869. Часть 6. Военно-уголовные уставы. Кн. 22. Воинский устав о наказаниях.

² Об уголовно-процессуальном кодексе: Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

³ Положение о судостроительстве РС.Ф.С.Р. от 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁴ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РС.Ф.С.Р.: Постановление Президиума ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

ранее предоставленные революционным трибуналам, теперь были даны губернским судам.

Вместе с тем, в УПК РСФСР отсутствовали главы об особенностях судопроизводства в военных трибуналах (отдельные нормы были «разбросаны» по нескольким статьям). По нашему мнению, это было сделано в связи с тем, что регулирование их деятельности в связи с образованием СССР планировалось передать на союзный уровень. Однако, подготовка специального нормативного акта несколько затянулась, и Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре вышло только в 1926 г.

Заключение

Завершая рассмотрение развития чрезвычайного военного законодательства РСФСР в 1921–1923 гг., можно сделать ряд выводов. Во-первых, данный период отличался замедлением военно-уставной работы, что было вызвано переводом РККА на мирное положение. Разработка новых уставов началась только с 1924 г. в рамках первой советской военной реформы.

Во-вторых, 8 марта 1923 г. было издано Положение о чрезвычайных мерах охраны

революционного порядка. При введении военного положения оно предусматривало очень широкие полномочия военного командования, а также возможность осуществления широкого комплекса правоограничительных и репрессивных мероприятий, включая привлечение к уголовной ответственности за действия, даже не признанные преступлениями уголовным законодательством того времени.

В-третьих, нормы о воинских преступлениях содержались в одной главе первого УК РСФСР 1922 г., а не были, как до Октябрьской революции, «разбиты» по разделам Воинского устава о наказаниях. И в дальнейшем в отечественном уголовном законодательстве вплоть до Уголовного кодекса РФ 1996 г. в группировке воинских преступлений прослеживалась аналогичная тенденция.

В-четвертых, советское уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от дореволюционного, не имело специально нормативного правового акта, регламентирующего особенности судопроизводства в отношении военнослужащих, том числе в условиях военного положения или военного времени. Не было разработано подобного акта и в дальнейшем.

Список источников

1. Никонов Д. А., Стремоухов А. В. Чрезвычайное военное законодательство как юридическая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 13–18.
2. Липицкий С. В. Вооруженные Силы СССР и советское военное искусство в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1920–1940 гг.) : краткое учебное пособие / отв. ред. Воробьев В. Ф. Москва : Военная академия им. М. В. Фрунзе, 1957. 68 с.
3. История военного искусства. В 2 томах. Том 1 / под общ. ред. П. А. Ротмистрова. Т. 1. Москва : Воениздат, 1963. 458 с.
4. Лысенков С. Г., Никонов Д. А., Шахбазов Р. А. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Советский период : учебное пособие. Книга II. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2005. 174 с.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Contribution of authors. All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 15.03.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 02.04.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

ОБ УСТРАНЕНИИ НЕСОГЛАСОВАННОСТИ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕДУРНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА КАЗАХСТАНА О НАЛОЖЕНИИ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Фатима Полатовна Досанова

Институт законодательства и правовой информации

Министерства юстиции Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

f.saidakhmetova@adilet.gov.kz, <https://orcid.org/0000-0003-4022-6947>

Аннотация. В статье актуализируется правовая регламентация мер процессуального принуждения в новом Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан как самостоятельной процессуальной ответственности, впервые введенной в казахстанское законодательство. При этом особое внимание обращается на нормы, регламентирующие наложение денежного взыскания. При общей направленности мер процессуального принуждения на обеспечение нормального осуществления административного судопроизводства, тем не менее, в зависимости от оснований наложения денежного взыскания определяются его разные размеры: 10 месячных расчетных показателей, 20 и 50. Подвергнув критическому анализу нормы, закрепляющие наложение денежного взыскания, обосновывается целесообразность закрепления размера денежного взыскания при затягивании рассмотрения административного дела больше, чем без затягивания. Предлагается во избежание коррупциогенности норм АППК в отношении денежного взыскания либо в нормативном постановлении Верховного суда РК дать конкретизацию оснований наложения денежных взысканий, разъяснение порядка наложения денежного взыскания, возможности уменьшения его размера, включая ниже установленного низшего предела, освобождения от денежного взыскания, его рассрочки и отсрочки, повторности его применения, либо дополнить ст. 127 АППК РК.

Ключевые слова: административная юстиция, административное судопроизводство, административный процедурно-процессуальный кодекс, меры процессуального принуждения, замечание, удаление из зала суда, денежное взыскание, судебное усмотрение, процессуальная ответственность

Для цитирования: Досанова Ф. П. Об устранении несогласованности норм Административного процедурно-процессуального кодекса Казахстана о наложении денежного взыскания // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 13–19.

Research article

ELIMINATION OF INCONSISTENCIES OF PROVISIONS OF THE ADMINISTRATIVE PROCEDURAL CODE OF KAZAKHSTAN ON THE IMPOSITION OF FINANCIAL PENALTIES

Fatima P. Dosanova

Institute of legislation and legal information of the Republic of Kazakhstan,

Astana, Republic of Kazakhstan

f.saidakhmetova@adilet.gov.kz, <https://orcid.org/0000-0003-4022-6947>

Abstract. The article focuses on the legal regulation of coercive procedural measures in the newly adopted Administrative Procedural Code of the Republic of Kazakhstan as an independent procedural liability first introduced in the legislation of Kazakhstan. In this regard, emphasis is placed on

the regulations on the imposition of financial penalties. Under the general direction of coercive procedural measures to ensure the normal conduct of administrative proceedings, nevertheless, depending on the grounds for imposing a financial penalty, its size is determined differently: 10, 20, 50 monthly calculation indices. After a critical analysis of the regulations, which enshrine the imposition of financial penalty, it is justified the expediency of enshrining the amount of financial penalty when delaying the consideration of an administrative case more than without delaying. In order to avoid corruption of Administrative Procedural Code in relation to financial penalties. It is proposed either to specify in the normative resolution of the Supreme Court of Kazakhstan the grounds for imposing financial penalties, explain the procedure for imposing a financial penalty, the possibility of reducing its size, including below the established lower limit, exemption from financial penalties, its deferral and suspension, repetition of its application, or to amend Article 127 of the Administrative Procedural Code of Kazakhstan.

Keywords: administrative justice, administrative legal proceedings, Administrative Procedural Code, coercive procedural measures, reprimand, expelling from the hall, financial penalty, legal discretion, procedural liability

For citation: Dosanova FP. Elimination of Inconsistencies of Provisions of the Administrative Procedural Code of Kazakhstan on the Imposition of Financial Penalties. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):13-19. (In Russ.)

Введение

С 1 июля 2021 года в Казахстане стал действовать новый Административный процедурно-процессуальный кодекс¹ (далее — АППК РК), давший старт внедрению административной юстиции, которая была крайне необходимой для устранения сложившейся стойкого отчуждения чиновничества [1, с. 113] от простых людей при защите последними своих прав и интересов в споре с государственным органом. В данной связи в настоящее время в Казахстане через применение АППК РК находит реализацию концепция «Слышащего государства»², когда любой государственный орган или должностное лицо должны слышать проблемы гражданина, откликаться на эти проблемы и действовать в интересах граждан, не случайно. И на АППК РК возлагается задача усилить защиту граждан, а также юридических лиц в публично-правовых спорах. Обсуждение принятия АППК активизировало научные исследования о сущности административной юстиции, ее перспективе и необходимости внедрения [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Хотя, процессуальное принуждение, введенное в АППК РК нельзя отнести к числу разработанных в теории казахстанского административного права, поскольку

исследование мер административно-правового принуждения традиционно в советской и казахстанской науке административного права было связано с административными правонарушениями [8, с. 33]. Меры процессуального принуждения АППК являются самостоятельными по их применению, они не отсылают к другому закону для их исполнения. Тем самым определяется их обособленность целевым назначением — обеспечение нормального осуществления административного судопроизводства в рамках процессуальных требований АППК.

Описание проводимого исследования

В настоящее время в связи с принятием АППК казахстанское административное законодательство включает в себя законодательство об административных правонарушениях, законодательство об административных процедурах и законодательство об административном судопроизводстве. Причем в АППК в ст. 1 закреплено разделение на законодательство об административных процедурах и законодательство об административном судопроизводстве, т. е. официально АППК не содержит такого словосочетания как административное процедурно-процессуальное законодательство, оно не употребляется в АППК. АППК имеет четкое разделение на законодательство об административных процедурах и законодательство административного судопроизводства. Кроме того, АППК закрепляет то, что в административном судопроизводстве, если иной порядок не предусмотрен АППК, применяются положения Гражданского процессуального кодекса. В контексте акцентирования внимания

¹ Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI // Юрист : [сайт]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 02.03.2022).

² Конструктивный общественный диалог — основа стабильности и процветания Казахстана : послание Главы государства народу Казахстана от 2 сентября 2019 года // Юрист : [сайт]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 02.03.2022).

на мерах принуждения АППК следует подчеркнуть, что АППК имеет собственные меры процессуального принуждения в отличие от Гражданского процессуального кодекса. Гражданский процессуальный кодекс не имеет собственных норм, устанавливающих ответственность за проявление неуважения к суду, а ответственность наступает в силу предусмотренной за это административной ответственности (ч. 22 ст. 119 ГПК РК)¹. Нарушения предписаний Кодекса об административных правонарушениях во время административного деликтного судопроизводства или гражданского судопроизводства образуют составы административных правонарушений, которые закреплены в главе 33 Кодекса об административных правонарушениях².

Мерой государственного принуждения в рамках административного производства об административных правонарушениях является административное взыскание. За нарушение правил поведения в суде, проявление неуважения к суду, без уважительной причины отказ или неявка участника производства об административном правонарушении в орган его рассматривающий и повлекшее отложение разбирательства данного дела возможно наложение административного взыскания. В АППК РК предусмотрены такие оперативные меры реагирования на нарушение порядка административного судопроизводства, являющиеся мерами принуждения, как замечание, удаление из зала суда и денежное взыскание. Данные меры направлены как на предупреждение процессуальных нарушений, так и на их пресечение. Хотя, в отношении мер принуждения административно-процессуальное законодательство государств различается: есть с закреплением мер принуждения³ и без⁴.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан : Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2022 г.) // Юрист : [сайт]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 02.03.2022).

² Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях : от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.03.2021 г.) // Информационная база «Параграф». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 03.03.2022).

³ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>; Кодекс административного судопроизводства Украины : от 6 июля 2005 года № 2747-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.11.2021 г.).

⁴ См.: Административно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 30 июня 2009 года

АППК за нарушение порядка в зале судебного заседания предусматривает такую меру принуждения как замечание. Замечание из трех мер принуждения АППК является наиболее мягким в отношении нарушителя его норм. После его наложения в случае повторного нарушения порядка в зале судебного заседания председательствующий вправе применить более строгую меру принуждения. Следующей мерой принуждения по отношению к нарушителю порядка в зале судебного заседания является удаление из зала судебного заседания. Согласно ч. 1 ст. 126 АППК удаление участника процесса из зала судебного заседания возможно только после объявления ему замечания. АППК не устанавливает кратность объявления замечания. Но при этом АППК разрешает применение мер процессуального принуждения повторно. Иначе говоря, после первого замечания в случае, если нарушение норм АППК будет продолжено со стороны участника процесса, то далее по отношению к нему будет применено удаление. Как и возможно неоднократное применение замечания. АППК не оперирует таким понятием как грубое злоупотребление процессуальными правами или невыполнение процессуальных обязанностей. В силу этого удаление возможно за любое злоупотребление процессуальными правами или невыполнение процессуальных обязанностей без определения степени злостности таких нарушений. Данный момент полностью отнесен к судебскому усмотрению, т. е. когда за грубое обращение по отношению к участникам процесса суд без вынесения замечания вправе будет сразу удалить такого участника процесса или другое лицо, присутствующее на процессе. Удаление участника административного судопроизводства возможно как на весь период заседания, так и на часть рассмотрения административного дела. Период удаления определяется также судебным усмотрением. В тоже время ч. 2 ст. 126 АППК допускает нарушение такой последовательности и отступление от применения сначала замечания, а затем удаления из зала суда по отношению к другим лицам, присутствующим на рассмотрении административного дела в судебном заседании, так как они могут быть удалены председательствующим без предварительного объявления им замечания. Соответственно,

№ 846-IIIQ // LEGISLATIONLINE. URL: <https://www.legislationonline.org>; Административно-процессуальный кодекс Грузии от 23 июля 1999 года // Юридический факультет ВГУ : [сайт]. URL: <http://www.law.vsu.ru/> (дата обращения: 03.03.2022).

замечание и удаление как меры принуждения АППК могут быть применены как к участникам процесса, так и к другим лицам, присутствующим на процессе. Удаление участника процесса из зала суда является по сравнению с замечанием более жесткой мерой принуждения. Удаление можно признать и ограничением выступления участника по тем вопросам, которые не имеют отношения к судебному разбирательству. Удаляя участника, тем самым идет лишение его права выступать в связи с его поведением, нарушающим требования осуществления процесса, например, допущение с его стороны грубых или неуважительных высказываний в сторону оппонентов, суда. В данной связи вопрос остается открытым насколько будут ограничены права участника процесса его удалением на длительное время или же удалением, которое делает невозможным дальнейшее разбирательство дела без его участия. Скорее всего, если без участия такого лица-правонарушителя процесс будет невозможным, следует, применять денежное взыскание, хотя в таком случае необходимо в обязательном порядке учитывать основания наложения денежного взыскания.

И если в отношении замечания, удаления из зала суда не возникает проблем понимания их применения, при том, что понятно насколько широки здесь пределы судебного усмотрения, то в отношении наложения денежного взыскания есть определенная несогласованность норм АППК, которая чревата коррупционными рисками. И это при том, что принятие АППК было также обусловлено усилением борьбы с коррупцией, на что было обращено внимание Казахстана вторым раундом мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией (ОЭСР) [9, с. 87–88]. Вот почему нельзя оставлять без внимания регламентацию наложения денежного взыскания как самой жесткой меры принуждения АППК.

Результат и обсуждение

За нарушение процессуальных обязанностей суд своим постановлением вправе наложить денежное взыскание. Денежное взыскание может быть наложено на физическое, должностное лицо, юридическое лицо либо его представителя в определенном размере — от 10 до 100 месячных расчетных показателей (ч. 1 ст. 127 АППК), т. е. суд вправе применить самую суровую среди всех остальных меру принуждения и имеющую имущественный характер.

Причем за каждое нарушение суд вправе налагать денежное взыскание в размере 10 месячных расчетных показателей.

Исходя из смысла статьи АППК о денежном взыскании помимо того, что в ней обозначен минимальный размер денежного взыскания и максимальный его предел, устанавливаются основания наложения разных размеров денежного взыскания:

— 10 месячных расчетных показателей суд вправе наложить за злоупотребление процессуальными правами или не выполнение процессуальных обязанностей, в том числе в случаях представления доказательств, исполнения поручений с нарушением установленного судом срока без уважительных причин, если это привело к затягиванию рассмотрения административного дела;

— 20 месячных расчетных показателей суд вправе наложить за невыполнение требования, запроса суда, неявку в суд лица, участвующего в административном деле, несвоевременное извещение суда, несвоевременное представление отзыва, неподчинение распоряжениям председательствующего в судебном заседании, нарушение установленных в суде правил, а также иные действия (бездействия), явно свидетельствующие о неуважении к суду и (или) судье;

— 50 месячных расчетных показателей суд вправе наложить на ответчика за неисполнение решения суда, определения суда об утверждении соглашения сторон о примирении, медиации или об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры.

Как видим, основания для наложения денежного взыскания в размере 10 месячных расчетных показателей трудно дифференцировать от оснований наложения денежного взыскания в размере 20 месячных расчетных показателей. Более того, на наш взгляд, формулировка ч. 3 ст. 127 АППК, устанавливающей наложение денежного взыскания в размере 10 месячных расчетных показателей соответствует общему основанию наложения денежного взыскания — злоупотребление процессуальными правами или невыполнение процессуальных обязанностей без уважительных причин. Причем обратим внимание, что 10 месячных расчетных показателей устанавливается в обязательном случае при установлении факта затягивания рассмотрения административного дела в результате злоупотребления процессуальными правами или не выполнения процессуальных обязанностей, а без затягивания за злоупотребление процессуальными правами или не выполнение процессуальных обязанностей денежное взыскание налагается в большем размере — 20 месячных расчетных показателей, чем при затягивании рассматриваемого

административного дела. Очевидная несогласованность частей ст. 127 АППК между собой, имеющая при этом и ярко выраженную коррупционную угрозу.

Кроме того, анализ норм АППК о наложении денежного взыскания позволяет сказать о том, что в одном случае это может быть усмотрение суда, в то время как в другом — обязанностью суда. Как, например, за не предоставление ответчиком письменного отзыва в срок до десяти рабочих дней суд может наложить на него денежное взыскание (ч. 5 ст. 138 АППК). В этом случае законодатель закрепляет право усмотрения суда, используя формулировку «суд может». А вот согласно ч. 3 ст. 171 АППК в случае неисполнения добровольно ответчиком решения суда в месячный срок со дня вступления его в законную силу суд первой инстанции налагает на него денежное взыскание. В этом случае мы видим закрепление обязанности суда, поскольку категоричность формулировки «суд... налагает» не позволяет говорить о праве суда, тем самым закреплена обязанность суда наложить денежное взыскание.

АППК допускает освобождение от уплаты денежного взыскания, а также уменьшение его размера по ходатайству лица, на которое наложено данное взыскание. Однако, судебное усмотрение в этом случае безгранично, поскольку в АППК не установлено оснований уменьшения денежного взыскания и освобождения от его уплаты. Так же, как и вопрос оснований о рассрочке или отсрочке уплаты денежного взыскания отдан полностью на откуп судейству. АППК устанавливает только срок рассрочки или отсрочки уплаты денежного взыскания максимально только до двух месяцев (ч. 8 ст. 127 АППК). И если исходить из определения усмотрения как определенной нормативно-потенциальной возможности правоприменителя сделать «выбор из ряда строго определенных в законе вариантов» [10, с. 21], следует обратить внимание, что в АППК нет такого «ряда строго определенных вариантов» из которых судья мог бы выбрать основания уменьшения денежного взыскания, освобождения от его уплаты, рассрочки или отсрочки. В связи с чем, несмотря на то, что целью принятия решения об уменьшении денежного взыскания, освобождении от денежного взыскания, его рассрочки или отсрочки является облегчение исполнения данного процессуального принуждения, целесообразно объем судебного усмотрения при рассмотрении вопроса о уменьшении денежного взыскания, освобождении от денежного взыскания, его рассрочки или отсрочки

конкретизировать, введя в АППК основания для принятия такого решения.

Следует заметить, что кодексы или законы, регламентирующие процедуру рассмотрения публично-правовых споров, стран СНГ, Прибалтики не имеют подробной регламентации наложения денежного взыскания и в частности его уменьшения, а также оснований для освобождения от него, рассрочки и отсрочки¹. Однако в условиях непримиримой борьбы с коррупцией для казахстанского закона есть необходимость в их конкретизации.

Говоря о повторности наложения денежного взыскания, отмечается широкий выбор действий со стороны судьи. Так, согласно ч. 3 ст. 124 АППК меры процессуального принуждения могут быть применяться повторно. Но при этом согласно ч. 9 ст. 124 АППК при неисполнении судебного акта или требований суда о предоставлении доказательств, исполнении поручений с нарушением установленного судом срока без уважительных причин, которые привели к затягиванию рассмотрения административного дела, а также за невыполнение требования, запроса суда, неявку в суд лица участвующего в процессе, несвоевременное извещение суда, несвоевременное представление отзыва, неподчинение распоряжениям председательствующего в зале заседания суда, нарушение установленных в суде правил, а также иные деяния, явно свидетельствующие о неуважении к суду и (или) судье, суд вправе повторно наложить на лицо денежное взыскание, но уже в размере, увеличенном на 10 месячных расчетных показателей. Получается, что не только повторно, но еще и по сумме на 10 месячных расчетных показателей больше. Конечно, на сегодняшний момент в силу того, что нет обобщения практики применения АППК невозможно говорить насколько широко судьи применяют такую меру принуждения как денежное взыскание, в каких случаях они применяют право повторного наложения денежного взыскания

¹ См.: Кодекс административного судопроизводства Республики Армения : от 05.12.2013 г. // Национальное собрание Республики Армения : [сайт]. URL: <http://www.parliament.am/> (дата обращения: 03.02.2022) ; Кодекс административного судопроизводства Украины : от 6 июля 2005 года № 2747-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.01.2021 г.) // Информационная база «Параграф». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 03.02.2022) ; Административный кодекс Республики Молдова : от 19 июля 2018 года № 116 (с изменениями по состоянию на 05.02.2021 г.) // Информационная база «Параграф». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 03.02.2022).

согласно ч. 3 ст. 124 АППК, а в каких согласно ч. 9 ст. 124 АППК и, соответственно, с увеличением повторной суммы денежного взыскания на 10 месячных расчетных показателей. Однако, на наш взгляд, ощущается острая необходимость разъяснения применения данных норм в нормативном постановлении Верховного Суда РК.

Заключение

Особенностью принятого АППК является наличие в нем как материальных, так и процессуальных норм, устанавливающих порядок наложения мер принуждения, что позволяет говорить о наличии административно-процессуальной ответственности в АППК. Меры принуждения АППК можно разделить на две категории: меры принуждения, являющиеся процессуальной ответственностью, и превентивные меры принуждения, направленные на обеспечение надлежащего поведения лиц для нормального осуществления административного судопроизводства.

Практика применения АППК РК только начинает формироваться. Отсутствие оснований уменьшения денежного взыскания, освобождения от его уплаты, рассрочки, отсрочки, по нашему мнению, является пробелом АППК, который необходимо устранить для формирования стабильной и эффективной работы новых специализированных межрайонных административных судов в целях обеспечения прав и свобод физических и юридических лиц в публично-правовых спорах. Уменьшение размера денежного взыскания, освобождение от его уплаты влияют на конкретный объем данной обязанности — уплатить денежное взыскание. Во избежание коррупционности норм АППК в отношении денежного взыскания, имеет смысл либо в нормативном постановлении Верховного суда РК дать конкретизацию оснований наложения денежных взысканий, разъяснение порядка

наложения денежного взыскания, возможности уменьшения его размера, включая ниже установленного низшего предела, освобождения от денежного взыскания, его рассрочки и отсрочки, повторности применения денежного взыскания, либо дополнить ст. 127 АППК.

Кроме того, необходимо установить равнозначность наложения денежного взыскания за одно действие (бездействие), если оно способствовало затягиванию рассмотрения административного дела от 20 месячных расчетных показателей. При том, что если таких действий окажется несколько, тогда до 10 месячных расчетных показателей за каждое действие (бездействие). В данной связи предлагается корректировка ст. 127 АППК в части установления размера наложения денежного взыскания в зависимости от установления факта затягивания рассмотрения административного дела.

Вывод

Таким образом, обращение внимания на применение мер процессуального принуждения АПК обусловлено появлением впервые в казахстанском законодательстве такого самостоятельного вида юридической ответственности. Изучение мер процессуального принуждения необходимо как с теоретической, так и с практической точки зрения. В теоретическом аспекте не проработан вопрос о том, насколько уместно широкое усмотрение суда при наложении мер процессуальной ответственности, о достаточности данных мер процессуального принуждения, основаниях применения мер процессуального принуждения. Существующая правовая регламентация наложения денежного взыскания не отвечает требованиям четкости, предсказуемости, ставит в этой части под сомнение качество АППК и требует совершенствования юридической техники.

Список источников

1. Мицкая Е. В. Как не пустить плохих чиновников в Таможенный союз (Анализируя отчеты Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 112–118.
2. Досанова Ф. П. О внутренних административных процедурах проекта Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2019. № 4 (44). С. 11–16.
3. Досанова Ф. П. Альтернативные формы досудебного урегулирования споров, вытекающих из публичных правоотношений: зарубежный опыт и перспективы использования в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства РК. 2018. № 5 (54). С. 167–173.
4. Мицкая Е. В. О сущности и принципах административной юстиции // Наука. 2020. № 1 (64). С. 18–24.

5. Мицкая Е. В. Недостатки законодательного закрепления термина «обращение» и каждого вида обращения в Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан // Наука. 2020. № 3 (66). С. 19–25.

6. Мицкая Е. В. Несовершенство административной процедуры: препятствие надлежащей реализации права на обращение // Наука. 2020. № 4 (67). С. 3–9.

7. Досанова Ф. П., Ермакбаев Б. Б. О перспективе внедрения административной юстиции в рамках обсуждения некоторых положений проекта Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. № 4 (58). С. 176–184.

8. Жумагулов М. И. Правовые основы административного принуждения : монография. Нур-Султан : КИСИ при Президенте РК, 2019. 360 с.

9. Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией. Второй раунд мониторинга. Казахстан. Отчет о мониторинге. Организация экономического сотрудничества и развития. Сеть по борьбе с коррупцией для стран Восточной Европы и Центральной Азии, 2011. 189 с.

10. Алтынбек К. М., Жорабеков С. Ж., Мицкая Е. В. Судейское усмотрение формализовать невозможно // Web of Scholar. 2016. № 4 (4). С. 20–22.

Дата поступления статьи / Received: 06.03.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 12.04.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЬЮ 4 СТАТЬИ 14.13 И СТАТЬЕЙ 14.14 КоАП РФ

Роман Михайлович Назаренко

*Арбитражный суд Краснодарского края, Краснодар, Россия
nazarenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2559-5365>*

Аннотация. В статье выделены ситуации, имеющие различную природу и обуславливающие сложность квалификации административных правонарушений, имеющих смежные составы как с другими административными правонарушениями, так и с преступлениями. К наиболее значимым обстоятельствам, оказывающим негативное влияние на процесс квалификации административных деликтов, отнесены отсутствие наработанной практики по вновь установленным смежным составам правонарушений, конкуренция материальных норм внутри административно-деликтного законодательства и их недостаточно четкое отграничение от норм уголовного законодательства, недостаточно качественное технико-юридическое закрепление признаков смежных составов. Анализируются смежные составы административных правонарушений, предусмотренных ч. 4 ст. 14.13 и ст. 14.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, вызывающие сложности при рассмотрении данной категории дел судьями арбитражных судов. Проанализированы мнения представителей науки административного права, по-разному характеризующих соотношение и разграничение анализируемых составов административных правонарушений, представлена позиция Арбитражного суда Краснодарского края по делам об административных правонарушениях, связанным с неправомерными действиями при банкротстве. Содержатся предложения, направленные на формирование единообразной судебной практики по рассматриваемой категории дел об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность юридических лиц, административные правонарушения в области предпринимательской деятельности, смежные составы административных правонарушений, производство по делам об административных правонарушениях, арбитражные суды, судебная практика.

Для цитирования: Назаренко Р. М. О разграничении составов административных правонарушений, предусмотренных частью 4 статьи 14.13 и статьей 14.14 КоАП РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 20–24.

Research article

ON THE DIFFERENTIATION OF THE COMPOSITION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES PROVIDED FOR IN PART 4 OF ARTICLE 14.13 AND ARTICLE 14.14 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Roman M. Nazarenko

*Arbitration Court of Krasnodar Krai, Krasnodar, Russia
nazarenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2559-5365>*

Abstract. The article highlights situations that have a different nature and determine the complexity of the qualification of administrative offenses that have contiguous structures with both other administrative offenses and crimes. The most significant circumstances that have a negative impact

on the process of qualification of administrative torts are the lack of proven practice on newly established related offenses, competition of material norms within administrative-tort legislation and their insufficiently clear delineation from the norms of criminal legislation, insufficiently high-quality technical and legal consolidation of signs related compositions. The related structures of administrative offenses provided for by Part 4 of Art. 14.13 and Art. 14.14 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, causing difficulties when considering this category of cases by judges of arbitration courts. The opinions of representatives of the science of administrative law, which characterize the ratio and differentiation of the analyzed compositions of administrative offenses in different ways, are analyzed, the position of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory on cases of administrative offenses related to unlawful actions in bankruptcy is presented. Contains proposals aimed at the formation of a uniform judicial practice in the considered category of cases of administrative offenses.

Keywords: administrative liability of legal entities, administrative offenses in the field of entrepreneurial activity, related elements of administrative offenses, proceedings on cases of administrative offenses, arbitration courts, judicial practice.

For citation: Nazarenko RM. On the differentiation of the composition of administrative offenses provided for in part 4 of article 14.13 and article 14.14 of the Administrative Code of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):20-24. (In Russ.)

Введение

Одной из задач производства по делам об административных правонарушениях, закрепленной в ч. 1 ст. 24.1 КоАП РФ, является разрешение дела в соответствии с законом. Вполне очевидно, что выполнение данной задачи напрямую зависит от качества правовых норм, которые могут как способствовать формированию единообразной правоприменительной практики так и, напротив, затруднять данный процесс. Вместе с тем на практике достаточно сложно обеспечить единообразное правопонимание норм административно-деликтного законодательства, которое лежит в основе единообразного правоприменения, поскольку в нем представлены нормы, носящие бланкетный характер, либо с относительно-неопределенным содержанием, либо имеющие смежные составы. В условиях конкуренции норм выбор той или иной нормы сопряжен с дополнительными сложностями при квалификации отдельных административных правонарушений, это увеличивает время на уяснение содержания правовых норм, обуславливает необходимость установления соотношения и разграничения смежных составов. К сожалению, избежать подобных ситуаций не представляется возможным, однако решение данной проблемы возможно посредством толкования правовых норм, выработки научно-обоснованных рекомендаций по квалификации административных правонарушений в процессе судебного либо административно-юрисдикционного правоприменения.

В судебной практике, в том числе в практике арбитражных судов, нередки ситуации

вызывающие затруднения в связи с необходимостью квалификации административных правонарушений, имеющих смежные составы как с другими административными правонарушениями, так и с преступлениями: к числу таковых относятся, в частности, составы административных правонарушений, предусмотренных ч. 4 ст. 14.13 и ст. 14.14 КоАП РФ за неправомерные действия при банкротстве.

Описание исследования

Сложности квалификации административных правонарушений, имеющих смежные составы, могут иметь различную природу. В одних случаях может иметь место отсутствие наработанной практики, что, прежде всего, относится к вновь установленным смежным составам административных правонарушений и преступлений. В других случаях сложности обусловлены конкуренцией материальных норм внутри административно-деликтного законодательства и их недостаточно четким отграничением от норм уголовного законодательства. В третьих случаях сложности базируются на недостаточно качественном нормативно-правовом материале, т. е. на недостаточно качественном технико-юридическом закреплении признаков смежных составов [2, с. 19–23]. Наряду с проблемами общего порядка, возникающими при разграничении смежных составов административных правонарушений и преступлений [5, с. 211–214; 6, с. 182–190], свои особенности и сложности при квалификации преступлений и административных правонарушений проявляются в тех случаях, когда их составы имеют разграничение по объективным

либо субъективным признакам [7, с. 160–162; 8, с. 124–126]. Сложности при квалификации смежных составов административных правонарушений также могут быть рассмотрены через призму вышеназванных обстоятельств.

Одним из примеров конкуренции материальных норм внутри административно-деликтного законодательства может служить конкуренция положений ч. 4 ст. 14.13 и ст. 14.14 КоАП РФ, соотносящихся между собой как общая и специальная нормы, установившие административную ответственность за неправомерные действия при банкротстве.

Отметим, что в литературе была представлена точка зрения, согласно которой положения ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и ст. 14.14 КоАП РФ фактически установили двойную административную ответственность. Однако подобная ситуация оценивалась не как противоречащая требованиям ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ, а как позиция законодателя, сконструировавшего составы сходных административных правонарушений, соотносящихся как общее и частное. [3, с. 93]. Вместе с тем, высказывалось предположение, что после дополнения ст. 14.13 КоАП РФ ч. 4 следовало признать утратившей силу ст. 14.14 КоАП РФ, поскольку ее существование как общей нормы не оправдывается исходя из того, что ее объективная сторона полностью охватывается объективной стороной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ [3, с. 94].

Некоторые авторы занимают близкую точку зрения, при этом усматривают в одновременном действии ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и ст. 14.14 КоАП РФ наличие двойной административной ответственности, недопустимой исходя из положений ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ. Такую позицию они аргументируют тем, что, во-первых, деяние, описываемое ст. 14.14 КоАП РФ полностью поглощается деяние, предусмотренным ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ; во-вторых, фактически имеет место неэффективность специальной нормы 14.14 КоАП РФ ввиду не строгости ее санкций в сравнении с санкцией, предусмотренной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ; в-третьих, создается коллизия, позволяющая уйти от ответственности при оспаривании привлечения к административной ответственности ввиду квалификации по неправильному основанию. Как следствие, по мнению Б. П. Носкова и К. В. Новиковой «действующая редакция ст. 14.13 КоАП РФ исключает необходимость в существовании ст. 14.14 КоАП РФ» [4, с. 431].

В постатейных комментариях к КоАП РФ можно встретить и утверждения о том, что «на практике ст. 14.14 КоАП РФ практически не применяется ввиду наличия ч. 4 ст. 14.13

КоАП РФ, которая более полно и всеобъемлюще регламентирует вопросы, связанные с воспрепятствованием осуществлению функций временной администрации кредитной или иной финансовой организации» [1, с. 1108]. Отчасти такое утверждение справедливо.

Исходя из анализа ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и ст. 14.14 КоАП РФ, общим родовым объектом посягательства на которые выступает деятельность временной администрации, отметим, что их составы характеризуются одинаковой направленностью противоправного деяния, для субъективной стороны которого требуется умысел совершения административного правонарушения. Сходной является и объективная сторона деяний, характеризующаяся незаконным воспрепятствованием (соответственно воспрепятствованием) деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации (соответственно временной администрации). Но наряду с этим, можно выделить и различия в элементном составе ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и ст. 14.14 КоАП РФ, которые касаются субъекта административного правонарушения. Для нарушений, подпадающих под действие ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ, субъектами выступают должностные лица юридического лица-должника либо индивидуальные предприниматели-должники, а по ст. 14.14 КоАП РФ субъектами признаются должностные лица кредитной или иной финансовой организации, в которой назначена временная администрация в соответствии с распоряжением Банка России либо федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять лицензирование в финансово-кредитной сфере.

Основным субъектом рассмотрения большинства составов административных правонарушений в области предпринимательской деятельности выступают судьи арбитражных судов, которым по подведомственности отнесена и категория дел о неправомерных действиях при банкротстве. Отметим, что судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях на основании материалов, полученных от субъектов, уполномоченных возбуждать производство по делу об административном правонарушении в соответствии с закрепленной за ним подведомственностью. В соответствии с действующим законодательством дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ, возбуждается на основании протокола об административном правонарушении составленном должностным лицом по надзору федерального органа исполнительной власти, осуществляющего

функцию по контролю и надзору за деятельностью арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (п. 10 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ), а предусмотренным ст. 14.14 КоАП РФ — протокола об административном правонарушении, составленном должностным лицом органа внутренних дел (полиции) (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ). Наряду с этим, дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ (за исключением случаев, если данные правонарушения совершены арбитражным управляющим), может быть возбуждено на основании постановления, вынесенного прокурором (ч. 1 ст. 28.3 КоАП РФ).

Отметим, что в судебной практике Арбитражного суда Краснодарского края при решении вопроса о том, какую норму применять при рассмотрении дела об административном правонарушении, сопряженном с неправомерными действиями при банкротстве, судьи заранее не ориентированы на применение положений ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и соответственно на не применение положений ст. 14.14 КоАП РФ. Решение принимается с учетом того, из какого органа административной юрисдикции получены материалы дела, а также конкретных обстоятельств того или иного дела об административном правонарушении, вследствие чего в одних случаях оно квалифицируется по ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ, в других — по ст. 14.14 КоАП РФ.

Заключение

Оценивая нормативно-правовую регламентацию административных правонарушений, предусматривающих административную ответственность по ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и ст. 14.14 КоАП РФ за неправомерные действия при банкротстве, и судебную практику по данной категории дел отметим следующие моменты. Дополнение ст. 14.13 КоАП РФ новой частью 4 поставило вопрос о конкуренции данной правовой новеллы с положениями ст. 14.14 КоАП РФ и вызвало дискуссию

о целесообразности нахождения в КоАП РФ двух схожих составов административных правонарушений. Однако при всей схожести двух анализируемых составов административных правонарушений в конструкциях названных правовых норм имеются различия в субъектном составе. Кроме того сохранение в КоАП РФ двух смежных составов административных правонарушений обусловлено тем, что полномочиями по составлению протоколов по административным правонарушениям распределено между двумя независимыми друг от друга административно-юрисдикционными органами.

На формирование единообразной судебной практики по нарушениям, связанным с неправомерными действиями при банкротстве, оказывает влияние то, что, во-первых, судьи арбитражных судов, как правило, соглашаются с первоначальной квалификацией противоправных деяний в рассматриваемой сфере правоотношений, которая дана на стадии выявления административного правонарушения, во-вторых, тем, что дело об административном правонарушении может быть возбуждено по инициативе нескольких субъектов (прокурор, должностное лицо органов внутренних дел (полиции), должностное лицо федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функцию по контролю и надзору за деятельностью арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих), которым может быть присущ разный уровень понимания анализируемых норм.

Вместе с тем обратим внимание на то, что в случае переквалификации судьей дела об административном правонарушении со ст. 14.14 КоАП РФ на 4 ст. 14.13 КоАП РФ либо наоборот, дело о таком административном правонарушении подлежит прекращению, поскольку фактически возбуждено субъектом, не уполномоченным на составление протокола об административном правонарушении по измененной при судебном рассмотрении статье.

Список источников

1. Амелин Р. В. Постатейный комментарий к кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть первая (9–14 главы). Том 2 / под общ. ред. Л. В. Чистяковой. Москва, 2019. 1337 с.
2. Андрианов В. К. Техничко-юридическая сторона разграничения преступлений и смежных административных правонарушений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 19–23.
3. Газетдинов Е. В. Новое в законодательстве об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 1. С. 92–95.
4. Носков Б. П., Новикова К. В. Некоторые проблемы реализации административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 429–437.

5. Ольшевская А. В., Попович О. М. Актуальные вопросы разграничения смежных составов административных правонарушений и преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 211–214.

6. Орлова Л. А. Разграничение преступлений, связанных с банкротством, со смежными деликтами // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 8. С. 182–190.

7. Староверов А. В. Разграничение преступлений и административных правонарушений по объективным признакам // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 160–162.

8. Староверов А. В. Разграничение преступлений и административных правонарушений по субъективным признакам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 124–126.

Дата поступления статьи / Received: 23.12.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 12.01.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 09.03.2022.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЧАСТИЕ В НЕЗАКОННЫХ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Замфира Рафисовна Танаева

*Российский государственный университет правосудия (Уральский филиал), Челябинск, Россия
zamfira-t@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0432-0864>*

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возросшими требованиями государства к совершенствованию механизма защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Установление административной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния, рассматривается автором как одна из гарантий реализации механизма охраны прав и законных интересов несовершеннолетних на практике.

Цель проводимого исследования: провести анализ юридического состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ и сформулировать предложения по совершенствованию данной правовой нормы.

Методы исследования: общелогические методы познания (анализ и синтез, обобщение), частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, понятийный анализ, анализ литературы по теме исследования).

Результат исследования: выявлены проблемы правовой оценки противоправного деяния, возникающие в связи с неоднозначностью толкования в теории и практике понятий «вовлечение», «несанкционированные публичные мероприятия». В статье приводятся примеры регламентации норм об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение правонарушений в административном законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья, сформулированы предложения по совершенствованию нормы, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетних в несанкционированные публичные мероприятия и совершение административных правонарушений.

Ключевые слова: несовершеннолетний, защита прав и законных интересов, вовлечение, административная ответственность, несанкционированные собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования

Для цитирования: Танаева З. Р. Об административной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в участие в незаконных публичных мероприятиях // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 25–31.

Research article

ABOUT ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL PUBLIC EVENTS

Zamfira R. Tanayeva

*Russian State University of Justice (Ural branch), Chelyabinsk, Russia
zamfira-t@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0432-0864>*

Abstract. The relevance of the research topic is due to the increased demands of the state to improve the mechanisms for protecting the rights and legitimate interests of minors. The author considers the allocation of administrative responsibility for involving minors in unauthorized meetings, rallies,

demonstrations, marches or picketing as one of the guarantees of the mechanism for protecting the rights and legitimate interests of minors in practice, if these actions do not contain a criminally punishable act.

The objective of the research: to analyze the legal composition of an administrative offense provided for in Part 1.1 of Article 20.2 of the Administrative Code of the Russian Federation and to formulate the proposals for improving this legal norm.

Research methods: general logical methods of cognition (analysis and synthesis, generalization), private scientific methods (formal legal, comparative legal, conceptual analysis, analysis of literature on the subject of research).

The results of the research: the problems of legal assessment of an illegal act arising from the ambiguity of interpretation in theory and practice of such concepts as “involvement” and “unauthorized public events” are revealed; the examples of the norms regulation on responsibility for involving minors in committing offenses in the administrative legislation of some neighboring countries are presented; proposals for improving the norm providing the responsibility for involving minors in unauthorized public events and committing administrative offenses are formulated.

Keywords: minor, protection of rights and legitimate interests, involvement, administrative responsibility, unauthorized meetings, rallies, demonstrations, processions, picketing

For citation: Tanaeva ZR. About Administrative Responsibility for Involvement of Minors in Illegal Public Events. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):25-31. (In Russ.)

Введение

Одним из действенных инструментов, обеспечивающих охрану прав несовершеннолетних, рассматривается установление административной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных собраниях, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД РФ в марте 2021 года, указал на немедленное реагирование на противоправные деяния в отношении несовершеннолетних, в частности, когда их «втягивают в незаконные несанкционированные уличные акции», создавая «угрозу для их жизни и здоровья»¹. Ситуация с вовлечением детей в митинги неоднократно становилась темой обсуждения в Государственной Думе. Законодатели, признавая актуальность данной проблемы, предлагают разработать государственную программу действий в интересах детей, а некоторые из них выступают за ужесточение наказания за вовлечение несовершеннолетних в несанкционированные акции вплоть до привлечения виновных к уголовной ответственности.

В настоящее время административная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных

собрании, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния, предусмотрена ч. 1.1 ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Следует заметить, что после внесения изменений в КоАП в 2018 году данный состав правонарушения вызвал огромное количество споров как у практиков, так и у теоретиков. Юристы-практики оценивали норму как «инструмент политической борьбы» и как «ложная забота о правах несовершеннолетних» [5]. Некоторые ученые отмечают низкое качество закона в связи с тем, что «законодатель использовал юридическую технику «точечных» запретов — бессистемно и избирательно установил запреты на «вовлечение» несовершеннолетних лиц в совершение лишь отдельных правонарушений», следовательно, предлагают ввести общий запрет на вовлечение детей в совершение любых видов административных правонарушений [9, с. 48]. Другие ученые считают данную норму как ограничение «конституционного права граждан на свободу собраний» [10, с. 212]. Многие ученые, напротив, предлагают рассматривать «виктимологический аспект в механизме вовлечения подростков в совершение антиобщественных действий» [12, с. 3]. Полагаем, что подобные дискуссии возникают из-за несовершенства действующей нормы и отсутствия судебной практики.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью совершенствования механизма

¹ Президент РФ призвал органы внутренних дел к эффективной защите общества в цифровом пространстве. URL: <https://www.garant.ru/news/1449069/> (дата обращения: 21.04.2021).

защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, с другой стороны, необходимостью детального исследования вовлечения несовершеннолетних в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании и разработки комплекса предупредительных мер по борьбе с этим видом противоправного деяния.

Описание исследования

В настоящее время основным документом, в котором в соответствии с международными стандартами изложены основные права детей, а также механизм их реализации, является Конвенция о правах ребенка. Для нашего исследования представляется важным положение, зафиксированное в Конвенции, которое заключается в том, что «Государства-участники признают право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний. В отношении осуществления данного права не могут применяться какие-либо ограничения, кроме тех, которые применяются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц» (ст. 15)¹. Под мирными собраниями в соответствии со ст. 2 Федерального закона № 54 от 19 июня 2004 года «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» признаются открытые доступные каждому публичные мероприятия, целью которых является «свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики»². В ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ говорится о несанкционированных публичных мероприятиях. К сожалению, законодательное определение понятия «несанкционированный» отсутствует, а в вышеупомянутом Федеральном законе данный термин вообще не упоминается. Для объяснения его смысла обратимся к толковому словарю: «несанкционированный — не получивший официального разрешения, согласия; осуществляемый без санкции какой-либо инстанции (правительства, мэрии и т. п.)» [2]. Из сказанного следует,

что несанкционированное публичное мероприятие — это не получившее официально разрешения на проведение от органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления публичное мероприятие, проводимое в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Следует согласиться с мнением лингвистов и правоведов, которые считают, что механический перенос терминов в их общелингвистическом значении в нормативный акт и игнорирование разницы между языковым и правовым значениями терминов порождает неоднозначность их трактовки. В связи с этим есть смысл в ч. 1.1 ст. 20.2 вместо термина «несанкционированные» использовать указанный в Федеральном законе № 54 от 19 июня 2004 года термин «согласование» со значением отрицания, как «несогласованные органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления собрания, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях».

Административно-правовые методы санкционирования применяются органами государственного управления в целях обеспечения безопасности и «охраны и защиты конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства» [11, с. 64]. Таким образом, основанием применения публичными органами рассматриваемых административно-правовых мер являются возможное возникновение факторов опасности, способных причинить вред правам и законным интересам личности. Поэтому публичные мероприятия должны быть предварительно согласованы с исполнительными органами власти, в противном случае организатор публичного мероприятия понесет административную ответственность за организацию и проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия в соответствии с ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ. Следовательно, основой целью ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ является реализация положений Конвенции о правах ребенка о защите прав и законных интересов ребенка. Непосредственным объектом данного административного правонарушения являются общественные отношения, возникающие в сфере обеспечения общественного порядка, а также общественные отношения, возникающие в сфере охраны прав и законных интересов несовершеннолетних.

По поводу административной ответственности вовлечателя несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях,

¹ Конвенция о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989).

² О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон № 54-ФЗ от 19.06.2004 // Российская газета. 2004. 23 июня (№ 131).

митинге, демонстрации, шествии или пикетировании возникает справедливый вопрос. Можно ли говорить о составе административного правонарушения, если вовлекатель не был уведомлен о том, что публичное мероприятие проводится без похождения процедуры согласования и получения разрешения на проведение, тем самым не обладал достоверной информацией. Для того чтобы избежать правовой неопределенности полагаем понятие «несогласованные» в ч. 1.1. ст. 20.2 можно было бы дополнить словами «заведомо создающие предпосылки для нарушения общественного порядка и причинения вреда правам и законным интересам несовершеннолетних», так как любое несанкционированное публичное мероприятие может быть сопряжено нарушением общественного порядка, в ходе которых могут естественно пострадать и дети. На наш взгляд, при такой формулировке возможно установить вину лица, привлекаемого к ответственности, за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированном публичном мероприятии по признаку отношения лица к возможным общественно опасным последствиям, учитывая тематику и проблематику публичного мероприятия.

Анализ содержания ч. 1.1. ст. 20.2 КоАП РФ также приводит к выводу о необходимости более четкого описания объективной стороны правонарушения, именно понятия «вовлечение» и способов вовлечения. В связи с отсутствием законодательного толкования термина «вовлечение», в том числе и уголовного, сущность данного конструктивного признака рассматриваемого состава правонарушения остается дискуссионным. Из-за расплывчатого характера данного понятия на практике также возникают трудности в части установления вины правонарушителя. Так, Боровичским районным судом Новгородской области 29 сентября 2020 года было прекращено дело об административном правонарушении¹ в отношении гр. ФИО1, который организовал и провел несогласованное в установленном порядке с органами местного самоуправления публичное мероприятие в форме пикетирования с использованием средств наглядной агитации и привлечением к участию в публичном мероприятии несовершеннолетнего. Несмотря на то, что мать несовершеннолетнего дала показания суду о том, ФИО1 писал

¹ Постановление № 5-412/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 5-412/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tvbBmGDsfNe/> (дата обращения: 17.03.2022).

сыну сообщения в контакте и звал его на пикет распространять газеты, за что подарил сыну в июле 2020 года шоколадку и давал ему деньги, суд прекратил дело связи с тем, что при рассмотрении дела не представлено достаточно доказательств о совершении ФИО1 административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ.

В научной литературе вовлечение, в основном, является предметом уголовно-правовых и криминологических исследований, в которых дается уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и меры борьбы с ним. Рассмотрим некоторые из них.

Так, Н. П. Шевченко понимает под «вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления активные действия достигшего совершеннолетия лица, направленные на лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, и заключающиеся в приобщении, втягивании, укреплении у него решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния или деятельности либо в приобщении и подготовке его к преступному образу жизни» [13, с. 8]. Кроме того в своих научных трудах Н. П. Шевченко выделяет три формы вовлечения: 1) неконкретизированное вовлечение, при котором происходит психологическая обработка несовершеннолетнего, привитие ему преступного образа жизни; 2) конкретизированное вовлечение, при котором взрослый стремится сформировать у несовершеннолетнего самостоятельный умысел на совершение преступления, так называемое подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления; 3) конкретизированное вовлечение, при котором несовершеннолетний привлекается к совершению задуманного взрослым преступления в качестве соисполнителя или пособника. Подготовка несовершеннолетнего к участию в преступлении предполагает заранее спланированную, продуманную деятельность по формированию антиобщественной установки личности несовершеннолетнего [13, с. 18–19].

Т. А. Олейникова, М. В. Иванова и др. понимают под вовлечением «систему активных действий, направленных на сознание и волю несовершеннолетнего, которыми взрослый возбуждает намерение или укрепляет решимость совершить одно или несколько преступлений или участвовать в их совершении» [3, с. 12]. А. В. Осипьян вкладывает в данное понятие субъективный признак прямого умысла, как «любые умышленные действия, направленные на возбуждение

у несовершеннолетнего желания заниматься этими видами противоправных, антиобщественных деяний (склонение к ним)» [25, с. 6].

Ю. Е. Пудовочкин характеризует вовлечение с точки зрения психологии, как «манипуляция», под которой понимает «вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого лица к совершению определенных действий» [8, с. 13].

Таким образом, в научной литературе общепринятой является точка зрения, изложенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ в связи с возникшими у судов вопросами при применении норм уголовного законодательства о вовлечении. Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение понятию «вовлечение», как «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий»¹. На наш взгляд, есть необходимость акцентировать внимание и на тех конструктивных признаках, указанных в научных трудах ученых, однако не нашедших отражения в определении Пленума Верховного Суда РФ («активные действия», «умышленные действия», «заранее спланированная, продуманная деятельность» и т. д.).

Говоря о вовлечении, как уголовно-наказуемом деянии, следует также рассмотреть проблему разграничения уголовной ответственности по ст. 151.2 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего от административной ответственности по ч. 1.1. ст. 20.2 КоАП РФ. Безусловно, для составов преступлений характерными являются признаки, повышающие опасность деяния. По ст. 151.2 УК РФ противоправное деяние по вовлечению несовершеннолетнего должно создавать опасность для его жизни, следовательно, может нанести вред его здоровью. В связи с этим основным квалифицирующим признаком вовлечения

выступает деятельность лица, направленная на возбуждение у несовершеннолетнего лица решимости совершить противоправное действие, представляющее опасность для его жизни. Кроме того, по мнению Е. П. Коровина, «вовлечение в совершение противоправных действий, опасных для жизни, должно быть направлено на одного или несколько, но конкретных несовершеннолетних» [4, с. 59].

Мы считаем, что, несмотря на то, что указанный в определении признак «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания» относится к уголовно-правовой норме, он в полной мере может быть использован и для толкования «вовлечения» по ч. 1.1. ст. 20.2 КоАП РФ. Для устранения сомнений в квалификации вовлечения несовершеннолетнего в участие в несогласованных органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления собрания, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, на наш взгляд, имеется необходимость в примечании статьи раскрыть сущность понятия «вовлечение», как «умышленные действия совершеннолетнего лица, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего участвовать в несогласованных органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления собрания, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». Избежать правовой неопределенности позволит и конкретизация субъекта правонарушения. Несмотря на то, что логический метод толкования норм права на практике используется, напротив, в некоторых случаях выступает надежным инструментом юриста, относительно данной конкретной нормы права, на наш взгляд, такой метод является недопустимым, поскольку несовершеннолетний выступает как особый субъект охраны и защиты его прав и законных интересов.

Что касается способов вовлечения, можно согласиться с Ж. П. Дорофеевой и А. В. Карагодиным, которые к основным способам вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественной деятельности относят обещание, обман, угрозу, как «в устной (напрямую, по телефону, жестами), так и в письменной форме (письмом, факсом, электронной почте и т. п.)» [1, с. 59].

Для наиболее глубокого понимания сущности вовлечения несовершеннолетнего в участие в несанкционированном публичном мероприятии мы изучили также административное законодательство некоторых

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/#dst100096 (дата обращения 17.03.2022).

стран ближнего зарубежья. Сравнительный анализ Кодексов об административных правонарушениях девяти стран ближнего зарубежья показал, что ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных публичных мероприятиях предусмотрена административным законодательством только трех Республик. Так, административным законодательством Республики Казахстан в ч. 2 ст. 128 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения»¹ предусмотрена ответственность за «вовлечение несовершеннолетнего в собрания, митинги, шествия, демонстрации и иные формы выражения общественных, групповых или личных интересов и протеста, проводимые в нарушение законодательства Республики Казахстан, а равно использование несовершеннолетнего в указанных формах выражения общественных, групповых или личных интересов и протеста». В Кодексе Республики Молдова² имеется ст. 68, предусматривающая ответственность за «принуждение к участию или воспрепятствование участию в забастовке лица путем угрозы применения силы либо использования зависимого положения принуждаемого». В Кодексе Азербайджанской Республики об административных проступках³ в качестве конструктивного признака принуждения выделяется признак материальной зависимости (ст. 204). Во всех остальных кодексах ответственность предусмотрена за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение (Республика Беларусь, Республика Таджикистан), либо совершение административного правонарушения (Республика Узбекистан).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в проанализированных нами законах не раскрывается само понятие «вовлечение»,

¹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях : от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.02.2021 г.) // Юрист : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399#pos=2386;-54 (дата обращения: 10.03.2022).

² Кодекс Республики Молдова об административных правонарушениях от 24 октября 2008 года № 218-XVI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.12.2020 г.) // Юрист : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30395669#pos=667;-48 (дата обращения: 10.03.2022).

³ Кодекс Азербайджанской республики об административных проступках (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.12.2020 г.) // Юрист : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427#pos=2293;-54 (дата обращения: 10.03.2022).

более развернутыми являются способы вовлечения, такие, как угроза применения силы, использование зависимого положения и материальной зависимости. Кроме того, в кодексах некоторых Республик отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в несанкционированные публичные мероприятия, а в некоторых не проводится разграничение по возрасту вовлекаемого. В то же время следует отметить стремление законодателей ближнего зарубежья использовать правовой механизм защиты несовершеннолетних от негативного влияния взрослых. Несомненный интерес представляет законодательная норма Республики Узбекистан, устанавливающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение любых административных правонарушений. На наш взгляд, совершенствование механизма обеспечения безопасности несовершеннолетних предполагает установление единых стандартов в области административно-правовой защиты несовершеннолетних от вовлечения несовершеннолетних в участие в несанкционированных акциях с целью недопущения причинения вреда жизни, здоровью и развитию несовершеннолетних.

Заключение и вывод

С учетом вышеизложенного сформулируем диспозицию ч. 1.1. ст. 20.2 КоАП РФ следующим образом «Вовлечение несовершеннолетнего в участие в несогласованных органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления собрания, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния...». Кроме того, считаем необходимым добавить примечание к статье следующего содержания: «Примечание. Под вовлечением следует понимать умышленные действия совершеннолетнего лица, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего участвовать в несогласованных органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления собрания, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния».

Анализ административного законодательства стран ближнего зарубежья позволил прийти к выводу о необходимости введения в КоАП РФ статью, предусматривающую ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения.

Вовлечение несовершеннолетнего в участие в несогласованных органом исполнительной власти субъекта РФ или органом местного самоуправления собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании рассматриваем как особый механизм защиты прав несовершеннолетних на законодательном уровне. Несовершеннолетние еще

не достигшие по физическим и психологическим качествам уровня, необходимого для нормальной жизнедеятельности в современном обществе, не способные самостоятельно обеспечивать свои потребности, оказываются вовлеченными в участие противоправных действий, представляющих опасность, в связи с чем нуждаются в особой правовой охране.

Список источников

1. Дорофеева Ж. П., Карагодин А. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение административных правонарушений: проблемы выявления и возможные пути решения // Наука. Мысль : электронный периодический журнал. 2016. № 5-1. С. 51–59.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва : Русский язык, 2000.
3. Иванова М. В. Ответственность и наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 26 с.
4. Коровин Е. П. Некоторые теоретические и практические проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ // Уголовное право. 2018. № 6. С. 56–65.
5. Нагорная М. За вовлечение подростков в несанкционированные акции предлагают арестовывать на 15 суток // Адвокатская газета : [сетевое издание]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/za-vovlechenie-podrostkov-v-nesanktsionirovannye-aktsii-predlagayut-arestovyvat-na-15-sutok/?sphrase_id=295022 (дата обращения: 10.03.2022).
6. Олейникова Т. А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 25 с.
7. Осипьян А. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.
8. Пудовочкин Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. 21 с.
9. Саленко А. В. Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 48–61.
10. Сбитнев В. С. Вовлечение несовершеннолетних в участие в публичных мероприятиях: новеллы российского законодательства // Современный юрист. 2020. № 3 (21). С. 212–218.
11. Стахов А. П., Лорткипанидзе Т. В. Административно-санкционирующие меры безопасности. Понятие, отличительные признаки и классификация // Закон и право. 2007. № 2. С. 63–65.
12. Шевченко Г. В. Виктимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 217 с.
13. Шевченко Н. П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 24 с.

Дата поступления статьи / Received: 21.03.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 12.04.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НАРУШЕНИЕ РАЗУМНОГО СРОКА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ПРИОСТАНОВЛЕННОМУ ПРОИЗВОДСТВОМ

Елена Константиновна Черкасова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
elenache0606@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7422-6833>

Аннотация. Статья посвящена особенностям реализации права потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред по уголовному делу, производство по которому было приостановлено, на получение компенсации за нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства. В работе затрагиваются проблемные вопросы, связанные с соблюдением всех необходимых условий для подачи соответствующего административного искового заявления. В ходе исследования на основе анализа правовой основы, определяющей условия для подачи административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, и правоприменительной практики рассмотрения судом таких административных исковых заявлений, высказываются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: разумный срок, компенсация, административное исковое заявление, процессуальные сроки, потерпевший, приостановление производства по уголовному делу

Для цитирования: Черкасова Е. К. Особенности реализации права на компенсацию за нарушение разумного срока производства по уголовному делу, приостановленному производством // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 32–37.

Research article

PECULIARITIES OF REALIZATION OF THE RIGHT TO COMPENSATION FOR VIOLATION OF A REASONABLE PERIOD OF PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE SUSPENDED

Yelena K. Cherkasova

Tyumen State University, Tyumen, Russia
elenache0606@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7422-6833>

Abstract. The article is devoted to the specifics of the implementation of the right of the victim or other interested person who has been harmed by an act prohibited by criminal law in a criminal case, the proceedings on which were suspended, to receive compensation for violation of reasonable terms of criminal proceedings. The paper touches on problematic issues related to compliance with all the necessary conditions for filing an appropriate administrative claim. In the course of the study, based on the analysis of the legal framework defining the conditions for filing an administrative claim for compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time, and the law enforcement practice of consideration by the court of such administrative claims, proposals are made to improve the current legislation.

Keywords: reasonable time, compensation, administrative statement of claim, procedural time limits, victim, suspension of criminal proceedings

For citation: Cherkasova YeK. Peculiarities of Realization of the Right to Compensation for Violation of a Reasonable Period of Proceedings in a Criminal Case Suspended. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):32-37. (In Russ.)

Введение

Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляет право каждого на справедливое и публичное разбирательство его, дела в разумный срок¹. Восприняв данную норму, российский законодатель определяет и закрепляет в действующем законодательстве принцип разумного срока судопроизводства, при этом данный принцип реализуется в различных отраслях права: уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной, административной.

Закрепив в ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) принцип обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства, законодатель тем самым указал на то, что данный принцип безусловно является важнейшей гарантией обеспечения участников уголовного судопроизводства на своевременный доступ к правосудию.

Нарушение принципа разумного срока уголовного судопроизводства влечет за собой наступление определенных правовых последствий, к числу которых законодатель относит возможность получения компенсации отдельными участниками уголовного судопроизводства, по результатам рассмотрения их административного искового заявления в соответствии с требованиями главы 26 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ).

Несмотря на достаточно детальную регламентацию механизма подачи и рассмотрения административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, отдельные положения закона, регламентирующие данный порядок, являются весьма противоречивыми, что существенным образом может отразиться на реализации нарушенных прав лиц, чьи интересы были затронуты в связи с необоснованным затягиванием производства по уголовному делу, и как следствие затруднить возможность получения соответствующей компенсации.

Описание проводимого исследования

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства в юридической литературе зачастую ассоциируется с требованиями

быстроты [1, с. 9; 2, с. 3], либо с требованием процессуальной экономии [3, с. 36]. Безусловно данные требования являются несомненными составляющими, которые определяют разумный срок производства по делу. При этом обязательно при реализации данного принципа должны учитываться и требования своевременности осуществления предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел, а также качества осуществляемого производства по уголовному делу, непосредственным образом влияющего на обеспечение соблюдения законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства [4, с. 13]. В связи с чем следует согласиться с мнением В. И. Кушнерева, который указывает на то, что «принцип разумного срока уголовного судопроизводства включает в себя не только требования быстроты, но и качества, процессуальной экономии, своевременности и целесообразности действий правоприменителя, и реализуется как правоприменителем и невластными участниками уголовного судопроизводства, так и законодателем при создании правовых норм, регулирующих уголовно-процессуальные сроки, и иных норм, обеспечивающих разумную продолжительность уголовного судопроизводства» [5, с. 10].

Реализация данного принципа распространяется на различные стадии уголовного судопроизводства. Так на этапе возбуждения уголовного дела могут быть приняты решения или осуществлены действия, которые непосредственным образом могут послужить поводом к затягиванию установления обстоятельств совершенного деяния и своевременному привлечению виновных к ответственности. К числу таких решений и действий можно отнести отказ в принятии заявления или сообщения о преступлении, бездействие по их проверке, а также вынесение необоснованных и незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. На стадии предварительного расследования нарушение разумного срока уголовного судопроизводства может связано с вынесением незаконных постановлений о приостановлении производства по уголовному делу, а также с несвоевременным принятием решений о возобновлении уголовного дела. В судебных стадиях разумные сроки необходимые для рассмотрения дела также могут быть нарушены путем принятия незаконных и необоснованных решений об его отложении или приостановлении.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заклучена в г. Риме 04.11.1950 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» при нарушении права на судопроизводство в разумный срок лицо может обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение. Как установлено п. 2 указанной статьи, компенсация присуждается в случае, если такое нарушение имело место по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с иском в суд, за исключением чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (непреодолимой силы)¹. Кроме того, согласно пункта 3 ст. 1 указанного закона присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок не зависит от наличия либо отсутствия вины суда, органов уголовного преследования, органов, на которые возложены обязанности по исполнению судебных актов, иных государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

При определении разумного срока досудебного производства, нарушение которого является основанием для принятия решения судом о присуждении компенсации административному истцу должны учитываться следующие обстоятельства:

— правовая и фактическая сложность уголовного дела;

— поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства по уголовному делу;

— достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления;

— общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

Согласно ч. 6 ст. 250 КАС РФ правом на подачу искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок обладают потерпевший или иное заинтересованное лицо,

¹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон от 30 апреля 2010 № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред по уголовному делу, производство по которому было приостановлено. При этом законодатель предоставляет право на получения такой компенсации только в том случае если уголовное дело приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) и, если это решение принято в ходе предварительного расследования.

Как и подача любого искового заявления, подача административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок связана с соблюдением ряда условий, к числу которых относятся: общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу, сроки подачи административного искового заявления, подача заявления только определёнными участниками уголовного судопроизводства, соблюдение требований, предъявляемых к административному исковому заявлению и др.

Одним из условий для реализации своего права на компенсацию в связи с нарушением принципа разумного срока судопроизводства является процедура ускорения производства по делу. Существенным образом отличается процедура по ускорению производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования. Положения Уголовно-процессуального кодекса и Кодекса административного судопроизводства не предусматривают каких-либо требований, обязывающих заявителя до подачи административного иска, совершить действия, направленные на ускорение уголовного судопроизводства на данном этапе производства по делу. Однако в своих разъяснениях Пленум Верховного суда указывает, что в случае подачи заявления о компенсации в случае нарушения разумного срока досудебного производства по уголовному делу, заявитель предварительно должен обязательно обратиться к прокурору или руководителю следственного органа с жалобой в порядке, установленном ч. 2 ст. 123 УПК РФ. При этом согласно мнению Верховного Суда отказ в удовлетворении данной жалобы, а также ее не рассмотрение указанными лицами в установленный законом срок, не является препятствием для обращения с заявлением о компенсации².

² О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума ВС РФ от 29.03.2016 № 11 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.

Альтернативой подачи жалобы на длительность осуществления досудебного производства по уголовному делу, как способа ускорения расследования по уголовному делу, является согласно мнения Пленума Верховного Суда РФ является обжалование заявителем в порядке, установленном ч. 1 ст. 123 и (или) ст. 125 УПК РФ сроков предварительного расследования, в случае их продления. Полагаем, что не только обжалование сроков расследования по делу, но и обжалование незаконных и необоснованных постановлений о приостановлении уголовного дела с требованиями об их отмене, может являться способом по ускорению производства по уголовному делу, приостановленному производством.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство справедливо не содержит обязательных требований к заявлению об ускорении рассмотрения дела, это обусловлено тем, что на момент приостановления предварительного расследования заявитель — участник уголовного судопроизводства или иное лицо, интересы которого затрагиваются затягиванием производства по уголовному делу весьма ограничен в ознакомлении с материалами уголовного дела, на которые он мог бы сослаться в своем заявлении.

К числу обязательных условий для подачи и рассмотрения административного искового заявления в связи с затягиванием производства по уголовному делу, по которому производство по делу не окончено и принято решение о приостановлении предварительного расследования согласно ч. 6 ст. 250 КАС РФ, законодатель относит следующее:

1. Общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу превысила 4 года.

2. Срок для подачи административного искового заявления составляет 6 месяцев со дня принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу.

3. Административным истцом является потерпевший или иное заинтересованное лицо, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред.

4. Имеются данные, свидетельствующие о непринятии прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской

Федерации и необходимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, осуществления предварительного расследования по уголовному делу и установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Следует отметить, что соблюдение первых двух условий, из перечисленных выше в ряде случаев является невозможным. Это связано с тем, что, как правило, решение о приостановлении производства по уголовному делу принимается гораздо раньше, чем истекает четырехлетний срок общей продолжительности досудебного производства. Так по общему правилу, если сроки расследования не продлевались в порядке, предусмотренном ст. 162 УПК РФ, решение о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, выносится по истечении двух месяцев с момента возбуждения уголовного дела. А учитывая то, что именно с момента принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу исчисляется шестимесячный срок, в рамках которого и может быть подано административное исковое заявление, то вполне реальна ситуация, при которой шесть месяцев на подачу заявления истекнут за долго до того, как общая продолжительность предварительного расследования превысит четыре года.

Таким образом, реализация права на получение компенсации за нарушение разумных сроков производства по делу при соблюдении двух условий, связанных с общей продолжительностью досудебного производства по уголовному делу и сроком на подачу административного искового заявления, становится возможной, если повторное решение о приостановлении предварительного расследования вынесено по истечении трех лет и шести месяцев с момента подачи заявления, сообщения о преступлении. В связи с чем практическим выходом для восстановления шестимесячного срока на подачу административного искового заявления для потенциального истца из ситуации, когда с момента вынесения решения о приостановлении предварительного расследования прошло более шести месяцев, но общая продолжительность по делу при этом еще не превысила четырех лет, является возможность обжалования вынесенного ранее постановления о приостановлении с требованием об его отмене как незаконного и (или) необоснованного. И только в случае удовлетворения данной жалобы производство по делу будет возобновлено, а после принятия повторного решения о приостановлении

производства по уголовному делу у потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред по уголовному делу вновь появится возможность подачи административного искового заявления на получение компенсации за нарушение разумных срок производства по делу. В случае же отказа в удовлетворении жалобы, заявитель фактически не сможет реализовать свое законное право на получение компенсации.

Наглядным примером данной правовой коллизии, может служить следующий случай рассмотрения Тюменским областным судом искового заявления Лубошникова И. А. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, по итогам которого заявленные иски требования, связанные с признанием права на компенсацию в связи с нарушением прав потерпевшего на судопроизводство в разумных срок были удовлетворены.

«Решением Тюменского областного суда от 11.08.2021 по делу № 3а-34/2021 было установлено, что 28.01.2016 года потерпевший — Лубошников И. А. обратился в УМВД России по г.Тюмени с заявлением о привлечении к уголовной ответственности конкретных лиц, которые путем обмана и злоупотребления доверием завладели денежными средствами в особо крупном размере. Однако 21.02.2016 г. в возбуждении уголовного дела было отказано, и только 21.01.2018 г. было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении неустановленных лиц. Впервые, 23.03.2018 г. уголовное дело было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого»¹.

Таким образом, после вынесения первого решения о приостановлении производства по уголовному делу у потерпевшего не возникло право на подачу административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, так как общая продолжительность производства по уголовному делу на тот момент еще не превысила 4 года.

«В декабре 2020 года представителем Лубошникова И. А. в порядке ст. 124 УПК РФ была подана жалоба на постановление

о приостановлении предварительного следствия. Указывая на незаконность и необоснованность вынесенного следователем постановления о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу, вынесенного по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и необходимость его отмены, т. к. не были выполнены все возможные действия, предусмотренные ч. 5 ст. 208 УПК РФ, заявитель указал на необходимость проведения отдельных следственных и процессуальных действий, в том числе и с участием потерпевшего.

21.01.2021 года данная жалоба была удовлетворена частично, было указано, что в ходе расследования не в полном объеме проведены все необходимые процессуальные действия в соответствии с ч. 5 ст. 208 УПК РФ, в связи с чем было принято решение о возобновлении производства по уголовному делу и установлен срок расследования до 03.03.2021 г. Однако уже 03.03.2021 г. производство по уголовному делу было вновь приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Таким образом, лишь только после вынесения данного постановления с учетом того, что общая продолжительность по уголовному делу превысила 4 года и 11 месяцев, у потерпевшего появилась возможность по реализации своего права на получение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, путем подачи соответствующего административного искового заявления.

На момент рассмотрения административного искового заявления в Тюменском областном суде было установлено, что общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу составила 5 лет 2 месяца и 10 дней, срок с момента возбуждения уголовного дела составил 3 года 1 месяц 8 дней, а общий срок предварительного следствия — 2 года 10 месяцев 14 дней. Однако указанные потерпевшим лица так и не были привлечены к уголовной ответственности. При этом затягивание сроков производства по уголовному делу по мнению суда было напрямую связано с неприятием органами предварительного следствия надлежащих мер по установлению причастных лиц к уголовной ответственности за совершение данного преступления, что и привело к тому, что производство по уголовному делу неоднократно приостанавливалось по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В результате судом административные иски требования Лубошникова И. А. были удовлетворены»².

² Там же.

¹ Решение Тюменского областного суда от 11.08.2021 № 3а-34/2021 // Тюменский областной суд : [сайт]. URL: https://oblsud--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=972977&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.03.2022).

Заключение и вывод

Решение о приостановлении, в отличие от других решений, указанных в ст. 250 КАС РФ, не является окончательным по делу, и связано со временным перерывом в процессуальной деятельности по делу, в связи с чем производство может быть возобновлено и по делу может быть принято другое решение. На основании этого, по-нашему мнению является необоснованным исчисление какого-то срока предоставляемого для подачи административного искового заявления с даты вынесения промежуточного решения по делу, а именно решения о приостановлении производства по уголовному делу.

Таким образом представляется целесообразным внести следующие изменения в Кодекс административного судопроизводства РФ, исключив из ч. 6 ст. 250 кодекса требование о соблюдении шестимесячного срока, предоставляемого для подачи административного искового заявления. Данное изменение в действующем законодательстве безусловно будет способствовать надлежащей реализации права потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, права на присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Список источников

1. Маслов И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 22 с.
2. Вольнец К. В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. 23 с.
3. Махмутов М. В. Принцип процессуальной экономии — начало положено // Законность. 2010. № 12. С. 35–36.
4. Гаврилов Б. Я. О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 9–15.
5. Кушнерев В. И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 32 с.

Дата поступления статьи / Received: 22.03.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 26.03.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

СТАТУС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Виктор Михайлович Шевченко

*Юридическая компания «Шевченко и партнеры», Ростов-на-Дону, Россия
m.davidenko78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5513-4140>*

Аннотация. В статье обращено внимание на неопределенность в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) административного процессуального статуса представителя организации по коллективному управлению правами авторов. Рассмотрен зарубежный опыт эффективного функционирования института защиты авторских прав, аргументировано предложение о включении представителя организации по коллективному управлению правами авторов в круг лиц, признаваемых КоАП РФ в качестве законного представителя.

Ключевые слова: административно-процессуальный статус, представитель организации по коллективному управлению правами авторов, административные правонарушения в области авторских и смежных прав, участники производства по делам об административных правонарушениях

Для цитирования: Шевченко В. М. Статус представителя потерпевшего по делам об административных правонарушениях в области авторских и смежных прав // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 38–42.

Research article

REPRESENTATIVE STATUS VICTIM ON CASES ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Viktor M. Shevchenko

*Legal company Shevchenko & Partners, Rostov-on-Don, Russia
m.davidenko78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5513-4140>*

Abstract. The article draws attention to the uncertainty in the Administrative Code of the Russian Federation of the administrative procedural status of the representative of the organization for collective management of authors' rights. The foreign experience of the effective functioning of the institute of copyright protection is considered, the proposal to include a representative of the organization for collective management of authors' rights in the circle of persons recognized by the Administrative Code of the Russian Federation as a legal representative is reasoned.

Keywords: administrative procedural status, representative of the organization for collective management of authors' rights, administrative offenses in the field of copyright and related rights, participants in proceedings on administrative offenses

For citation: Shevchenko VM. Representative status victim on cases about administrative offenses in the field of copyright and related rights. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):38-42. (In Russ.)

Введение

Результаты духовной, интеллектуальной деятельности всегда определяли облик того или иного общества. Они служили, даже во времена, когда должным образом не охранялись, и служат в настоящее время удовлетворению духовных и материальных потребностей человека. Именно они, особенно в настоящее время, лежат в основе «ускорителя» технического развития государств, являются двигателем науки, культуры, развития техники, способов и средств производства и много иного.

Данные процессы, а именно стремительное завоевание современной жизни общества, повлекли за собой необходимость их включения в товарное обращение, следовательно, их учет и охрану от противоправных посягательств.

Очевидно, что эффективность реализации административной ответственности за нарушения авторских и смежных прав, предусмотренной ст. 7.12 КоАП РФ, зависит не только от качества изложения правовой нормы [4, с. 114–118], но и от урегулированности процессуального статуса участников производства по делам об административных правонарушениях, имеющих отношение к защите охраняемых указанной нормой прав.

Описание исследования

Норма права, регулирующая административно-правовые отношения в сфере неправомерного использования объектов авторских прав, закрепленная ст. 7.12 КоАП РФ, предусматривает ответственность физических и юридических лиц за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными в соответствии с законодательством Российской Федерации об авторском праве и смежных правах либо на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода.

Ч. 1 ст. 25.2 КоАП РФ регламентировано понятие потерпевшего, как физического либо юридического лица, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Из диспозиции данной нормы следует, что потерпевшим по делу должен быть либо автор объекта интеллектуальной собственности,

либо иной правообладатель (например, наследник — физическое лицо, юридическое лицо). Вместе с тем в соответствии с п. 1 ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. То есть действующее в Российской Федерации гражданское законодательство не предусматривает возможность обладания статусом «автор» юридическим лицом, так как автором может быть только лицо физическое.

Ч. 2 ст. 25.2 КоАП РФ наделяет потерпевшего по делу определенными правами, как то «знакомиться со всеми материалами дела об административном правонарушении, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью представителя, обжаловать постановление по данному делу, пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с КоАП РФ». Регламентировано, что дело об административном правонарушении рассматривается с участием потерпевшего. В его отсутствие дело может быть рассмотрено лишь в случаях, если имеются данные о надлежащем извещении потерпевшего о месте и времени рассмотрения дела и если от потерпевшего не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела либо если такое ходатайство оставлено без удовлетворения.

Наряду с этим, в целях соблюдения всех процессуальных прав потерпевшего, не могущего по тем или иным причинам осуществить свои законные права и интересы как потерпевшего самостоятельно КоАП РФ предусмотрен институт законного представительства. В ст. 25.3 КоАП РФ закреплено: «Защиту прав и законных интересов физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, или потерпевшего, являющихся несовершеннолетними либо по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно реализовать свои права, осуществляют их законные представители. Законными представителями физического лица являются его родители, усыновители, опекуны или попечители».

Очевидно, что при такой конструкции норм права, регулирующих вопрос законного представительства в рамках КоАП РФ, ряд физических лиц, обладающих гражданско-правовым статусом — «автор объекта интеллектуальной собственности» при приобретении статуса «потерпевший» не может в полной мере реализовать свое право на надлежащее представительство как на стадии досудебной

подготовки материалов, так и в суде при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.12 КоАП РФ.

Процессуальная неопределенность в КоАП РФ статуса представителя организации по коллективному управлению правами авторов побуждает обратиться к зарубежному опыту, где институт защиты авторских прав эффективно функционирует на протяжении многих лет. Международная система охраны объектов авторских прав заключается в коллективном управлении, которое направлено на способствование эффективному осуществлению этих прав самими авторами и содействовать законному использованию произведений. Дело в том, что авторский труд, например, музыкальное произведение имеет ценность, а автор соответствующее признание в том случае, когда данное произведение признано как можно большим числом благодарных слушателей, то есть как можно большее количество людей пользуются данным произведением путем его прослушивания. В этой связи различные хозяйствующие субъекты при осуществлении своей основной деятельности, например кафе, для привлечения клиентов и обеспечения им отдыха, импресарио, организовывающие концертные мероприятия с использованием авторского труда, так или иначе используют данный авторский труд способом публичного исполнения (п. 6 ч. 2 ст. 1270 ГК РФ) то есть используют исключительное право автора. Данное использование в силу ст. 1233 ГК РФ должно осуществляться с разрешения автора путем заключения с ним лицензионного договора. Но как автор произведения, физически находящийся, например, в Лос-Анжелесе (США), может предоставить возможность индивидуальному предпринимателю Иванову А. А., осуществляющему свою деятельность в кафе «Березка» в хуторе Дядькино Московской области (РФ) законную возможность «прослушать» в помещении кафе его произведение. Ответ очевиден: «Никак».

Для обеспечения возможности создания наиболее эффективной системы использования авторских прав на законных основаниях во всем мире созданы общества по коллективному управлению авторскими правами, связанные между собой системой договоров о совместной деятельности. В России Указом Президента РФ от 07.10.1993 года № 1607 «О государственной политике в области охраны авторского права и смежных прав» было одобрено создание самими авторами Российского Авторского Общества (далее — РАО). Правовой статус РАО как организации по коллективному управлению авторскими правами регламентирован

рядом положений гражданского законодательства РФ (ст. 1242–1244 ГК РФ).

Для более контрастного обозначения проблематики при защите авторских прав физических лиц — авторов, с участием организаций по коллективному управлению правами административно-правовыми способами, отраженными в ст. 7.12 КоАП РФ полагаем необходимым сослаться на ряд положений гражданского законодательства, раскрывающих деятельность таких организаций на примере РАО.

РАО является основанным на членстве объединением авторов (правопреемников авторов), которое на основании ст. 1242, 1243, 1244 ГК РФ и Устава, управляет правами авторов на коллективной основе в случаях, когда их практическое осуществление в индивидуальном порядке затруднительно, в том числе при публичном исполнении произведений. Реализуя свое предназначение РАО вправе в соответствии с:

— п. 5 ст. 1242 ГК РФ и п. 2.5.10 Устава предъявлять от своего имени требования в суде, а также совершать иные юридические действия, необходимые для защиты прав, управление которыми на коллективной основе осуществляется Обществом;

— п. 21 Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 5/29 от 26.03.2009 г. «О некоторых вопросах, возникающих в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ», организация, осуществляющая коллективное управление авторскими и смежными правами, вправе на основании п. 5 ст. 1242 ГК РФ предъявлять требования в суде от имени правообладателей или от своего имени для защиты прав, управление которыми она осуществляет.

Обратим внимание и на то, что в соответствии с п. 3 ст. 1244 ГК РФ, организация по управлению правами на коллективной основе, получившая государственную аккредитацию, вправе наряду с управлением правами тех правообладателей, с которыми она заключила договоры, осуществлять управление правами и сбор вознаграждения для тех правообладателей, с которыми у нее такие договоры не заключены.

15 августа 2008 г., в соответствии с приказом Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области культурного наследия № 15 от 15.08.2008 г. и Свидетельством о государственной аккредитации организации по управлению правами на коллективной основе № РОК-01/08 от 24 декабря 2008 г., РАО получило государственную аккредитацию на осуществление

деятельности в сфере управления исключительными правами на обнародованные музыкальные произведения (с текстом или без текста) и отрывки музыкально-драматических произведений в отношении их публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции. Данная аккредитация действовала на дату заключения лицензионного договора с ответчиком. 15 августа 2013 г. РАО получена новая аккредитация в данной сфере управления исключительными правами (Копия Свидетельства о государственной аккредитации № МК-01/13 от 23 августа 2013г., полученного РАО на основании Приказа № 1164 от 15.08.13 г., опубликованы на официальном сайте Министерства культуры РФ)¹.

В соответствии с п. 21 вышеназванного Постановления Пленумов аккредитованная организация (ст. 1244 ГК РФ) действует без доверенности, подтверждая свое право на обращение в суд за защитой прав конкретного правообладателя (или неопределенного круга лиц в случае, предусмотренном абз. 2 п. 5 ст. 1242 ГК РФ) свидетельством о государственной аккредитации.

При этом, такая организация, независимо от того, выступает она в суде от имени правообладателей или от своего имени, действует в защиту не своих прав, а прав лиц, передавших ей в силу п. 1 ст. 1242 ГК РФ право на управление соответствующими правами на коллективной основе. Спор с участием организации, осуществляющей коллективное управление авторскими правами, может быть рассмотрен судом и *без участия конкретного правообладателя* (п. 1 Постановления Пленумов).

В предложенной профессором В. В. Денисенко классической классификации субъектов административно-деликтных отношений выделяется группа дополнительных субъектов, в которую включена подгруппа субъектов имеющих в деле личный интерес, охватывающая потерпевшего, законного представителя физического лица, законного представителя юридического лица, защитника и представителя [2, с. 218–220], что полностью согласуется с действующим административно-деликтным законодательством. Обратим внимание на то, что и в более поздних исследованиях вопросов представительства в судебном рассмотрении дел об административных правонарушениях прослеживается позиция согласно которой роль представителя сводится

к оказанию юридической помощи потерпевшему [1, с. 106–134]. Наряду с этим, исследователи не выходят за рамки того, что роль законных представителей физического лица сводится к защите прав и законных интересов только лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, или потерпевших, при условии, что они лишены возможности реализовать свои права ввиду их несовершеннолетнего возраста либо в силу физического или психического состояния [3, с. 346–349; 6, с. 105–111]. Некоторые авторы рассматривают законных представителей физических лиц и представителей в качестве лиц, защищающих и представляющих интересы других лиц [5], но при этом не опровергают того, что у указанных лиц имеется личный интерес в деле, вытекающий из их функции эффективно осуществить защиту лиц, интересы которых они представляют.

По нашему мнению, организация по коллективному управлению правами авторов на основе гражданского законодательства РФ является, по сути, законным (то есть основанным на ГК РФ) представителем физических лиц со специальным статусом — «автор», однако конструкция ст. 25.3 КоАП РФ признает конструкцию «законные представители» только для двух категорий потерпевших: несовершеннолетних либо лиц, по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно реализовать свои права.

Законными представителями физического лица могут быть родители данного физического лица, усыновители, опекуны или попечители. При этом законодателем, на наш взгляд, упущена конструкция — «организация по коллективному управлению правами авторов».

Данный «пробел» в законе приводит к тому, что органами, полномочными составлять протоколы по делам об административных правонарушениях при сборе первичного материала не привлекаются представители юридической службы организации по коллективному управлению правами авторов, не принимаются объяснения от последних, хотя справки о причиненном в том или ином случае ущербе запрашиваются в обязательном порядке.

Заключение

Анализ административно-деликтных правоотношений, возникающих в связи с нарушением авторских и смежных прав, позволяет утверждать о том, что организация по коллективному управлению правами фактически

¹ URL: <http://mkrf.ru/deyatelnost/accreditation> (дата обращения: 13.12.2021).

участвует в процессе доказывания по делу об административном правонарушении, предоставляет справки о причиненном правообладателю ущербе, сведения об авторском составе музыкальных произведений, чьи права нарушены, например, способом публичного исполнения, то есть имеет реальную возможность повлиять на квалификацию содеянного, даже представить доказательства невинности правонарушителя, предоставив в правоохранительные органы, например, ложные сведения об охраноспособности произведения, тем самым приведя расследование к логическому завершению в виде постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи

с отсутствием состава правонарушения. Ведь участнику по делу даже не разъясняются процессуальные права, не разъясняется ответственность за предоставление заведомо ложных сведений.

Очевидно, что указанные недостатки действующего законодательства, требуют пристального к ним внимания со стороны законодательной власти РФ, внесения в КоАП РФ изменений путем включения представителя организации по коллективному управлению авторскими правами с полномочиями, предоставленными законом потерпевшему, в законодательную конструкцию нормы 25.3 КоАП РФ в качестве законного представителя автора-правообладателя.

Список источников

1. Гречкин Н. С. Представительство в административном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 177 с.
2. Денисенко В. В. Системный анализ административно-деликтных отношений : монография / под ред. проф. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2001.
3. Каримова Г. Ю., Сулейманова И. Е. Административно-процессуальный статус несовершеннолетнего в производстве по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2020. № 1. С. 346–349.
4. Медведев П. С., Ратаев Д. П. Административная ответственность за нарушения авторских прав // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 3. С. 114–118.
5. Мурзина Л. И., Казакова М. А. Административно-процессуальный статус лиц, защищающих и представляющих интересы других лиц // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7, № 1. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/murzina_li_kazakova_ma_2019_1_11.pdf (дата обращения: 03.12.2021).
6. Танаева З. Р. Административно-правовой статус родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в административно-деликтных отношениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 2. С. 105–111.

Дата поступления статьи / Received: 18.12.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 12.01.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 09.03.2022.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ВОЙСКАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Дмитрий Анатольевич Никонов¹, Фархад Саегалиевич Сибгатуллин²

^{1,2}Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹nikson1967@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-1289>

²farkhad.sibgatullin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

Аннотация. В статье проанализированы основные формы реализации правоохранительной функции войсками национальной гвардии Российской Федерации. Рассмотрены такие формы деятельности войск национальной гвардии как правотворческая, правоприменительная, воспитательная, организационная.

Особое внимание уделено признакам, определяющим особенности правоприменительной деятельности войск национальной гвардии. Проанализированы регулятивный и охранительный характер правоприменительной деятельности.

В статье проанализированы методы убеждения и принуждения, используемые в деятельности войск национальной гвардии. В статье сделан основной акцент на необходимость совершенствования правового регулирования взаимодействия частей, органов и подразделений ВНГ РФ, которое осуществляется в форме взаимного обмена информацией, проведения совещаний по наиболее актуальным и проблемным вопросам в установленной сфере деятельности, а также проведение совместных мероприятий для решения задач и достижения поставленных целей.

Ключевые слова: правотворческая форма, правоприменение, формы деятельности войск национальной гвардии, метод убеждения, метод принуждения, организационная форма

Для цитирования: Никонов Д. А., Сибгатуллин Ф. С. Основные формы реализации правоохранительной функции войсками национальной гвардии Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 43–48.

THE MAIN FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION BY THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION (THEORETICAL AND LEGAL ASPECT)

Dmitry A. Nikonov¹, Farkhad S. Sibgatullin²

^{1,2}St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹nikson1967@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-1289>

²farkhad.sibgatullin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

Abstract. The article analyzes the main forms of implementation of the law enforcement function by the troops of the National Guard of the Russian Federation. Such forms of activity of the National Guard troops as law-making, law enforcement, educational, organizational are considered.

Special attention is paid to the features that determine the features of the law enforcement activities of the National Guard troops. The regulatory and protective nature of law enforcement activity is analyzed.

The article analyzes the methods of persuasion and coercion used in the activities of the National Guard troops. The article focuses on the need to improve the legal regulation of the interaction of parts, bodies and divisions of the National Guard of the Russian Federation, which is carried out in the form of mutual exchange of information, holding meetings on the most pressing and problematic issues in the established field of activity, as well as holding joint events to solve tasks and achieve goals.

Keywords: law-making form, law enforcement, forms of activity of the national guard troops, method of persuasion, method of coercion, organizational form

For citation: Nikonov DA, Sibgatullin FS. The Main Forms of Implementation of the Law Enforcement Function by the Troops Of The National Guard of the Russian Federation (Theoretical and Legal Aspect). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):43-48. (In Russ.)

Введение

В настоящее время в теоретических исследованиях государственно-правовых проблем, среди прочих все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с определением места и роли правоохранительных органов в механизме реализации функций российского государства. В связи с этим существенный интерес представляет теоретико-правовое исследование форм и методов деятельности относительно нового российского правоохранительного органа — Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия), созданной всего несколько лет назад (в 2016 г.)¹.

При этом в процессе исследования форм деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — войска национальной гвардии) следует учитывать, что каждое структурное подразделение, входящее в систему Росгвардии, имеет свои характерные задачи и, соответственно, свои формы и методы их реализации.

Основной текст статьи

Прежде всего, следует обратить внимание, что в деятельности ВНГ РФ используются все основные формы реализации правоохранительной функции, характерные как для государства в целом, так и для других правоохранительных органов. Это, в первую очередь, такие правовые формы, как правотворчество

¹ Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604050058> (дата обра-

щения: 10.04.2022) ; О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2022).

и правоприменение, а также неправовые (организационные) формы, обусловленные присутствием им профилактическими, пропагандистскими и техническими мерами [1, с. 126].

Участие в правотворческой деятельности осуществляется посредством разработки проектов нормативных правовых актов, а также путем издания (в рамках своей компетенции) правовых, в том числе нормативных, актов Росгвардии (например, соответствующих административных регламентов предоставления государственных услуг и осуществления контрольно-надзорных функций) [2, с. 106]. В данном случае четкая организация различных форм деятельности структурных подразделений войск национальной гвардии на прочной юридической основе организует их работу по обеспечению законности и правопорядка, предотвращает коррупционные проявления, а также, несомненно, нацеливает на борьбу с правонарушениями.

Анализ нормативных правовых актов, разрабатываемых и принимаемых Росгвардией, показывает, что их действие нацелено, прежде всего, на урегулирование реализации гражданами РФ и иными лицами принадлежащих им субъективных прав и юридических обязанностей, а также на совершенствование деятельности должностных лиц подразделений Росгвардии. В связи с этим участие войск национальной гвардии в правотворчестве можно подразделить на две формы — внешнюю и внутреннюю.

Другой важнейшей формой реализации правоохранительной функции в деятельности Росгвардии, конечно же, является правоприменение. Правоприменительная компетенция войск национальной гвардии во многом схожа с кругом полномочий других правоохранительных органов, однако, имеет некоторые особенности. Ее отличают, в частности, такие признаки и черты, как особая компетенция уполномоченного органа, обязательность исполнения решений для субъектов, в отношении которых они вынесены.

Примерами правоприменительной деятельности войск национальной гвардии могут служить правоприменительные акты её уполномоченных должностных лиц, составленные в отношении лиц, совершивших административное правонарушение, а также составленные сотрудниками (военнослужащими) (при наличии законных оснований) протоколы о задержании лиц по подозрению в совершении ими административных правонарушений.

Правоприменительной форме деятельности войск национальной гвардии свойственен как регулятивный, так и охранительный характер.

Регулятивный характер правоприменения нацелен, как правило, на решение разнообразных вопросов управленческо-распорядительного свойства: например, государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства РФ об обеспечении безопасности объектов топливно-энергетического комплекса будет правоприменением регулятивного свойства, носящим «внешнеорганизационный» характер. При этом предоставление служебного жилья военнослужащим будет правоприменением регулятивного свойства, носящим внутриорганизационный характер.

Правоприменительная деятельность войск национальной гвардии охранительного характера проявляется, прежде всего, при вступлении её военнослужащих (сотрудников) в административно-правовые отношения с гражданами при реализации полномочий, не связанных с совершенными правонарушениями. В данном случае акты правоприменения выступают необходимыми юридическими фактами, с наличием которых закон связывает претворение в жизнь самих этих прав и их действительное обеспечение.

Таким образом, можно выделить ряд признаков, определяющих особенности правоприменительной деятельности войск национальной гвардии.

Первый признак обусловлен особенностями субъектов, вовлеченных в правоприменительный процесс, которыми являются органы и подразделения, а также уполномоченные должностные лица Росгвардии. Необходимо отметить, что отнюдь не все представители войск национальной гвардии являются субъектами правоприменительного процесса. Например, военнослужащие, сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие, а также работники, выполняющие функции по обеспечению деятельности войск правами осуществлять правоприменительную деятельность не обладают.

Второй признак обусловлен объектом правоприменения, которым выступают общественные отношения, относящиеся к сфере деятельности войск национальной гвардии.

Диапазон задач, решаемых войсками в соответствии с действующим законодательством, определяет третий признак особенностей правоприменительной деятельности войск национальной гвардии. При этом задачи войск достаточно четко определены Федеральным законом «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Четвертый признак правоприменительной деятельности ВНГ РФ составляют экстремальные условия, в которых части, подразделения

и органы Росгвардии выполняют служебно-боевые задачи, в том числе по обеспечению правового режима контртеррористической операции, чрезвычайного и военного положения [3, с. 46].

Пятый признак правоприменительной деятельности войск национальной гвардии обусловлен тем, что правоприменение должностными лицами осуществляется специфическими методами в рамках специальных процедур и в границах, четко закрепленных правовыми нормами дозволений и запретов.

Организационная форма деятельности должностных лиц войск национальной гвардии также, в первую очередь, связана с вынесением актов правоприменения. Данное обстоятельство обусловлено тем, что их полномочия строго регламентированы и реализуются в соответствии с законом. Следует отметить, что организационные формы наиболее, по сравнению с другими формами, конкретизированы к определенной ситуации (расстановка сил и средств при проведении специальной операции, боевое распоряжение на проведение мероприятия, ревизии, комплексные проверки и т. д.). Организационные формы деятельности войск практически проявляются в повседневной деятельности, в мероприятиях по охране общественного порядка и общественной безопасности, в процессе проведения контрольно-надзорных мероприятий, при подготовке личного состава к несению службы и др.

Организационная форма обеспечивает создание необходимых и безопасных условий для беспрепятственной реализации прав и свобод человека и гражданина и, одновременно, оперативное применение необходимых мер в случае их нарушения. Примером, в частности, могут служить правоохранительные мероприятия по освобождению заложников.

Таким образом, организационная форма деятельности ВНГ РФ выражается в создании необходимых условий, указанных в нормативных правовых актах для реализации войсками поставленных задач. С этой целью совершенствуется организационная структура войск национальной гвардии, а также организация взаимодействия с другими правоохранительными органами. Необходимо отметить, что основными формами взаимодействия войск по решению задач в правоохранительной сфере являются «участие» и «оказание содействия», то есть проведение совместных мероприятий с другими федеральными органами исполнительной власти правоохранительной направленности.

В связи с этим, как представляется авторам, основное внимание необходимо уделять именно совершенствованию правового

регулирования взаимодействия частей, органов и подразделений войск национальной гвардии, которое, как правило, осуществляется в форме взаимного обмена информацией, проведения совещаний, заседаний штабов и других координационных органов по наиболее актуальным и проблемным вопросам, а также проведение совместных мероприятий для достижения поставленных целей. При этом существенное внимание, по нашему мнению, следует уделять налаживанию конструктивного, базирующегося на правовой основе, взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ и муниципальных образований, особенно при проведении ими крупных (значимых) массовых мероприятий.

Так, в настоящее время действует совместный приказ Росгвардии и МВД России от 28 сентября 2018 г., определяющий порядок организации взаимодействия войск с МВД России, его территориальными органами при выполнении мероприятий по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Он вполне успешно применяется, вместе с тем, представляется целесообразным издание на федеральном уровне дополнительного правового акта, устанавливающего основы организации взаимодействия органов и частей Росгвардии с органами власти субъектов РФ (органами местного самоуправления), в том числе при проведении значимых массовых мероприятий [4, с. 15]. При этом на региональном и муниципальном уровне возможно издание дополнительных правовых актов, либо заключение соответствующих соглашений, определяющих основы взаимодействия местных органов власти как с региональными и территориальными органами управления Росгвардии, так и органами внутренних дел.

Место и роль войск национальной гвардии в системе правоохранительных органов, помимо ее полномочий и форм деятельности, также определяется и методами ее деятельности, в том числе методами правового воздействия, применяемыми для решения возложенных на нее задач.

В деятельности войск национальной гвардии основными методами, характерными также и для других государственных органов правоохранительной направленности, выступают принуждение и убеждение [5, с. 174]. Несомненно, что широкое применение находит и метод принуждения, который является специфическим способом воздействия на нарушителей права. При этом обеспечение защиты правопорядка — это основная цель использования методов принуждения.

Методы государственного принуждения, используемые в деятельности войск национальной гвардии, являются, в первую очередь, мерами административно-правового принуждения, включающая в себя предупредительные меры (вскрытие транспортного средства, вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории (акватории) и др.).

Указанные меры осуществляются, как правило, посредством правоприменения уполномоченными должностными лицами Росгвардии, как и органов внутренних дел, подкрепляемого, при необходимости, действиями организационного характера, в том числе силовыми способами и средствами.

Заключение

Таким образом, войска национальной гвардии занимают специфическое место в системе федеральных органов исполнительной власти, что обусловлено, в том числе, формами и методами их деятельности. Возложение на Росгвардию, как отдельный государственный правоохранительный орган, функций по обеспечению государственной и общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина представляется обоснованным, так как они, как показала практика, на современном этапе государственного развития Российской Федерации вносят существенный вклад в обеспечение правопорядка.

Войска национальной гвардии принимают участие в решении задачи по борьбе

с терроризмом и экстремизмом, охране общественного порядка и безопасности в условиях антироссийской риторики и продвижения определенными силами «западных партнеров» своих идей мирового устройства, противоречащих интересам России. Реализуя свои полномочия войска, наряду с органами внутренних дел, находятся в достаточно тесном контакте с населением, имеют в своем распоряжении существенные возможности в сфере транспорта, связи и информации, при этом они обладают достаточным набором методов и форм, позволяющим им в должной мере осуществлять функции по обеспечению государственной и общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина.

В сознании большинства граждан Росгвардия воспринимается как одна из важных правоохранительных организаций, в связи с чем, одной из задач современной юридической науки является более четкое определение места и значения войск национальной гвардии в системе российских правоохранительных органов, а также совершенствование правового регулирования их деятельности по реализации правоохранительной функции государства. В частности, представляется необходимым завершение в возможно короткие сроки практической реализации планов по нормативно-му обеспечению деятельности войск национальной гвардии по решению возложенных на них задач (т.е. по разработке и принятию соответствующих положений наставлений и инструкций)

Список источников

1. Рябцев А. В., Гунич С. В. Формы и методы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 124–131.
2. Назарова И. С. Актуальные аспекты нормативного регулирования правотворческой деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1 (10). С. 105–108.
3. Луценко В. В., Семенова И. В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 4 А. С. 44–49.
4. Никонов Д. А. Опыт взаимодействия исполнительных органов власти и правоохранительных структур при проведении крупных массовых мероприятий // Научно-практический альманах МВД России «Профессионал». 2021. № 1 (159). С. 12–16.
5. Васильев В. В., Майорова С. А. Убеждение и принуждение в административной деятельности полиции: стратегия допустимого компромисса // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 173–174.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of authors. All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 25.03.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 12.04.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Кристина Васаконна Трифонова¹, Евгения Вячеславовна Тутинас²

¹Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал, Симферополь, Россия
kri-kazaryan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0699-4547>

²Российский государственный университет правосудия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия
uristika@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8811-3215>

Аннотация. Авторы отмечают, что актуальность исследования вопросов взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграции обусловлена проблемами и противоречиями, которые возникают в их практической деятельности в связи с особенностями правового регулирования деятельности различных правоохранительных органов. Необходимость модернизации миграционного законодательства, в том числе совершенствования взаимодействия всех органов государства, предопределяют задачи исследования, которые заключаются в анализе правовой основы, форм, методов, принципов и основных направлений взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграции. Проанализировав категориальный аппарат, авторы приходят к выводу, что в юридической науке единообразное понимание данного правового явления отсутствует.

Авторами в статье проводится анализ ряда нормативных актов, благодаря которому выделены различные формы, виды и уровни взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграции.

В заключении авторы предлагают закрепить на законодательном уровне дефиницию «взаимодействие правоохранительных органов в сфере миграции».

Ключевые слова: взаимодействие, миграция, аппарат государства, механизм государства, федеральные органы исполнительной власти, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Трифонова К. В., Тутинас Е. В. К вопросу о взаимодействии правоохранительных органов в сфере миграции // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 49–55.

Research article

ON THE QUESTION OF INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES IN THE FIELD OF MIGRATION

Kristine V. Trifonova¹, Yevgenia V. Tutinas²

¹Russian State University of Justice, Crimean branch, Simferopol, Russia
kri-kazaryan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0699-4547>

²Russian State University of Justice, Rostov branch, Rostov-on-Don, Russia
uristika@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8811-3215>

Abstract. The authors note that the relevance of the study of the issues of interaction of law enforcement agencies in the field of migration is due to the problems and contradictions that arise in their practical activities in connection with the specifics of the legal regulation of the activities of various law enforcement agencies. The need for modernization of migration legislation, including the improvement of the interaction of all state bodies, predetermines the objectives of the study, which are to analyze the

legal basis, forms, methods, principles and main directions of interaction of law enforcement agencies in the field of migration. Having analyzed the categorical apparatus, the authors come to the conclusion that in the legal science there is no uniform understanding of this legal phenomenon.

The authors in the article analyze a number of normative acts, thanks to which different forms, types and levels of interaction of law enforcement agencies in the field of migration are highlighted.

In conclusion, the authors propose to fix at the legislative level the definition "interaction of law enforcement agencies in the field of migration".

Keywords: interaction, migration, state apparatus, state mechanism, federal executive authorities, law enforcement agencies, law enforcement activities

For citation: Trifonova KV, Tutinas YeV. On the Question of Interaction of Law Enforcement Authorities in the Field of Migration. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):49-55. (In Russ.)

Введение

В настоящее время основные пути развития института взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграции свидетельствуют об увеличении значения правоохранительных органов как центров противодействия нелегальной миграции, которые реализуют координирующие функции. Необходимо согласиться с рядом авторов, которые утверждают в настоящее время и утверждали ранее, что «управление миграцией приобретает сегодня самостоятельный характер, а противодействие нелегальной миграции становится одним из актуальнейших и важнейших направлений государственной деятельности» [1].

Описание проводимого исследования

При исследовании правового явления «взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграции» прежде всего необходимо провести этимологический анализ термина «взаимодействие» в связи с тем, что в настоящее время отсутствует единое, согласованное мнение по данному вопросу.

Словарь С. И. Ожегова понятие «взаимодействие» представляет в виде следующих вариантов толкований: «1. Взаимная связь явлений. В. спроса и предложения. 2. Взаимная поддержка. В. войск (согласованные действия войск при выполнении боевой задачи)»¹.

При обращении к толковому словарю Д. Н. Ушакова видим также множество определений данного термина: взаимодействия, ср. (книжн.). «Взаимная связь; взаимная обусловленность. Взаимодействие общественных явлений»².

Большой энциклопедический словарь под дефиницией «взаимодействие» понимает «философскую категорию, отражающую процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. Взаимодействие рассматривается как универсальная форма движения, развития, определяет существование и структурную организацию любой материальной системы»³.

Большой юридический словарь под определением взаимодействие понимает «участие в общей работе, деятельности, сотрудничестве, совместное осуществление операций, сделок»⁴.

В теории управления «под взаимодействием понимают целостную внутреннюю дифференцированную систему саморазвивающуюся систему» [2, с. 195]. Такое понимание «управление предполагает взаимное изменение управляющих и управляемых, убеждает в необходимости изменения взаимодействующих субъектов и самого процесса взаимодействия как мены состояния» [2, с. 75].

В трудах Е. Ф. Яськова исследуется социальная составляющая института взаимодействия, под которой понимается «совместное участие сотрудников подразделений и организаций в процессе трудовой деятельности, возникающее на основе разделения функций, полномочий и взаимных обязательств» [3, с. 14]. И здесь же с точки зрения социального управления Е. Ф. Яськов указывает, что «в зависимости от положения участников в иерархии системы управления взаимодействие бывает: вертикальным (участники

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 12-е изд. Москва : Русский язык, 1988.

² Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Москва : ДОМ. XXI век, 2008.

³ Большой энциклопедический словарь : [в 2 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва : Советская энциклопедия, 1991.

⁴ Большой юридический словарь / В. А. Белов [и др.] ; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2. изд, перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2002.

разных ступеней иерархии), горизонтальным (участники одной ступени иерархии) и смешанным» [3, с. 14].

Для понимания и определения правовой составляющей сущности и содержания правового явления взаимодействия проанализируем имеющиеся различные научные точки зрения в юридической сфере. Следует отметить, что «понятие «взаимодействие» до настоящего времени нормативно не закреплено, но, как правило, используется законодателем»¹.

Обратимся к исследованиям Л. Д. Воеводина, который указывает, что «эффективного результата в любой социальной, экономической и политической сфере жизни, реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина можно достичь только в результате взаимодействия между всеми правоохранительными органами» [4, с. 57].

Представляет интерес точка зрения В. В. Лазарева и И. П. Левченко, «взаимодействие может предполагать принятие конкретным органом властного решения по поводу конкретного жизненного случая, имеющего юридическое значение и предусмотренного нормой права» [5, с. 109]. Исходя из позиции авторов именно решение имеет своей целью распоряжения, которое имеет обязательный характер и подкреплен принудительной силой государства.

Один из авторов делает акцент на том, что «взаимодействие или организация взаимодействия — это не механическая, а целостная совокупность, обладающая только присущим отдельным элементам качеством, необходимым для достижения общей цели» [6, с. 7]. В. Б. Чимбирь в этой связи справедливо утверждает, что «взаимодействие» является общенаучной категорией. Оно выступает в качестве основания для изучения всех процессов и явлений, поскольку присутствует на всех уровнях жизнедеятельности общества» [7, с. 7]. В то же время С. Л. Кисленко определяет «взаимодействие как систематический процесс передачи информации с целью вызвать соответствующую реакцию со стороны партнера, т. е. оказать на него стартовое воздействие» [8, с. 11].

На наш взгляд, обозначенная точка зрения акцентирует внимание лишь на начальном этапе процесса взаимодействия, при этом не уделяется внимание длящемуся, постоянному характеру самого процесса.

¹ О военных судах Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

Д. А. Авдонин под взаимодействием понимает «универсальную систему взаимосвязи явлений и процессов между взаимодействующими субъектами, которые характеризуются их непрерывным воздействием и взаимовлиянием друг на друга» [9, с. 21]. С точки зрения П. А. Сорокина, «взаимодействие предполагает наличие двух или более субъектов и актов, через которые они передают взаимные действия, т. е. взаимодействовать между собой должны два или более субъекта путем совершения определенных действий по отношению друг к другу. Если взаимные действия осуществляются длительное время, то данные отношения стабилизируются и организовываются» [10, с. 31], и вместо кратковременных и стихийных действий появляется устойчивая деятельность.

Соглашаясь с мнением вышеназванных ученых, можно предположить, что взаимодействие — это совокупность действий или постоянная деятельность между субъектами, осуществляемая в различных формах.

Э. Гидденс объясняет это тем, что «в своей практике любой субъект должен учитывать не только собственные интересы, но и интересы других субъектов и потребности окружающего мира» [11, с. 9].

Однако сложная и универсальная система рассматриваемых этим ученым взаимосвязей позволяет их участникам применять средства, запрещенные законом, что может привести к отрицательным результатам и последствиям.

И. А. Космина понимает под взаимодействием «систему организационно-правовых средств, с помощью которых осуществляются и регулируются взаимоотношения между субъектами права в целях их упорядочивания и достижения эффективного результата» [12, с. 179].

Таким образом, можно выявить множество подходов к определению понятия «взаимодействие» в современной юридической теории.

На наш взгляд, наиболее оптимальным является определение, данное Ю. А. Лялякиным, который считает, что «можно определить сущность взаимодействия, которое в широком смысле заключается в урегулированной нормами права деятельности двух и более субъектов, имеющих между собой правовые отношения, наделенные собственными полномочиями по осуществлению совместных действий и связанные между собой общими задачами и целью» [13, с. 83].

Исходя из анализа научной и специальной литературы, на наш взгляд, возможно дать

следующее определение: взаимодействие — это основанная на законах и подзаконных нормативных актах, согласованная по целям, месту и времени деятельность различных субъектов (исполнителей) по совместному решению поставленных перед ними задач.

Обсуждение результатов

В ходе проведённого анализа научной литературы, посвящённой правовому регулированию миграционных процессов в России, установлено, что вопросам взаимодействия субъектов миграционной политики (государственных органов, которые реализуют компетенцию в миграционной сфере), практически не уделяется ни какого внимания (ни в законодательстве, ни в научной литературе). Кроме того, отсутствует и самопонимание термина, который характеризует взаимодействие в данной сфере. Одним из таких немногих определений является предлагаемое О. Т. Суюнчалиевой, которая определяет взаимодействие в сфере миграции «как совместную деятельность федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, наделенных властными полномочиями и осуществляющие специальные функции по реализации миграционной политики, правоприменительную функцию и функции по оказанию государственных услуг в сфере миграции» [14, с. 28]. Отметим, что взаимодействие определено через категорию «совместной деятельности», которая, среди прочего, может означать в буквальном понимании совместное осуществление сотрудниками различных ведомств одних и тех же полномочий. Однако, такая форма взаимодействия (совместной деятельности), далеко не основная, в большей степени взаимодействие в данной сфере проявляется в координации, в согласовании действий, в совместном участии в формировании миграционной политики и т. п.

Кроме того, результат проведённого анализа действующего законодательства, показывает, что правовой основой взаимодействия выступает Конституция РФ, а также целый ряд Указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ¹.

Анализ федерального законодательства показал, что конкретного определения, которое раскрывало бы юридическую природу процесса взаимодействия правоохранительных

органов в миграционной сфере ни в одном нормативном акте нет.

Сложность в анализе процессов взаимодействия между субъектами миграционной политики заключается в их сравнительно большом количестве, а, следовательно, совокупность возможных «вариантов» взаимосвязи между последними (взаимодействий) «бесконечное множество».

Необходимо также выделить и методы взаимодействия. Такие методы условно можно разделить на информационные (взаимный обмен и инициативное предоставление информации), методы консультирования (методическая работа, разъяснение специфики процессов и практики реализации соответствующих полномочий), функциональные (разработка и принятие нормативов, регламентов и прочих документов).

В ранее действующем совместном приказе ФМС и МВД России № 338/97 и № 338/587, а также приказе № 8722/996/562/350, подписанные МИД, МВД, ФСБ и ФМС России, нормативно закреплялись следующие формы взаимодействия правоохранительных органов, среди которых: «организационная (планирование и организация работы); законопроектная (подготовка проектов федеральных законов); аналитическая (анализ миграционной обстановки, изучение количественных показателей и качественного состава прибывающих мигрантов, подготовка рекомендаций по оптимизации служебной деятельности); информационная (обмен данными, использование единых справочных ресурсов, направление запросов для проведения проверок); координационная (участие в деятельности правительственных комиссий, в рабочих группах и конференциях); контролирующая (осуществление контроля выполнения мероприятий); обеспечивающая (реализация планируемых оперативно-профилактических и розыскных мероприятий, в том числе и в рамках государственной системы профилактики преступлений)»².

¹ Указы Президента России от 1 марта 2011 г. № 248 и от 15 января 2013 г. № 30, постановления Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162, от 13 июля 2012 г. № 711, от 26 июля 2013 г. № 629, приказ МВД России от 17 октября 2013 г. № 85 // СПС Консультант Плюс.

² Об утверждении Положения о порядке информационного взаимодействия Министерства иностранных дел Российской Федерации с Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Федеральной миграционной службой с целью выявления наличия обстоятельств, которые могут повлечь временное ограничение права гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации и отказ в выдаче паспорта, дипломатического паспорта и служебного паспорта, являющихся основными документами, удостоверяющими личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации :

Обращая внимания на вопрос взаимодействия между ГУВМ МВД России и другими правоохранительными органами, необходимо отметить различные уровни взаимодействия: как центральный аппарат, так и аппарат на уровне регионов. В частности, отмечается, что взаимодействие на уровне региональных (территориальных) подразделений, как МВД, так и других правоохранительных органов осуществляется по следующим направлениям: «планирование, организация и осуществление совместных оперативно-профилактических и проверочных мероприятий, направленных на реализацию предоставленных государством полномочий; обмен информацией о результатах надзорной деятельности по исполнению миграционного законодательства»¹.

Также можно добавить такие направления как обучение, повышение квалификации, приглашение специалистов из числа участников взаимодействия для оказания методической, консультационной и иной помощи в сфере миграционной безопасности; проведение координационных совещаний; проведение межведомственных совещаний руководителей.

При более детальном анализе каждого из вышеназванных направлений, акцентируем внимание на том, что самым существенным выступает проведение оперативных, розыскных, проверочных и предупредительных мероприятий, которые прежде всего нацелены на обнаружения миграционных правонарушений, реализацию функции миграционного контроля, решение вопросов по применению выдворения, депортации, пресечению нелегальной миграции. Правовым основанием подобного рода межведомственного взаимодействия выступают подзаконные акты (постановления и поручения Президента Российской Федерации и Правительства, приказы МВД РФ, приказы ФСБ РФ, приказы ФТС и т. д.).

Например, ежегодное совместное (МВД России, ФСБ России, Росфинмониторинга) проведение оперативно-профилактических мероприятий в сфере миграции, в том числе оперативно-профилактическое мероприятие «Нелегал» по противодействию незаконной

приказ Минюста, МВД, ФСБ и ФМС России от 17 ноября 2008 г. № 8722/996/562/350 (ред. от 23 января 2013 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 4; Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-mid-rf-n-8722-mvd-rf/> (дата обращения: 27.03.2022).

¹ Основы миграционной политики : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. И. Н. Барцица, В. К. Егорова, К. О. Ромодановского, М. Л. Тюркина. Москва, 2010. С. 80–84.

миграции граждан третьих стран основано на поручении Президента РФ.

Еще одним примером может служить следующее. В 2021 году, с учетом Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, итогов Четвертого раунда взаимных оценок ФАТФ² планируется сосредоточить усилия на осуществлении мониторинга финансовых операций в целях сохранения бюджетных денежных средств, выделенных в рамках национальных проектов и государственного оборонного заказа, подготовки и проведению в г. Екатеринбурге Летней Универсиады в 2023 г., на мероприятиях по обеспечению прозрачности деятельности финансовых институтов (в т. ч. дальнейшего привлечения представителей сектора УНФПП³ к сотрудничеству с Росфинмониторингом), выявлении и минимизации региональных рисков ОД/ФТ/ФРОМУ⁴, пресечении коррупционных преступлений, проведении проверочных мероприятий с целью выявления каналов нелегальной миграции, финансирования лиц и организаций, оказывающих поддержку либо непосредственно участвующих в деятельности террористических и экстремистских организаций, формирования положительной правоприменительной практики в судах округа при рассмотрении уголовных дел по антиотмывочным составам⁵.

Одним из значимых направлений взаимодействия правоохранительных органов выступает информационная составляющая при осуществлении миграционной деятельности. В отдельных ведомственных актах встречается понятие «информационное взаимодействие» без детального раскрытия составляющих.

Однако, проанализировав ряд подзаконных актов, возможно сгруппировать главные задачи информационного взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграции, которые заключаются в: «осуществлении сводно-аналитических и учебно-методических функций; организации информационного обмена и учета сведений,

² ФАТФ — группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег.

³ УНФПП — установленные нефинансовые предприятия и профессии.

⁴ ОД/ФТ/ФРОМУ — отмывание доходов / финансирование терроризма / финансирование распространения оружия массового уничтожения.

⁵ Итоговое совещание по результатам работы МРУ Росфинмониторинга по УФО в 2020 году // Федеральная служба по финансовому мониторингу : [сайт]. URL: <https://www.fedsfm.ru/yfo/news/4922> (дата обращения: 27.03.2022).

полученных в ходе оперативных мероприятий; использовании возможностей информационных систем данных; обеспечении информационной безопасности; своевременном прогнозировании возможных информационных угроз; обеспечении взаимодействия с общественностью и средствами массовой информации; подготовке аналитических материалов по итогам реализации миграционной политики; разработке и использовании информационных технологий»¹.

В качестве примера можно привести активную работу по налаживанию взаимодействия между МВД и ФСБ России. Наибольший практический эффект по обмену информацией достигнут при проведении эксперимента в г. Уфа Республики Башкортостан, в котором была реализована задача по автоматизированию формирования миграционной карты и передачи сведений в ЦБД УИГ² из пункта пропуска через государственную границу подразделениями пограничного контроля. Аналогичный эксперимент проводится на базе московского международного аэровокзала «Внуково» и в случае положительного результата, этот опыт будет реализован на всей территории России.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы указано, что «информационное взаимодействие между органами государственной власти определяет как информационно-аналитическое обеспечение реализации государственной миграционной

¹ Об утверждении Положения о порядке информационного взаимодействия Министерства иностранных дел РФ с Министерством внутренних дел РФ и Федеральной службой безопасности РФ с целью проверки наличия оснований, которые могут повлечь временное ограничение права гражданина РФ на выезд из Российской Федерации и отказ в оформлении (выдаче) основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации : приказ МИД России, МВД России и ФСБ России от 15 марта 2018 г. № 3663/135/110 ; Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел РФ, его территориальными органами государственной функции по контролю за соблюдением гражданами РФ, нанимателями (собственниками) жилых помещений, должностными лицами и лицами, ответственными за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан РФ по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ, правил регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ : приказ МВД России от 24 апреля 2018 г. № 249.

² ЦБД УИГ — центральная база данных по учету иностранных граждан.

политики», суть которого заключается в предоставлении уполномоченными органами «государственных услуг в сфере миграции, в том числе с использованием информационных технологий»³.

Если рассматривать формы взаимодействия правоохранительных органов в миграционной сфере то, помимо внутрисоветского межведомственного взаимодействия можно выделить и международное, которое играет важную роль.

Особой формой международного взаимодействия является межведомственное сотрудничество между уполномоченными органами зарубежных государств в сфере обеспечения миграционной безопасности осуществляется как с широким спектром участников взаимодействия (в рамках Интерпола), так и без такового — в зависимости от целей и задач, требующих своего конкретного разрешения⁴.

Еще одной формой взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграции можно назвать непосредственное взаимодействие, когда различные правоохранительные органы совместными усилиями решают поставленные задачи, так и опосредованное, в случае создания специальной организационной формы, которая учреждается взаимодействующими правоохранительными органами, и в ее состав входят их представители.

Заключение

Таким образом, можно констатировать следующее: в настоящее время возникла необходимость в точной нормативной формулировке ряда терминов в миграционной сфере. От четкости понятий зависит правомерность принимаемых полномочными органами решений. В связи с чем целесообразным будет согласиться с предложением ряда авторов о нормативном закреплении на законодательном уровне дефиниции «взаимодействие правоохранительных органов в сфере миграции», под которым подразумевается совместная деятельность правоохранительных органов (наделенных властными полномочиями и осуществляющих специальные функции по реализации государственной политики в миграционной сфере), а также

³ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 155.

правоприменительная деятельность с целью обеспечения миграционной безопасности [14, с. 28].

Исходя из анализа нормативных актов также можно выявить формы взаимодействия правоохранительных органов: межгосударственное и внутригосударственное,

непосредственное или опосредованное, внутрисистемное, которое в свою очередь также имеет свои уровни взаимодействия и межсистемное, организационное; законопроектное(законодательное); аналитическое; информационная; координационное; контролирующее; научное.

Список источников

1. Кузнецова К. А., Ткаченко Н. Н. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по противодействию незаконной миграции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4 (94). С. 138–143.
2. Мокрецова Л. А. Управление разработкой и реализацией студенческих международных телекоммуникационных проектов: теория и практика : монография. Москва : Компания Спутник+, 2011. 195 с.
3. Яськов Е. Ф. Теория и практика социального управления : словарь справочник. Москва : Академия управления МВД России, 1997. 270 с.
4. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 298 с.
5. Лазарев В. В., Левченко И. П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел : Москва: Акад. МВД СССР, 1989. 83 с.
6. Жильский Н. Н. Правовые и организационные основы взаимодействия органов внутренних дел с внутренними войсками в охране общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1995. 17 с.
7. Чимбирь В. Б. Педагогическое взаимодействие в управлении персоналом организации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2005. 18 с.
8. Кисленко С. Л. Криминалистическая теория и практика взаимодействия участников уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 30–33.
9. Авдонин Д. А. Взаимодействие подразделений дознания и административных расследований в борьбе с преступлениями, отнесенными к компетенции таможенных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 27 с.
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. Москва, 1992. 542 с.
11. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. Москва, 2003. 525 с.
12. Космина И. А. Теоретико-правовые аспекты взаимодействия исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 178–181.
13. Лялякин Ю. А. К вопросу о сущности и содержании взаимодействия подразделений МВД России в сфере реализации государственной миграционной политики и обеспечения миграционной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3 (39). С. 80–85.
14. Суюнчалиева О. Т. Конституционно-правовые основы деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере миграции : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 259 с.
15. Лянной В. А. Правовые и организационные основы деятельности правоохранительных органов государств-членов Европейского Союза по противодействию нелегальной миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 26 с.
16. Трифонов С. Г. К вопросу об уточнении содержания термина «миграция». // Сборник научных трудов XXI Международной научной конференции «Муромцевские чтения. Неопределённости права в доктрине, законодательстве и юридической практике». Москва, 2021. С. 341–348.

Дата поступления статьи / Received: 01.04.2022 / 24.04.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 08.04.2022 / 28.04.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

ПРЕСТУПНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Дмитрий Юрьевич Горшков

*Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
gorshkov.dmitriy.2018@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9516-4208>*

Аннотация. В законодательстве отсутствуют легальные определения понятий ненависть, вражда, унижение достоинства человека или группы лиц, используемых в диспозиции нормы. Исследование позволило сделать вывод, что данные понятия взаимосвязаны. Лицо, возбуждающее ненависть и вражду, унижает и достоинство человека, являющегося носителем определенных качеств (раса, национальность, религия и прочие). Более того, субъект, унижающий достоинство человека, руководствуется мотивом ненависти или вражды (возможна совокупность этих мотивов). В статье раскрывается понятие «социальная группа» и его особенности, приводятся примеры распространенных в Российской Федерации социальных групп, в отношении которых совершается преступление. Приводятся позиции национальных и международных судов относительно использования данного понятия. Отмечается, что в уголовном законе не следует вводить исчерпывающий перечень социальных групп. В статье анализируются распространенные способы совершения данного преступления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Приводится мнение, что лайки в социальных сетях не влекут уголовную ответственность. Сохранение пользователями социальных сетей изображений, аудиозаписей, видеозаписей, содержащих признаки возбуждения ненависти, вражды, унижения достоинства человека, в некоторых случаях влечет уголовную ответственность. Отмечается, что рассматриваемое преступление имеет длящийся характер.

Ключевые слова: преступный экстремизм, ненависть, вражда, унижение, пост, репост, лайк, сеть Интернет

Для цитирования: Горшков Д. Ю. Преступное возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: некоторые особенности объективной стороны // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 56–61.

Research article

CRIMINAL INCITATION OF HATE OR ENMITY, AS WELL AS HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY: SOME FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE

Dmitriy Yu. Gorshkov

*Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
gorshkov.dmitriy.2018@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9516-4208>*

Abstract. There are no legal definitions of the concepts of hatred, enmity, humiliation of the dignity of a person or a group in the legislation, used in the disposition of the norm. The study led to the conclusion that these concepts are interrelated. A person, who incites hatred, enmity, humiliates the dignity of a person who is the bearer of certain qualities (race, nationality, religion, and others).

Moreover, the person, that degrades the dignity of a person, guide by the motive of hatred or enmity (a combination of these motives is possible). The researcher reveals the concept of "social group" and its features, gives examples of social groups, widespread in the Russian Federation, in respect of which a crime is committed. The author examines the positions of national and international courts regarding using this concept. The researcher notes that the criminal law should not provide for an exhaustive list of social groups. In article the author analyzes the common ways of committing this crime on the «Internet». The author believes, that likes on social networks do not entail criminal liability. The conservation by users of social networks of images, audio recordings, video recordings, containing signs of inciting hatred, enmity, humiliation of human dignity, in some cases entails criminal liability. The crime is ongoing.

Keywords: criminal extremism, hate, enmity, humiliation, post, repost, like, Internet

For citation: Gorshkov DYu. Criminal Incitation of Hate or Enmity, as well as Humiliation of Human Dignity: Some Features of the Objective Side. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):56-61. (In Russ.)

Введение

Понятия, используемые в диспозиции статьи 282 УК РФ, не находят своего легального определения, выявление их особенностей и соотношения друг с другом важно для верной квалификации. Рассматриваемое преступление чаще всего совершается в сети Интернет, однако до сих пор отсутствует определенная позиция относительно того, какие действия в сети Интернет должны быть уголовно-наказуемыми. Не решен вопрос и относительно момента окончания данного преступления в случае его совершения в сети Интернет.

Описание исследования

В соответствии с позицией И. Я. Козаченко «ненависть представляет собой чувство вражды одного человека или группы людей к другому человеку или к другой группе людей, вызванное односторонней или взаимной неприязнью. Вражда — это неприязненное, ненавистническое и недоброжелательное отношение одного человека или группы людей к другому человеку или к другой группе людей, порожденное одной стороной либо обеими сторонами относительно неопределенного круга фактов, событий, явлений» [1, с. 180]. Согласно взгляду З. М. Бешуковой «ненависть представляет собой отрицательное чувство к тому или иному объекту, а вражда — сложившиеся отношения между субъектами, которые характеризуются тем, что субъект, испытывающий ненависть, стремится совершить действия по причинению вреда в отношении того, кто внушает негативное чувство (ненависть)» [2, с. 37]. В судебной практике не различают понятия ненависти и вражды и перечисляют оба этих понятия в приговоре через запятую либо с использованием соединительного союза «и». Например, К. был признан виновным в совершении преступления,

предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, за размещенный в сети Интернет комментарий, в котором содержался призыв к физической расправе с представителями определенной национальности и который содержал признаки возбуждения ненависти, вражды, унижения достоинства лиц по признакам национальности¹. У некоторых после ознакомления с высказываниями, содержащими признаки возбуждения ненависти и вражды, может возникнуть лишь чувство ненависти к определенной расе и национальности. Полагаем, что возникшее чувство ненависти в последующем может перейти во вражду, которая найдет свое проявление в конкретных действиях. Поэтому позиция, которой придерживаются суды, видится правильной. В связи с этим справедливо мнение А. Г. Хлебущкина, который предлагает рассматривать ненависть как одну из форм вражды, отмечая, что «возможные отличия ненависти и вражды не имеют никакого значения для квалификации» [3, с. 186].

С действиями, возбуждающими ненависть и вражду, тесно связаны действия, унижающие достоинство человека. Суды придерживаются позиции, что данные действия взаимосвязаны и неразделимы. В одном из приговоров суд установил, что Свищев, испытывая неприязнь и вражду к лицам, исповедующим христианство, с целью унижения их достоинства разместил в сети Интернет высказывания, в которых содержались признаки унижения достоинства лиц, исповедующих христианство, возбуждения ненависти и вражды к ним.

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска от 29 августа 2018 года по делу № 1-501/2018 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://lenins--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srvc_num=1&number=22251207&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 09.01.2022).

Суд признал, что такие действия были направлены как на возбуждение ненависти и вражды, так и на унижение лиц по признаку их отношения к определенной религии¹. В других приговорах прослеживается такая же позиция². Она видится нам верной. Достоинство человека включает в себя такие внутренние качества, которые позволяют человеку имманентно уважать себя. Христианская религия исходит из постулата о том, что достоинство дано человеку от рождения, и никто не имеет права осквернять его. Пол, раса, национальность, язык, происхождение, религия, принадлежность к социальной группе, — все эти признаки составляют, в том числе, внутренние качества человека, на основе которых он строит свой жизненный путь, на них основывается чувство внутренней ценности. Возбуждая ненависть и вражду по обозначенным в законе признакам, субъект неминуемо отрицательно характеризует человека, который является носителем таких признаков. В свою очередь действия, направленные на унижение достоинства человека, как показывает судебная практика, совершаются по мотивам ненависти и вражды. В связи с этим находим верной позицию И. С. Макеевой, что «унижение — это действие, создающее ситуацию стойкого отношения ненависти или длительного состояния вражды по основаниям, указанным в ст. 282 УК РФ» [4, с. 69–70].

В законодательстве отсутствует легальное определение понятия «социальная группа». В связи с этим интерес заслуживает позиция А. А. Кунашева, который полагает, что социально значимые характеристики (профессия, возраст, имущественный показатель) позволяют отнести того или иного человека к определенной социальной группе [5, с. 15]. Суды признают социальной группой сотрудников полиции

¹ Приговор Соломбальского районный суд г. Архангельска № 1-156/2020 от 6 июля 2020 г. по делу № 1-156/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8lqBqxc/> (дата обращения: 09.01.2022).

² Приговор Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 16 февраля 2017 года по делу № 1-110/2017 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://kirovsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=2&number=194990782&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 09.01.2022); приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 12 августа 2016 года по делу № 1-177/2016 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://sinarsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=36104145&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 09.01.2022).

и сотрудников ФСБ России³, иммигрантов⁴, антифашистов⁵, либералов, демократов, масонов⁶, представителей судебной власти⁷. Международные суды также выделяют социальные группы исходя из профессионального признака. Например, в одном из постановлений ЕСПЧ пришел к выводу, что рассмотрение полиции в качестве социальной группы не противоречит естественному смыслу статьи 282 УК РФ⁸. Конституционный суд РФ отметил, что понятие «социальная группа» не содержит правовой неопределенности⁹. Таким образом, социальные группы — это большие группы людей, обладающие внутренними связями и отличительными признаками.

Ряд авторов полагает, что признак социальной группы следует либо исключить

³ Приговор Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 9 сентября 2020 года по делу № 1-7/2020 (1-157/2019) // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://egvs--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=157778668&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Постановление Исакогорского районного суда г. Архангельска от 22 августа 2016 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://sudis--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=48647076&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2022).

⁵ Приговор Димитровского районного суда г. Костромы от 4 мая 2017 года по делу № 1-51/2017 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://dimitrovsky--kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=30875603&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2022).

⁶ Приговор Вилючинского городского суда Камчатского края от 18 марта 2015 года по делу 1-15/2015 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://viluchinsky--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=34539680&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска от 25 июля 2018 года по делу № 1-487/18 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://leninsky--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=22251575&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ Дело № 10692/09 «Савва Терентьев против Российской Федерации» (постановление ЕСПЧ от 28 августа 2018 г.) // Центр Международного права на Чистых прудах : [сайт]. URL: <http://european-court-help.ru/?p=7396> (дата обращения: 10.01.2022).

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Замураева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1795310/> (дата обращения: 10.01.2022).

из диспозиции статьи, либо конкретизировать путем приведения в примечании к статье исчерпывающего перечня отличительных характеристик социальных групп. Например, И. С. Макеева считает, что «достаточно тех социальных групп, которые законодатель выделил по признаку отношения к полу, расе, религии, национальности, языку» [4, с. 70]. Позволим себе не согласиться с данным автором, так как исключать понятие социальной группы и вводить исчерпывающий перечень таких групп не следует. Невозможно с абсолютной точностью предсказать, какие признаки станут социально значимыми для выделения в будущем социальных групп. Однако ненависть и вражда в отношении группы лиц, выделенных по социально значимым признакам, недопустима и должна своевременно пресекаться и наказываться. Введение определенного перечня признаков социальных групп не позволит своевременно реагировать на возбуждение ненависти или вражды в отношении сформировавшихся в будущем социальных групп. Полагаем, понятие социальная группа следует толковать в соответствии с историческим срезом социально-правовой реальности, в соответствии с духом времени. Например, пандемия коронавирусной инфекции привела к разделению общества на тех, кто убежден в ее существовании и тех, кто не верит в ее существование и выступает против введенных ограничений, против прививочной компании («антиваксеры»). Произошло разделение всего населения государства на две огромные социальные группы. Так, Р. совершил правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1 КоАП РФ. Гражданин на территории монастыря провозглашал призывы, целью которых было возбуждение ненависти и вражды, унижение достоинства группы лиц по признаку принадлежности к социальной группе — лицам, убежденным в существовании пандемии коронавирусной инфекции, соблюдающим самоизоляцию и не посещающим храмы¹. Справедлива позиция С. В. Борисова, согласно которой норму следует дополнить перечнем, в котором бы содержались признаки социальных групп, на основании которых к ним можно было бы отнести того или иного представителя [6, с. 73]. Возможно, такие признаки станут определенными ориентирами для правоприменителя. Вместе с тем, их желательно изложить

¹ Постановление Верхнепышминского городского суда Свердловской области № 5-591/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 5-591/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/votyIkXRkgw/> (дата обращения: 10.01.2022).

не в уголовном законе, а в решении высшего судебного органа, так как в будущем они могут измениться, а материя уголовного закона не должна подвергаться частым изменениям.

Буквальное толкование понятия «социальная группа» позволяет отнести к ней лиц, занимающихся преступной или противоправной деятельностью: воров в законе, экстремистов, проституток, лиц, злоупотребляющих спиртным и наркотическими средствами и др. Находим верной позицию исследователя А. А. Кунашева, отмечающего, что «законом могут охраняться только те социальные группы, которые не преследуют противозаконных целей» [5, с. 11]. Полагаем, что лица, осуществляющие деятельность, противоречащую законодательству, не могут относиться к социальным группам, так как это противоречит смыслу антиэкстремистского законодательства и моральным нормам. Возбуждение ненависти и вражды в отношении таких групп не может преследоваться в уголовном порядке, однако это не исключает проведение органами полиции профилактических мероприятий в отношении лиц публично возбуждающих ненависть и вражду в отношении таких социальных групп.

В большинстве случаев рассматриваемое преступление совершается в сети Интернет посредством социальных сетей. Уголовная ответственность наступает за размещение комментариев, гиперссылок², постов³ или репостов⁴. Полагаем, проставление лайков в социальных сетях и на видеохостингах не может быть наказуемо. Лайк представляет собой действие лица в виде положительной оценки чужого контента⁵ (на видеохостингах⁶ существуют

² Гиперссылка — часть гипертекстового документа (системы из текстовых страниц, имеющих перекрёстные ссылки), ссылающаяся на элемент в этом документе (команда, текст, изображение, сноска) или на другой объект (файл [документ], каталог, приложение), расположенный на локальном диске или в компьютерной сети, либо на элементы этого объекта // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гиперссылка> (дата обращения: 10.01.2022).

³ Пост — это информация (тест, картинка, видеозапись), размещенная на странице социальной сети, в личном блоге, на видеохостинге и других интернет-сервисах.

⁴ Репост — повторная публикация поста, размещенного другим лицом, со ссылкой на первоисточник.

⁵ Контент — это любая информация созданная лицом или группой лиц для наполнения страниц социальных сетей, блогов, видеохостингов, сайтов и др.

⁶ Видеохостинг — это интернет-сервис для просмотра и добавления видеороликов в браузер через специальный плеер (популярные в России видеохостинги — YouTube и TikTok).

возможность ставить дизлайки, выражающие отрицательное отношение к размещенной видеозаписи). Оценивая чужой контент, лицо выражает только свое положительное или отрицательное отношение к нему, но не способствует его дальнейшему размножению и распространению. Кроме того, чужой контент может меняться (тексты, изображения, видеозаписи автор может редактировать после публикации), а лайк пользователя после этого не исчезнет. Более того, некоторые пользователи сети «Интернет» ставят лайки или дизлайки, даже не просмотрев видеозапись до конца или не прочитав текст размещенного другим лицом поста целиком. Репост представляет собой распространение чужого контента, который невозможно редактировать. Полагаем, репост не менее опасен, чем первоисточник. Как верно заметил депутат нижней палаты Федерального собрания С. В. Железняк, декриминализация репостов будет «потворствовать манипуляциям и информационным войнам. Источник может быть фейковым, анонимным, и аудитория у него может быть в разы меньше, чем у того, кто потом распространил информацию у себя»¹. К примеру, репост экстремистского контента на странице известного блогера с миллионной аудиторией подписчиков по степени общественной опасности превалирует над постом-первоисточником, размещенным на странице лица, у которого всего несколькими друзьями.

Полагаем, за действия в виде сохранения изображений, видеозаписей, аудиозаписей, содержащих признаки возбуждения ненависти, вражды, унижения человеческого достоинства, при установлении умысла лица следует привлекать к ответственности по рассматриваемой норме уголовного закона. Сохраненные изображение, видеозапись, аудиозапись должны отвечать критериям публичности: должны быть сохранены в открытом альбоме пользователя социальной сети и быть доступна для просмотра неограниченному кругу лиц или ограниченному кругу лиц — друзьям пользователя (если страница социальной сети закрытая). Примером уголовно-наказуемого сохранения изображений являются действия Марии Мотузной, добавившей в открытый альбом «Сохранённые» социальной сети «ВКонтакте» доступные для просмотра другим пользователям изображения, содержанием которых было формирование отрицательного образа священнослужителей и лиц, принадлежащих

к негроидной расе². Считаем, что изображения, сохраненные в закрытых альбомах, исключают уголовную ответственность. Они не доступны для просмотра группе или неопределённому числу лиц, следовательно, сохранение таких изображений не отвечает критерию публичности.

Проблема возникает при определении момента окончания преступления, когда лицо размещает на странице в социальной сети на продолжительное время экстремистские пост, репост, гиперссылку. Такая информация может быть доступна для просмотра неограниченному кругу лиц в течение долгого времени (месяц, год, несколько лет). Полагаем, в подобных случаях преступление следует считать длящимся. У длящихся преступлений выделяют юридический и фактический момент окончания, которые, как правило, не совпадают. Юридически такое преступление окончено с момента размещения комментария, поста, гиперссылки или репоста на странице в социальной сети, фактически — с момента удаления экстремистского контента лицом самостоятельно или по требованию правоохранительных органов, выявивших экстремистский контент.

Заключение

Совершенное в сети Интернет деяние, запрещенное статьей 282 УК РФ, является длящимся. Социальные сети — основное место для совершения рассматриваемого преступления. Уголовно-наказуемыми являются такие действия в социальных сетях как размещение постов, репостов, комментариев, гиперссылок, а также сохранение в альбомах социальных сетей изображений, аудиозаписей и видеозаписей, содержащих признаки возбуждения ненависти, вражды, унижения достоинства человека. Такие действия, совершенные в социальной сети, должны отвечать критериям публичности, в связи с этим действия в виде сохранения изображений, аудиозаписей и видеозаписей в закрытом альбоме социальной сети, к которому имеет доступ только лицо, сохранившее такой контент, не являются наказуемыми.

В уголовном законе отсутствует исчерпывающий перечень социальных групп, что позволяет судам толковать данное понятие в духе времени, в зависимости от сложившейся социальной, политической и культурной обстановки в стране.

¹ Санкции за репосты остаются в Уголовном кодексе // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3739330> (дата обращения: 10.01.2022).

² Кто такая Мария Мотузная, и за что ее судят // Алтапресс : [сайт]. URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/kto-takaya-mariya-motuznaya-i-za-chto-ee-sudyat-226109> (дата обращения: 10.01.2022).

В связи с большой критикой общественности и репрессивным уклоном ст. 282 УК РФ была частично декриминализована в 2018 году. Хотя число возбужденных уголовных дел резко сократилось, правоохранителям, решая вопрос о возбуждении уголовного дела,

необходимо исходить из всей совокупности обстоятельств содеянного, особенно в случае совершения деяния в сети Интернет, чтобы исключить необоснованное привлечение к уголовной ответственности по экстремистской статье.

Список источников

1. Козаченко И. Я. Тоталитарная религия или религия тоталитаризма // Концептуальные проблемы современного российского судоустройства и судопроизводства : материалы научно-практической конференции / отв. ред. М. С. Саликов. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2006. С. 179–183.
2. Бешукова З. М. К вопросу о понятии преступлений экстремистской направленности // Общество и право. 2011. № 1. С. 35–38.
3. Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 480 с.
4. Макеева И. С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 177 с.
5. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 27 с.
6. Борисов С. В. Проблемы уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности // Закон и право. 2009. № 3. С. 73–74.

Дата поступления статьи / Received: 08.02.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 12.02.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Научная статья
УДК 343.9.01

С. 62–68

РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА В ОБЪЕДИНЕНИИ УСИЛИЙ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Петр Николаевич Кобец

*Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия
pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>*

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что в настоящее время частные лица, предприятия и организации, системы критической инфраструктуры правительств большинства государств мира активно используют цифровые технологии. Эти технологии предоставляют возможности на многих уровнях, включая экономический и социальный. Однако, по мере роста и возможностей доступности цифровых информационных технологий, и телекоммуникационных сетей, киберугрозы становятся все более скоординированными и серьезными. В этой связи, по мере того, как вредоносные киберинструменты становятся все более доступными, а уровень мировой киберпреступности продолжает расти, существует реальная угроза экономическому и политическому благополучию многих мировых держав. Поскольку большая часть критической инфраструктуры большинства экономически развитых государств может управляться удаленно, а основные услуги управляются онлайн, кибер-инциденты могут поставить под угрозу не только общественную, но и в целом национальную безопасность многих стран. Для устранения этих рисков Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, на регулярной основе выдвигаются предложения по объединению усилий мирового сообщества для совместной деятельности по обеспечению информационной безопасности в киберпространстве. Проведенное исследование предусматривает дальнейшее его использование в качестве методического материала, для принятия различных управленческих решений, как на национальном, так и на международном уровнях борьбы с киберпреступлениями, а также при создании необходимых условий для эффективного и надежного международного сотрудничества по борьбе с преступностью в киберпространстве.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационное пространство, международное сотрудничество, правовое регулирование, мировое сообщество, стратегическое планирование, киберпространство, киберпреступность

Для цитирования: Кобец П. Н. Роль Президента Российской Федерации В. В. Путина в объединении усилий мирового сообщества по совершенствованию информационной безопасности в киберпространстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 62–68.

THE ROLE OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION V. V. PUTIN IN COMBINING THE EFFORTS OF THE WORLD COMMUNITY TO IMPROVE INFORMATION SECURITY IN CYBERSPACE

Peter N. Kobets

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia
pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that at present individuals, enterprises and organizations, critical infrastructure systems of governments in most countries of the world are actively using digital technologies. These technologies provide opportunities at many levels, including economic and social. However, with the growth and availability of digital information technology and telecommunications networks, cyber threats are becoming more coordinated and serious. In this regard, as malicious cyber tools become more and more available, and the level of global cybercrime continues to grow, there is a real threat to the economic and political well-being of many world powers. Since most of the critical infrastructure of most economic development states can be managed remotely, and the main services are managed online, cyber incidents can threaten not only the public, but also the overall national security of many countries. To eliminate these risks, the President of the Russian Federation V. V. Putin, on a regular basis there are proposals to unite the efforts of the world community for joint activities to ensure information security in cyberspace. The study provides for its further use as a methodological material for making various management decisions, both at the national and international levels of combating cybercrime, as well as creating the necessary conditions for effective and reliable international cooperation in combating cyberspace.

Keywords: national security, information space, international cooperation, legal regulation, world community, strategic planning, cyberspace, cybercrime

For citation: Kobets PN. The Role of the President of the Russian Federation V. V. Putin in Combining the Efforts of the World Community to Improve Information Security in Cyberspace. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):62-68. (In Russ.)

Введение

С каждым годом расширяется влияние и без того достаточно широкого спектра противоправных деяний, совершаемых в сети Интернет: мошенничество, вымогательство, различные злоупотребления, связанные с детской порнографией, педофилией, шпионаж, вандализм, всевозможные притеснения граждан, и т. д. Однако при этом вредоносная деятельность в киберпространстве, наряду с разнообразными преступными посягательствами, перечисленными выше, все чаще, включает в себя попытки хищения особо интересующих преступников, всевозможных массивов информационных данных [9, с. 150]. При этом важно отметить, что по мнению ряда экспертов, основная часть совершаемых киберпреступлений не может быть зафиксирована статистической отчетностью, в силу высокой латентности рассматриваемых противоправных деяний [3, с. 62]. А также потому, что часть пострадавших лиц не обращается в правоохранительные органы, полагая, что

даже если преступники будут пойманы, возместить преступный вред им будет весьма не просто [1, с. 173].

В современном мировом сообществе, цифровые технологии и система Интернет приобретают все большее значение для инноваций и экономического роста. Цифровые технологии являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. В соответствии с прогнозами, представленными Всемирной ассоциацией представляющей интересы операторов мобильной связи во всем мире (GSMA), к 2025 году количество подключений к технологиям Интернет вещей — Internet of Things (далее — IoT) удвоится и достигнет почти 25 млрд, что обусловит риски возрастания кибератак¹. По мере того, как вредоносные кибер-инструменты становятся все более доступными, а уровень киберпреступности продолжает расти,

¹ См.: Интернет вещей, IoT, M2M мировой рынок // TAdviser : [сайт]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 14.03.2022).

существует реальная угроза экономическому благополучию большинства государств мира. Поскольку большая часть критической инфраструктуры государств может управляться удаленно, а основные услуги управляются онлайн, кибер-инциденты могут поставить под угрозу национальную безопасность и общественную безопасность в этих государствах.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования выступили общественные отношения, складывающиеся вокруг предпринятых Президентом Российской Федерации В. В. Путиным всех необходимых усилий по объединению мирового сообщества для совместной деятельности по обеспечению информационной безопасности в киберпространстве. Предметом исследования послужили различные источники правовой и иной информации об основных направлениях и организационных мерах, направленных на повышение международного сотрудничества по креплению глобальной кибербезопасности. Методологической основой проведенного исследования выступили, общенаучные методы, в том числе формальной логики, анализа, синтеза и диалектический; частнонаучные методы, среди которых сравнительно-правовой, логико-юридический, анализа документов, системно-структурный. Данная работа может быть в дальнейшем использована в качестве методического материала, в процессе принятия решений управленческого характера, для борьбы с киберпреступностью, а также в процессе выстраивания международного сотрудничества по данному направлению деятельности.

Обсуждение проблемы

Отечественные эксперты отмечают, что в 2017 г. мировая экономика от деятельности киберпреступников получила ущерб «в 600 млрд долларов США в 2018 году 1,5 трлн долларов США, то уже в 2019 году — 2,5 трлн долларов США, а согласно прогнозу, Всемирного экономического форума, в 2022 г. сумма планетарного ущерба от кибератак вырастет до 8 трлн долларов США» [4, с. 168]. В этой связи является показательным выступление Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша на 14-й сессии Конгресса ООН по предупреждению преступности 2021 г. в г. Киото, где он высказался о необходимости предупреждения рассматриваемых преступлений, важности уголовного правосудия и верховенства права, которым отведена ключевая роль по обновлению общественного договора

между странами и их обществом. Генсеком ООН также было добавлено, что соблюдение принципа верховенства права необходимо для устойчивого, социального, политического и экономического развития мирового сообщества, потому, как современное общество остро нуждается в инклюзивной не допускающей дискриминации системе правосудия, действующей в интересах всего социума¹.

Международный союз электросвязи при ООН, в лице своих экспертов составляет рейтинги по странам мира, анализируя их уровень кибербезопасности, и на основе этого формирует Глобальный индекс кибербезопасности — Global Cybersecurity Index², который базируется на исследовании 195 государств. Составляя рейтинги государств, экспертами исследовались следующие показания: имеются ли в исследуемом государстве «правовые системы и структуры, которые занимаются проблемами кибербезопасности; какими техническими возможностями в сфере кибербезопасности обладает страна; существуют ли в стране на уровне государства, институты связанные с координацией политики и стратегии совершенствования кибербезопасности; имеются ли в стране научно-исследовательские, образовательные и подготовительные программы, а также сертифицированные специалисты и госучреждения, способствующие росту потенциала для обеспечения информационной безопасности; имеются ли в стране партнеры, механизмы сотрудничества и системы по обмену информационными данными» [8, с. 70].

В 2020 г. Российская Федерация заняла пятое место вместе с Малайзией и Объединенными Арабскими Эмиратами в рейтинге кибербезопасности ООН по версии Международного союза электросвязи, уступив Королевству Испании, Республике Корея и Республике Сингапур, которые разделили четвертое место, Эстонии находящейся на третьем месте Великобритании и Саудовской Аравии, которые делят второе место, и Соединенным Штатам Америки, находящимся на первом месте³.

¹ См.: Глава ООН призвал обеспечить правовую защиту людей в киберпространстве // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398122> (дата обращения 14.03.2022).

² См.: Global Cybersecurity Index // ITU : [сайт]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/global-cybersecurity-index.aspx> (дата обращения 14.03.2022).

³ Россия заняла пятое место в международном индексе кибербезопасности // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20210705/kiberbezopasnost-1739871486.html> (дата обращения 14.03.2022).

Сегодня частные лица, предприятия, системы критической инфраструктуры и правительства большинства государств мира активно используют цифровые технологии [5, с. 121]. Эти технологии предоставляют возможности на многих уровнях, включая экономический и социальный. Однако, по мере роста и возможностей доступности цифровых информационных технологий, и телекоммуникационных сетей, киберугрозы становятся все более скоординированными и серьезными. В этой связи, на десятом российском форуме по управлению Интернетом (RIGF-2019) президентом Российской Федерации В. В. Путиным была отмечена, необходимость по эффективному противодействию всем рискам и вызовам киберпреступности¹.

При этом нельзя не отметить, что киберпреступность и связанные с ней решения в области кибербезопасности могут быть такими же сложными и разнообразными, как и лежащие в их основе технологии [6, с. 47]. В то время, как кибербезопасность и конфиденциальность данных часто идут рука об руку, кибербезопасность в первую очередь связана с защитой данных от нежелательного доступа, в то время, как конфиденциальность связана с администрированием и использованием данных.

В рассматриваемом контексте, чрезвычайно важно отметить что, в основной дискуссии конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey 2020 на тему Искусственный интеллект — главная технология XXI века, которая проходила 4 декабря 2020 г. главой Сбербанка Г. Грефом было отмечено что много россиян особенно пожилого возраста стали жертвами киберпреступников, которые похищают данные пользователей, а также заняты вскрытием данных электронной почты, шантажом, хищением денежных средств. Г. Греф также отметил, что при этом государство слабо реагирует на указанные правонарушения в киберпространстве, по его мнению, в уголовном и административном законодательстве в недостаточной степени прописаны все компьютерные преступления, а также предусмотрена небольшая санкция за их совершение в отличие от многих иностранных государств. Кроме того, Г. Греф указал на то, что уголовно-процессуальное законодательство в недостаточной степени регламентирует расследование

киберпреступлений. Он также отметил, что правоохранительным органам не хватает законодательной базы, оборудования и специалистов для эффективного противодействия киберпреступности. Поэтому для успешной борьбы с киберпреступностью нужны новые государственные инициативы в рассматриваемой сфере, которые бы основывались на союзе правоохранителей, государственных органов и крупных компаний — операторов сотовой связи, работающих в сети Интернет. В связи этим высказыванием, Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что разделяет позицию Г. Грефа о том, что противодействовать киберпреступности следует объединив все имеющиеся усилия, при этом не обязательно увеличивать и ужесточать санкции за совершение киберпреступлений, важно обеспечить эффективную борьбу с киберпреступниками и неотвратимость их наказания. При этом, по мнению Президента Российской Федерации, для обеспечения эффективности борьбы с киберпреступностью, необходимо чтобы все государственные сферы деятельности были пронизаны информационными технологиями².

Пути решения проблемы

Осуществлять эффективную борьбу против киберпреступности возможно на основе объединения всех международных усилий. И первые шаги в рассматриваемом направлении были сделаны еще в 2005 г., когда крупнейшими мировыми провайдерами, предоставляющими интернет-услуги, было заявлено о том, что они заключают «глобальный антикризисный альянс, в рамках которого создается система раннего оповещения о проведении хакерской атаки в сети Интернет [2, с. 218].

В настоящее время кибербезопасность в информационной сфере представляет «технологии, процессы и политику, которые помогают предотвратить или уменьшить негативное влияние событий в киберпространстве, которые могут произойти в результате преднамеренных действий против информационных технологий со стороны враждебного или злонамеренного субъекта» [7, с. 21]. Поэтому в сентябре 2020 г. в одном из своих выступлений, Президентом Российской Федерации В. В. Путиным было предложено разработать документы о недопущении различных

¹ См.: Путин заявил о важности противодействия киберпреступности // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20190408/1552468651.html>. (дата обращения 14.03.2022).

² См.: Конференция по искусственному интеллекту // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения 14.03.2022).

инцидентов в информационной сфере (киберпространстве). Им также были озвучены различные предложения об осуществлении сотрудничества по кибербезопасности между Российской Федерацией и США, а также со всеми государствами мира. Особо В. В. Путиным подчеркивалось, что основным стратегическим вызовом является возникновение масштабных столкновений в цифровой сфере, и в этой связи важнейшая роль по их предотвращению отводится ключевым игрокам, осуществляющим международную информационную безопасность. В этой связи Президент Российской Федерации призвал продолжать осуществление непрерывной и эффективной работы между ведомствами Россией и США курирующими международную кибербезопасность. В. В. Путиным также было предложено проработать вопрос о разработке и подписании межправительственного документа по предотвращению инцидентов в информационном поле, составленному по аналогии с Договорами между Российской Федерацией и США по открытому морю и воздушному пространству от 1972 г. В. В. Путин обращаясь ко всем мировым державам, предложил провести переговоры о не нанесении первыми ударов в отношении друг друга, с применением информационных и телекоммуникационных технологий¹.

22 октября 2020 г. во время пленарного заседания дискуссионного клуба «Валдай», В. В. Путиным также было отмечено о необходимости помнить, что на нашей планете идет процесс формирования бесконечного цифрового пространства, а население Земли стремится к быстрейшему его освоению. При этом Президент Российской Федерации подчеркнул, что эпидемия COVID-19 стимулировала дальнейшее совершенствование дистанционных электронных технологий, а коммуникация на основе системы Интернет стала всеобщим достоянием. В этой связи важно, обеспечить бесперебойное и безопасное функционирование не только телекоммуникационной инфраструктуры, но и всего киберпространства².

Также следует сказать о том, что помимо укрепления глобального международного сотрудничества по совершенствованию

информационной безопасности в киберпространстве, нашей страной предлагаются меры по укреплению двустороннего сотрудничества между правительствами, государственным, и частным секторами. Киберпреступники могут безнаказанно действовать в некоторых странах, которые не располагают ресурсами, возможностями или правовой базой для борьбы с ней. Скоординированные усилия по закрытию этих безопасных убежищ усилит положительный эффект от предпринятых мер. Так в частности в заявлении, сделанном 13 июня 2021 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным программы в эфире программы «Москва. Кремль» на телевизионном канале «Россия 1» о готовности Российской Федерации выдавать киберпреступников США, было отмечено, что такие действия нашей страны возможны при достижении соответствующих двусторонних договоренностей. Кроме того, Президентом Российской Федерации проблема кибербезопасности была обозначена, как одна из самых важных на сегодняшний день, поскольку, по его мнению, отключение целых систем, может привести к весьма нежелательным последствиям³.

Современная индустрия кибербезопасности охватывает широкий спектр профилактических и корректирующих оперативных функций (идентификацию, защиту, обнаружение, реагирование и восстановление) практически на всех носителях (например, устройствах, приложениях, сети, данных и пользователях) [10, с. 143]. В каждом сегменте есть много игроков, начиная от тех, кто борется с традиционными формами кибератак, такими как вымогатели, фишинговые мошенничества и распределенный отказ в обслуживании — Distributed Denial of Services, и заканчивая теми, кто создает решения для зарождающихся или недавно появившихся технологических инфраструктур, таких, как Облако или Интернет вещей — различные физические объекты, подключенные к сети Интернет и имеющие возможность обмениваться данными. Независимо от их места в отрасли, поставщики решений в области кибербезопасности должны развиваться, чтобы справиться с постоянно растущей изоциренностью киберпреступности.

В это связи важно отметить, что на заседании Совета Безопасности, проходившего 26 марта 2021 г. Президентом Российской

¹ См.: Путин предложил странам мира договориться не наносить киберудары // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/09/2020/5f6dd2589a794776d7fc32ae> (дата обращения 14.03.2022).

² См.: Путин призвал добиваться бесперебойной и безопасной работы киберпространства // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/9790943> (дата обращения 14.03.2022).

³ См.: Путин: Россия готова выдать США киберпреступников при взаимности // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4856510> (дата обращения 14.03.2022).

Федерации В. В. Путиным, была высказана необходимость формулирования универсальных правил поведения стран в информационном пространстве. Так, в частности, российский лидер полагает, что всемирные правила помогут в деле выстраивания взаимовыгодного партнерства при осуществлении взаимодействия в сети Интернет не прибегать к конфликтным ситуациям. По мнению В. В. Путина принятие подобных правил поможет созданию благоприятных условий по научному поиску, быстрому внедрению передовых решений и предотвращению возможных рисков в рассматриваемой сфере. Кроме того, Президентом Российской Федерации было отмечено, что наша страна является одним из первых государств, которое призывает мировое сообщество объединить усилия в совместной деятельности по обеспечению информационной безопасности в киберпространстве¹.

Таким образом, несмотря на то, что киберпространство поддерживает мировой экономический рост, оно стало местом конфликтов и недобросовестной конкуренции, которая до сих пор характеризовалась низкой интенсивностью с точки зрения информационных технологий, политической дестабилизации и экономической гегемонии. Российская Федерация смогла выявить эти проблемы, и с помощью диалога пытается предложить идеи и решения, которые в большей степени учитывают устойчивое цифровое развитие, как с точки зрения управления Интернетом, так и с точки зрения защиты персональных данных или кибербезопасности операторов, имеющих важное значение для

устойчивого функционирования всего мирового сообщества. Наша страна в дальнейшем намерена играть активную роль в продвижении безопасного, стабильного и открытого киберпространства.

Заключение

В заключении хотелось бы особо подчеркнуть, что угрозы, с которыми сталкивается мировое сообщество в киберпространстве, сложны и быстро развиваются. Правительства, предприятия, организации, и в целом население планеты с каждым годом становятся все более уязвимы, поскольку все больше экономического сектора и основных услуг переходит в онлайн. При таком развитии технологий, когда международный характер киберпространства стал объективной реальностью для предотвращения и судебного преследования киберпреступности требуется многоуровневое сотрудничество между правительствами и правоохранительными органами большинства государств. В сложившейся ситуации важнейшим и ключевым вопросом является характер и качество обмена информацией между государственным и частным секторами разных стран о киберпреступниках. Сегодня существует гораздо больше информации о ландшафте угроз кибербезопасности, чем в настоящее время доступно частному и государственному секторам большинства стран. Для решения растущей проблемы киберпреступности потребуются более активное участие всех заинтересованных сторон, а значит всего мирового сообщества. Сегодня становится абсолютно очевидно, что обеспечение глобальной кибербезопасности это не самоцель, это та необходимость, которую все международное сообщество должно добровольно взять на себя, чтобы гарантировать, что инновации в сфере кибертехнологий будут продолжать процветать, стимулируя рынки и улучшая нашу жизнь.

¹ См.: Путин предложил принять всемирные правила поведения в киберпространстве // 5-tv.ru : [сайт]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/333046/putin-prizval-vystroit-strategiu-pozasite-rfvcifrovoy-sfere/> (дата обращения 14.03.2022).

Список источников

1. Абсаров Р. Р. Противодействие компьютерному терроризму // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 февраля 2018 года. Пенза : МЦНС Наука и Просвещение, 2018. С. 172–174.
2. Акопов Г. Л. Правовая информатика: современность и перспективы : учебное пособие. Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. 314 с.
3. Григорьева Н. В., Карпенко Л. К. Латентность преступлений в сфере компьютерной информации // Донецкие чтения 2017 : Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ (Донецк, 17–20 октября 2017 г.) / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Издательство Донецкого национального университета, 2017. С. 61–63.

4. Жадан И. Э., Мамаева Л. Н. Киберпреступность как угроза международной безопасности // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. 2020. № 5. С. 166–169.
5. Зарубин С. В. К вопросу об оценке эффективности мероприятий по противодействию информационному терроризму // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 4. С. 118–122.
6. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. № 8. С. 46–50.
7. Кобец П. Н. Противодействие терроризму в информационной сфере: опыт и проблемы // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 18–26.
8. Мамаева Л. Н., Бехер В. В. Угрозы кибербезопасности в цифровом пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 4 (78). С. 68–70.
9. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5 (10). С. 148–160.
10. Поляков В. В. Профилактика экстремизма и терроризма, осуществляемого с помощью сети Интернет // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 142–144. DOI 10.14258/izvasu(2016) 3-26

Дата поступления статьи / Received: 14.03.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 04.04.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ, СУЩНОСТИ И ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (часть 1)

Валерий Иннокентьевич Шестаков

*Институт проблем безопасности и устойчивого развития, Москва, Россия
shestakovvi@mail.ru*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость рассмотрения правовой природы, сущности и правового регулирования частной детективной деятельности на основе системного подхода и положений новой науки сыскологии. На основе анализа российских и международных источников, современных научных теорий доказывается, что частная детективная деятельность является одним из видов профессиональной сыскной деятельности, разновидностью юридической и предпринимательской деятельности, одним из законных средств обеспечения национальной безопасности, лицензируемым видом деятельности. Дан анализ содержания и характера детективных услуг, что позволило раскрыть сущность частной детективной деятельности, её направленность на защиту конституционных прав граждан, обеспечение безопасности предпринимательской деятельности, доступа к правосудию, содействие правоохранительным органам борьбе с преступностью.

Ключевые слова: сыскология, детективология, профессиональная сыскная деятельность, частная детективная деятельность, детективные услуги, детективное право

Для цитирования: Шестаков В. И. Системный подход к пониманию правовой природы, сущности и правовому регулированию частной детективной деятельности (часть 1) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 69–79.

Research article

A SYSTEMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING THE LEGAL NATURE, ESSENCE AND LEGAL REGULATION OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY (part 1)

Valery I. Shestakov

*Institute for Security and Sustainable Development, Moscow, Russia
shestakovvi@mail.ru*

Abstract. The article substantiates the need to consider the legal nature, essence and legal regulation of private detective activity on the basis of a systematic approach and the provisions of the new science of security studies. On the basis of the analysis of the Russian and international sources, modern scientific theories it is proved that a private detective activity is one of types of professional detective activity, a variety of legal and business activities, one of the legal means of ensuring national security. The analysis of the content and nature of detective services, which allowed to reveal the essence of private detective activity, its focus on the protection of constitutional rights of citizens, business security, access to justice, assistance to law enforcement agencies to combat crime.

Keywords: detective science, detectiveology, professional detective activity, private detective activity, detective services, detective law

For citation: Shestakov VI. A systematic approach to understanding the legal nature, essence and legal regulation of private detective activity (Part 1). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):69-79. (In Russ.)

Введение

Полное и целостное представление о частной детективной деятельности, её сущности, правовой природе, целях и задачах невозможно без системного подхода к познанию этого феномена, суть которого состоит в том, что каждый объект в процессе его исследования рассматривается как самостоятельная структурированная система и одновременно как элемент более общей системы. Иной подход к познанию частной детективной деятельности создаёт искажённое, однобокое представление о ней, формирует негативное отношение к ней вплоть до утверждений о её ненужности и даже вредности, что отрицательно сказывается на имидже этого социально полезного вида деятельности.

Нельзя сказать, что вопросы частной детективной деятельности были обойдены вниманием учёных. Они были предметом исследований ряда кандидатских диссертаций [1; 9], монографий [10; 19], научных статей [1; 6; 12; 17; 21], обсуждений на различных площадках. Однако рассматривались они односторонне — в основном с позиций тех или иных отраслей права, ведомственных интересов, зачастую без учёта современных научных взглядов на сыскную деятельность. Поэтому до настоящего времени отсутствуют системные фундаментальные исследования частной детективной деятельности как цельного, многогранного и многоаспектного явления, взаимосвязанного с другими правовыми явлениями.

В предлагаемой статье автор предпринял попытку в какой-то мере восполнить существующий пробел и высказать свою позицию по отдельным, на его взгляд, проблемным вопросам, касающимся правовой природы частной детективной деятельности, её сущности и правового регулирования. При этом автор рассматривает их с позиции формируемой в России новой юридической науки — сыскологии, во взаимосвязи с другими видами профессиональной сыскной деятельности, с учётом норм и положений ряда отраслей права (конституционного, гражданского процессуального, уголовно-процессуального, семейного и др.), модельного законодательства и законодательства в области обеспечения национальной безопасности.

Рассмотрим каждый из указанных элементов, характеризующих частную детективную деятельность.

1. Правовая природа частной детективной деятельности

Раскрыть правовую природу частной детективной деятельности, значит, дать ей характеристику, отражающую её специфику, определить место среди других правовых явлений в соответствии с её социальной природой, показать взаимосвязи с другими видами профессиональной сыскной деятельности.

1.1. Частная детективная деятельность — разновидность профессиональной сыскной деятельности (профессионального сыска)

Системный подход к исследованию частной детективной деятельности даёт основание для утверждения о том, что она является одним из видов, составной частью профессиональной сыскной деятельности. Оно основано на положениях сыскологии, которая устанавливает основные признаки, критерии, позволяющие отнести тот или иной вид деятельности к профессиональной сыскной деятельности, а также на анализе содержания и направленности частной детективной деятельности.

Возникновение сыскологии её сторонники относят к 2007 году, когда в журнале «Оперативник (сыщик)» была опубликована статья профессора А. Ю. Шумилова, в которой автор высказал идею о её необходимости, приведя в обоснование и аргументы [11].

Идея, высказанная А. Ю. Шумиловым, была поддержана российскими и зарубежными учеными (Республика Азербайджан, Республика Беларусь, Украина), представителями различных ведомств и специалистами, занимающимися исследованиями в области профессиональной сыскной деятельности [3; 4; 7]. Число её сторонников постоянно растёт, о чём свидетельствуют публикации по данной тематике, систематически проводимые дискуссии на конференциях, круглых столах и других мероприятиях.

Под сыскологией А. Ю. Шумилов предложил понимать совокупность научных исследований в области оперативно-розыскной, контрразведывательной, разведывательной, частной сыскной деятельности, а также иных видов профессиональной сыскной деятельности [15]. Приведём его определение полностью: «Новая наука о профессиональной сыскной деятельности (сыскная наука, наука о профессиональном сыске или сыскология)

является частью отечественной науки (преимущественно юридической) и представляет собой междотраслевую систему научных взглядов, идей и представлений (совокупность знаний и концепций) о российской профессиональной сыскной деятельности, её принципах и практике применения, её возникновении, современном состоянии, сущности и содержании, тенденциях и перспективах развития, соотношении со смежными объектами научного изучения, а также об аналогах за рубежом. Сыскология — это система частных наук о профессиональном сыске» [12, с. 29–32; 18, с. 10].

Сыскология — это формируемая наука обо всех видах профессиональной сыскной деятельности, в том числе, частной детективной деятельности. Главное её назначение состоит в обобщении и исследовании теоретического и практического опыта сыска, искусственно, субъективно рассредоточенного в различных видах профессиональной сыскной деятельности: оперативно-розыскной, контрразведывательной, частной детективной и иных, входящих в неё видов. Она представляет собою общую теоретическую основу в решении проблем частных («внутренних») её наук.

«Сыскология представляет собой систему, которая включает в себя совокупность отечественных наук, изучающих профессиональную сыскную деятельность, а именно:

- теорию отечественной разведки;
- теорию отечественной контрразведки;
- теорию отечественной оперативно-боевой деятельности, или теорию боевого сыска;
- единую (общую для всех субъектов оперативно-розыскной деятельности) отечественную) оперативно-розыскную теорию;
- теорию административного розыска;
- теория розыскной работы следователей, органов дознания и дознавателей;
- теорию исполнительного розыска;
- теорию, так называемого, журналистского расследования;
- теорию частной детективной деятельности (детективологию);
- теорию корпоративной разведки и контрразведки» [19, с. 35–36].

Сыскология рассматривает различные виды единой профессиональной сыскной деятельности системно и, главное, с единых научных позиций, что даёт возможность выделить у них общие, существенные свойства и признаки, позволяющие отнести их к данной деятельности, при этом отвлекаясь от особенностей, присущих каждому из входящих в неё видов деятельности. Она является методологической основой для познания всех видов профессиональной сыскной деятельности,

в том числе, и для частной детективной деятельности, понимания их сущности, правовой природы, определении места и роли в профессиональной сыскной деятельности, постановки проблем и путей их решения.

Одним из направлений сыскологии является «детективология — активно формируемая в последние два десятилетия в России наука об отечественной и зарубежной негосударственной детективной деятельности. Она представляет собой систему научных знаний о законах и характере детективной деятельности, закономерностях, принципах, субъектах, средствах и способах её осуществления, а также о возникающих в итоге её осуществления последствиях (прежде всего, юридически значимых)» [16].

Детективология является составной частью системы науки о профессиональной сыскной деятельности. Объектом её исследования является частная детективная деятельность. Следует отметить, что, по сравнению с другими отраслевыми науками о профессиональной сыскной деятельности (оперативно-розыскной, контрразведывательной и др.) детективология уделяет недостаточно внимания исследованию частной детективной деятельности как одного из видов профессиональной сыскной деятельности, её взаимосвязи с ней, месте и роли в этом общем и едином виде социально полезной человеческой деятельности.

Как следует из определения сыскологии, объектом её исследования является профессиональная сыскная деятельность. Учёные, называемые себя сыскологами, определяют профессиональную сыскную деятельность как юридически значимую работу (труд, дело), которая осуществляется гласно и негласно на основе общих принципов (использование конфиденциальных возможностей и др.) уполномоченными на то федеральным законом субъектами (представителями государства и др.), и которая заключается в добывании полезной информации для достижения определённых законодателем социально значимых целей, не противоречащих Конституции РФ [19, с. 10].

Из содержания указанного понятия следует, что профессиональная сыскная деятельность (профессиональный сыск) представляет собой отдельный, самостоятельный вид социально значимой человеческой деятельности, осуществляемый государственными органами, юридическими и физическими лицами для достижения определённых целей и решения задач в порядке, установленном законодательством, важное специфическое средство поставки информации потребителю.

Профессиональная сыскная деятельность включает в себя различные виды деятельности. Сторонники сыскологии к видам профессиональной сыскной деятельности относят: оперативно-розыскную, контрразведывательную, разведывательную и оперативно-боевую деятельность, розыскную функцию следователей, органов дознания и дознавателей, административный розыск, розыск судебными приставами-исполнителями имущества должников, финансовую разведку, частную детективную деятельность, корпоративную разведку и контрразведку, журналистское расследование, проводимое журналистами как государственных, так и негосударственных средств массовой информации [5, с. 12; 8, с. 11].

Этот перечень не является закрытым. К профессиональной сыскной деятельности могут быть отнесены и другие виды деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к профессиональной сыскной деятельности.

Виды профессионального сыска соотносятся как часть (например, частная детективная деятельность, оперативно-розыскная деятельность) и целое (профессиональная сыскная деятельность).

По мнению профессора А. Ю. Шумилова и его сторонников, общими признаками, присущими всем видам профессиональной сыскной деятельности позволяющими объединить их в единый общий деятельностный комплекс, является «двуединство объективно-субъективных признаков, включающих в себя:

1) группу объективных признаков:

наличие в качестве определяющего, так называемого, информационного компонента профессионального сыска. Суть его состоит в том, что весь профессиональный сыск служит средством для получения соответствующей информации, и поэтому он тесно связан с оборотом информации — её поиском, получением, передачей, производством и распространением (реализацией);

осуществление типичных сыскных, информационных, поведенческих актов (выведывание, опрос, наведение справок, наблюдение, отождествление объектов и др.).

2) группу субъектно-субъективных признаков:

— профессиональную принадлежность участников этого сыска. В качестве одной из сторон, возникающих в профессиональной сыскной деятельности, общественных отношений должен выступать представитель профессионального сыска (оперативно-розыскной орган, разведчик, контрразведчик, частный детектив и т. п.);

— наличие в профессиональном сыске целей, поставленных государственной властью;

— зависимость уровня правового регулирования общественных отношений, возникающих в различных видах профессионального сыска, от волеизъявления власти» [19, с. 11].

Частная детективная деятельность отвечает всем указанным признакам, и поэтому вполне обоснованно учёные-сыскологи единодушно относят частную детективную деятельность к одному из видов профессиональной сыскной деятельности.

Содержанием частной детективной деятельности является оказание детективных услуг, перечисленных в части 2 статьи 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Все они нацелены на собирание сведений (информации) для заказчиков детективных услуг в порядке, установленном законодательством. В ходе их оказания частный детектив совершает типичные сыскные, информационные, поведенческие действия, характерные для субъектов профессиональной сыскной деятельности и предусмотренные статьёй 5 указанного Закона (устный опрос граждан и должностных лиц (с их согласия), наведение справок, изучение предметов и документов (с письменного согласия их владельцев), внешний осмотр строений, помещений и других объектов, наблюдение для получения необходимой информации).

Оказывать детективные услуги (осуществлять сбор сведений) вправе только частный детектив, который в правоотношениях с заказчиком выступает как представитель профессионального сыска. Его статус подтверждается лицензией, полученной в установленном законодательством порядке.

Далее, как и в отношении других видов профессиональной сыскной деятельности, государство устанавливает цели частной детективной деятельности (ст. 1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»), от волеизъявления государственной власти зависит и уровень правового регулирования данного вида деятельности.

О тесной связи частной детективной деятельности с профессиональной сыскной деятельностью свидетельствует и законодательство в области частной детективной деятельности. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» употребляет как синонимы термины «частная детективная деятельность», «частная сыскная деятельность» (название раздела 2, ст. 5), «детективные услуги» «сыскные услуги» (ст. 3, 9).

Вместе с тем, следует отметить, что законодатель употребляет указанные термины с полным совпадением их значения. На самом деле это не совсем правильно. Частная детективная деятельность и профессиональная сыскная деятельность соотносятся друг с другом как часть (частная детективная деятельность) и целое (профессиональная сыскная деятельность). Такая нечёткость в определении соотношения между частной детективной и профессиональной сыскной деятельностью в Законе РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» обусловлена тем, что на момент его принятия (1992 год), в науке вопрос о единой профессиональной сыскной деятельности и её видах не рассматривался. Тем не менее, разработчики проекта указанного Закона интуитивно усмотрели тесную взаимосвязь между частной детективной и профессиональной сыскной деятельностью.

Сторонники сыскологии классифицируют профессиональный сыск на государственный профессиональный сыск и негосударственный профессиональный сыск [11; 19, с. 15–16]. Частная детективная деятельность отнесена к негосударственному профессиональному сыску, для которого характерны общественные отношения, регулируемые в основном частным правом (предпринимательским, гражданским и др.).

Частная детективная деятельность имеет много общих признаков с другими видами профессиональной сыскной деятельности, что также подтверждает тезис о том, что она является одним из видов профессиональной сыскной деятельности.

Так, например, частная детективная деятельность имеет ряд общих черт с оперативно-розыскной деятельностью. И та и другая являются видами единой профессиональной сыскной деятельности. В ходе осуществления каждой из них осуществляется сбор информации (сведений). Законодательство в области частной охранной деятельности и оперативно-розыскной деятельности (ст. 5 Закона РФ «О частной детективной деятельности в Российской Федерации», ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») предоставляет право субъектам, осуществляющим эти виды деятельности, совершать для получения необходимой информации, по существу, аналогичные действия (опрос, наведение справок, изучение предметов и документов, наблюдение, внешний осмотр строений, помещений и других объектов).

Далее, результаты частной детективной и оперативно-розыскной деятельности могут

быть использованы в доказывании по уголовным делам, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, розыска лиц, в том числе без вести пропавших, имущества. Использование при этом сведений, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскной и частной детективной деятельности, органами предварительного расследования и судом, способствуют всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств совершенного преступления, достижению баланса интересов сторон в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем, между указанными видами деятельности имеются и специфические отличия, характеризующие особенности каждого из них.

Оперативно-розыскная деятельность является видом государственного сыска и вследствие этого носит публично-правовой характер. Частная детективная деятельность успешно сочетает частноправовой характер и публичные функции государства. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, а частная охранная деятельность — в целях защиты прав и законных интересов заказчиков детективных услуг. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется государственными органами, а частная детективная деятельность — частными детективами. В оперативно-розыскной деятельности допустимо ограничение конституционных прав граждан, в частной охранной деятельности — это запрещено. Результаты оперативно-розыскной деятельности используются для защиты интересов стороны обвинения, а результаты частной детективной деятельности в основном — в интересах стороны защиты.

Элементы общего и особенного имеются между частной детективной и адвокатской деятельностью, в части, касающейся реализации адвокатами сыскных возможностей.

Деятельность адвоката, как и деятельность частного детектива, направлена на сбор соответствующих сведений. Оба этих вида деятельности направлены на достижение аналогичных целей — защиту прав и законных интересов юридических и физических лиц (заказчиков детективных услуг, доверителей). Сведения, собранные адвокатом и частным детективом, способствуют физическим и юридическим лицам реализовать конституционное право на доступ к правосудию.

Законодательство в области частной детективной и адвокатской деятельности

предоставляет адвокату и частному детективу право совершать схожие, по существу, действия (наведение справок, опрос лиц с их согласия, использование технических средств). Частный детектив, как и адвокат, вправе собирать сведения по уголовному делу, которые могут быть использованы органами предварительного расследования и судом в доказывании по уголовному делу (ч. 3 ст. 86 УПК РФ, пункт 7 ст. 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»), заявлении ходатайств, обжаловании действий и решений органов предварительного расследования и суда. Частная детективная и адвокатская деятельности относятся к негосударственному профессиональному сыску.

Наряду с указанными общими признаками рассматриваемых видов профессиональной сыскной деятельности имеются и особенности.

Частная детективная деятельность регулируется Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», адвокатская деятельность — Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Субъектом адвокатской деятельности является адвокат, частной детективной деятельности — частный детектив, имеющий статус индивидуального предпринимателя. Для осуществления адвокатской деятельности не требуется получение лицензии, частная детективная деятельность осуществляется на основании лицензии, полученной в соответствии с законодательством. Объем собираемых сведений частным детективом гораздо шире, чем у адвоката. Осуществляя адвокатскую деятельность, адвокат имеет статус участника судопроизводства, частный детектив таковым не является. Частный детектив собирает сведения по уголовному делу для участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, так и отдельных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель). Адвокат (защитник) собирает сведения только в интересах подозреваемого, обвиняемого. При этом он вправе собирать сведения, только оправдывающие или смягчающие ответственность подзащитного. Частный детектив вправе собирать сведения о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также сведения, необходимые участнику процесса для заявления различных ходатайств, обжалования решений органов предварительного расследования и суда.

Частный детектив собирает сведения на основании гражданского правового договора оказания детективных услуг, адвокат — на основании соглашения с доверителем.

Приведенные в пункте 1.1 настоящей статьи доводы и аргументы дают достаточные основания для отнесения частной детективной деятельности к одному из видов профессиональной сыскной деятельности. Такой подход позволяет рассматривать частную детективную деятельность как часть (элемент) более общей системы (профессиональной сыскной деятельности), использовать при исследовании возникающих при её осуществлении проблем закономерности, принципы и другие положения сыскологии и её составной части, детективологии.

1.2. Частная детективная деятельность — разновидность юридической и предпринимательской деятельности

В теории и на практике частную детективную деятельность обычно относят только к предпринимательской деятельности. Однако это не совсем так. В зависимости от целей, на достижение которых направлена частная детективная деятельность, содержания оказываемых частными детективами детективных услуг, характера возникающих при этом правоотношений частная детективная деятельность выступает в одних случаях как разновидность юридической деятельности, в других — одним из видов предпринимательской деятельности.

В теории права имеются различные определения понятия «юридическая деятельность». Их авторы, в зависимости от предмета и направленности исследования, акцентируют внимание на тех или иных его существенных признаках. Применительно к данному исследованию, под юридической деятельностью понимается один из видов социальной деятельности, который осуществляется юристами с целью получения правового результата, удовлетворение законных потребностей и интересов социальных субъектов в соответствии с требованиями законодательства.

Значительная часть детективных услуг, оказываемых в ходе осуществления частной детективной деятельности, отвечает требованиям, предъявляемым к юридической деятельности.

О юридическом характере частной детективной деятельности свидетельствуют, прежде всего, цели, на достижение которых она направлена. Согласно части 1 статьи 1 Закон РФ «О частной детективной деятельности в Российской Федерации» частная

детективная деятельность осуществляется в «целях защиты законных прав и интересов своих клиентов». Подобные цели ставятся в основном для видов юридической деятельности (оперативно-розыскной, адвокатской, нотариальной и т. п.).

Далее, гражданин, претендующий на получение статуса частного детектива, должен иметь юридическое образование либо стаж работы в оперативных или следственных подразделениях не менее трёх лет. Кстати, аналогичные требования предъявляются к адвокату, нотариусу, деятельность которых в соответствующих профильных законах отнесена к юридической деятельности.

О юридической направленности частной детективной деятельности свидетельствует и характер ряда детективных услуг, а именно: сбор сведений по гражданским и уголовным делам; установление обстоятельств неправомерного использования в предпринимательской деятельности фирменных знаков и наименований; разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну; поиск лица, являющегося должником в соответствии с исполнительным документом, его имущества; поиск ребёнка.

Юридический характер частной детективной деятельности подтверждается и предоставленным частью 5 статьи 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» правом частного детектива оказывать содействие правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений, сообщать в правоохранительные органы об известных им фактах готовящихся, совершаемых или совершенных преступлений (ст. 7).

Как разновидность юридической деятельности рассматривают частную детективную деятельность и сторонники сыскалогии [8, с. 11; 17; 20, с. 777–778], которые относят её к одному из видов профессиональной сыскной деятельности, отнесённой ими к юридической деятельности.

Частная детективная деятельность имеет целый ряд общих признаков с такими видами юридических видов деятельности, как адвокатская и нотариальная деятельности, которые отнесены к видам профессиональной сыскной деятельности. Несмотря на это, частная детективная деятельность обычно не рассматривается как вид профессиональной сыскной деятельности.

Представляется, что юридическая деятельность может быть как предпринимательской деятельностью, так и не относиться к ней.

Об этом, в частности, свидетельствует многоцелевой характер частной детективной деятельности (защита прав и законных интересов заказчиков и извлечение прибыли).

Как полисемичный вид деятельности частная детективная деятельность является разновидностью не только юридической, но и предпринимательской деятельности, под которой понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли... от оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Такой вывод следует из анализа детективных услуг, законодательства в области частной детективной деятельности, гражданского и налогового законодательства, научных работ по данной тематике.

Согласно пункту 4 статьи 1.1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» «частный детектив — гражданин Российской Федерации, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя». Он оказывает услуги физическим и юридическим лицам на основе возмездного договора (ст. 1 указанного Закона), который заключается в порядке, установленном Гражданским кодексом РФ, с особенностями, предусмотренными статьёй 9 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». В соответствии с Налоговым кодексом РФ частный детектив исполняет налоговые обязательства как индивидуальный предприниматель.

Предпринимательский характер частной детективной деятельности наиболее чётко просматривается при оказании таких видов детективных услуг как установление обстоятельств неправомерного использования в предпринимательской деятельности фирменных знаков и наименований, недобросовестной конкуренции; изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров, выявление некредитоспособных или ненадёжных деловых партнеров.

Следует отметить, что частная детективная деятельность носит многоцелевой характер. Однако в статье 1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» названа только одна цель, на достижение которой она направлена (защита законных прав и интересов своих клиентов). Указанная цель подчеркивает лишь её юридическую направленность, другая цель частной детективной деятельности, характеризующая её как разновидность

предпринимательской деятельности, в указанном Законе не прописана. Поэтому в новом Федеральном законе «О частной детективной деятельности» следует восполнить этот пробел и прописать указанную цель. Кстати, именно таким образом, определены цели негосударственной (частной) сыскной деятельности в Модельном законе «О негосударственной (частной) сыскной деятельности» (извлечение прибыли и обеспечение прав и законных интересов заказчиков)¹.

Многоцелевой характер частной детективной деятельности свидетельствует о том, что в ходе её осуществления гармонично сочетаются частноправовые и публично-правовые интересы. Так, оказывая услуги по защите прав участников гражданского и уголовного судопроизводства, поиску ребёнка, без вести пропавших лиц, имущества, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений экономического характера, содействуя правоохранительным органам путём их информирования о совершенных или готовящихся преступлениях, частный детектив действует в публичных интересах. В данном случае государство, по существу, делегирует частному детективу публичные функции государства, как это было сделано в отношении нотариата (осуществление публичной функции превентивного правосудия). При оказании других услуг детектив защищает частные интересы.

1.3. Частная детективная деятельность — одно из средств обеспечения национальной безопасности

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021 г. № 400 (п. 5 ч. 1) под национальной безопасностью Российской Федерации понимает состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости

и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Частная детективная деятельность способствует обеспечению национальной безопасности, а частные детективы, её осуществляющие, являются негосударственными субъектами обеспечения национальной безопасности. Поэтому не случайно в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности частная детективная деятельность отнесена к деятельности по обеспечению безопасности и проведению расследований (Раздел 80). Модельный закон ОДКБ «О негосударственных субъектах обеспечения национальной безопасности»² относит детективные организации (детективов) к негосударственным субъектам обеспечения национальной безопасности [13, с. 13–106; 14, с. 195–207, 219–224].

Их участие в обеспечении национальной безопасности осуществляется путём оказания детективных услуг, направленных на удовлетворение потребностей физических и юридических лиц в экономической, информационной безопасности, сохранении коммерческой и иной охраняемой законом тайны, пресечении недобросовестной конкуренции. При осуществлении частной детективной деятельности частные детективы обеспечивают физическим и юридическим лицам реализацию таких конституционных прав как право на занятие предпринимательством (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), на защиту имущественных прав (ст. 9, 20, 25 Конституции РФ), доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ). Осуществляя сбор сведений для участников гражданского и уголовного судопроизводства, частный детектив обеспечивает реализацию ими прав, предоставленных уголовно-процессуальным и граждански законодательством (право на представление доказательств, заявление ходатайств и др.).

Далее, оказывая в процессе осуществления частной детективной деятельности содействие правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений и административных правонарушений, частные детективы тем самым принимают участие в борьбе с преступностью.

¹ Модельный закон «О негосударственной (частной) сыскной деятельности», подготовлен специалистами ННФ «Институт проблем безопасности и устойчивого развития», принят МПА СНГ 27 марта 2017 года // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств : [сайт]. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/689.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

² Модельный закон ОДКБ «О негосударственных субъектах обеспечения национальной безопасности» (ч. 2 ст. 1), подготовленный специалистами ННФ «Институт проблем безопасности и устойчивого развития». Принят ПА ОДКБ в ноябре 2019 года // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-o-negosudarstvennyh-sub-ektah-obespecheniya> (дата обращения: 01.03.2022).

1.4. Частная детективная деятельность — лицензируемый вид деятельности.

Частная детективная деятельность отнесена Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» к лицензируемым видам деятельности (п. 33 ст. 12). Её лицензирование осуществляется в порядке, установленном указанным Федеральным законом, с особенностями, предусмотренными Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (ст. 6) и Положением о лицензировании частной детективной деятельности, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 23 июня 2011 г. № 498.

Лицензирование частной детективной деятельности является ограничением предпринимательской правоспособности индивидуального предпринимателя, каковым является частный детектив. Как известно, любые ограничения оправданы только в случаях, когда степень таких ограничений соответствует их общественным и правовым целям. В связи с этим возникает вопрос, насколько обосновано отнесение частной детективной деятельности к лицензируемому виду деятельности и соответствуют ли ограничения, установленные для неё лицензированием, общественным и правовым целям?

Согласно Федеральному закону «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензированию подлежат такие виды деятельности, при осуществлении которых существует риск причинения ущерба, вреда правам и законным интересам, защищаемым путём лицензирования и указанным в Федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности». Относится ли частная детективная деятельность к такому виду деятельности? Для этого необходимо проанализировать цели лицензирования, характер и содержание указанного вида деятельности и на основании такого анализа сделать вывод о том, действительно ли в процессе осуществления частной детективной деятельности имеется реальный риск причинения ущерба защищаемым Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» ценностям.

В соответствии с частью 1 статьи 2 указанного федерального закона лицензирование отдельных видов деятельности осуществляется в целях:

— предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан;

— окружающей среде;

— объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации;

— обороне и безопасности государства.

Рассмотрим, достигаются ли указанные цели при лицензировании частной детективной деятельности.

Что касается первой цели лицензирования, то она вряд ли может служить основанием для отнесения частной детективной деятельности к лицензируемому виду деятельности, так как в соответствии со ст. 1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» она осуществляется в целях защиты, а не нарушения, прав и законных интересов граждан. В процессе её осуществления частные детективы не имеют права использовать оружие и специальные средства. Совершаемые при оказании частным детективом услуг действия и используемые при этом средства, чётко прописаны в указанном Законе. Частная детективная деятельность довольно подробно регулируется законодательством, в котором детально прописаны требования к кандидатам на приобретение статуса частного детектива, его права и обязанности, перечень детективных услуг, запреты и ограничения. Поэтому риск причинения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан при осуществлении частной детективной деятельности практически отсутствует. Следует иметь в виду и то, что если буквально толковать данное требование, то оно может послужить основанием для лицензирования практически любого вида деятельности, так как риск причинения ущерба правам и интересам граждан имеется при осуществлении практически любого вида деятельности.

Применительно к другим целям лицензирования, частная детективная деятельность не имеет к ним никакого отношения, и поэтому они не могут служить основанием для отнесения этого вида деятельности к лицензируемым видам.

Согласно части 1 статьи 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» осуществление лицензирования отдельных видов деятельности в иных целях не допускается. Однако на практике это принципиальное положение не всегда соблюдается. Как отмечается в Докладе Минэкономразвития «О лицензировании отдельных видов деятельности», в настоящее время лицензируются такие виды деятельности, при осуществлении которых риск причинения указанного в данной статье ущерба, как

правило, отсутствует¹. Представляется, что к числу таких видов деятельности относится и частная детективная деятельность.

Для обоснования нецелесообразности лицензирования частной детективной деятельности уместно вспомнить часть 3 статьи 2 Федерального закона № 99-ФЗ от 22 апреля 2011 года «О лицензировании отдельных видов деятельности», согласно которой к лицензируемым видам могут быть отнесены только те виды деятельности, регулирование которых не может осуществляться иными методами, кроме лицензирования.

Применительно к частной детективной деятельности такие эффективные методы для её регулирования имеются. Законодательство в области частной детективной деятельности предусматривает осуществление федерального государственного контроля (надзора) за частной детективной деятельностью, который позволяет обеспечить необходимый уровень безопасности и защиты охраняемых ценностей при оказании детективных услуг, а также соответствующее её регулирование. Так, Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», содержит специальные разделы (7, 8), посвященные осуществлению контроля и надзора за частной детективной деятельностью и ответственности детективов за осуществление незаконной частной детективной деятельности. Уголовное и административное законодательство предусматривает ответственность частного детектива за совершенные им правонарушения (например, ст. 20.16 КоАП РФ, ст. 203 УК РФ). Законодательством предусмотрена возможность саморегулирования в данной области. Изложенное наглядно свидетельствует о том, что эффективный контроль за частной детективной деятельностью может осуществляться и без применения института лицензирования.

Исключение частной детективной деятельности из числа лицензируемых видов

деятельности будет способствовать реализации государственной политики в области лицензирования, направленной на сокращение лицензирования отдельных видов деятельности. Так, если в предыдущем Федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности» было более 200 лицензируемых видов, то в действующем федеральном законе их осталось более 50. Кстати, по такому пути идёт и международное законодательство.

Исключение частной детективной деятельности из числа лицензируемых видов деятельности будет способствовать снижению административного воздействия на предпринимательскую деятельность в данной сфере, выходу из «тени» значительного числа лиц, фактически занимающихся детективной деятельностью (работники служб безопасности организаций, страховых компаний и т. п.). Кроме того, такая мера позволит сохранить, по существу, вымирающий вид социально полезной человеческой деятельности. Так, по данным Минэкономразвития в 2014 году лицензию на осуществление частной детективной деятельности имело 1145 граждан, в 2018 году осталось 940².

Как практически решить данный вопрос? Это можно сделать в рамках механизма «регуляторной гильотины», реализация которого предусмотрена подпунктом «Б» пункта 3 перечня поручений по реализации Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ от 20 февраля 2019 года.

Таким образом, системный подход к определению правовой природы частной детективной деятельности позволяет рассматривать её как отдельный вид единой профессиональной сыскной деятельности, разновидность юридической и предпринимательской деятельности, одно из средств обеспечения национальной безопасности, лицензируемый вид деятельности.

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности : доклад Минэкономразвития России, 2019. С. 5 // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0dfe14f1546aa7f85d29ea90ad6409ac/doklad_2018.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

² О лицензировании отдельных видов деятельности : доклад Минэкономразвития России. 2019. Таблица 4, п. 37. // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0dfe14f1546aa7f85d29ea90ad6409ac/doklad_2018.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

(Продолжение следует)

Список источников

1. Агутин А. В. К вопросу о роли и месте частного сыска в уголовно-процессуальном доказывании // Оперативник (сыщик). 2005. № 3 (4). С. 29–33.

2. Агутин А. В. Правовые и тактические аспекты частной детективной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. 309 с.
3. Аскеров Б. М. О некоторых аспектах зарождения новой науки о профессиональном сыске // Оперативник (сыщик). 2012. № 4 (33). С. 6–9.
4. Басецкий И. И. О формировании системы сыска в Республике Беларусь : науч. доклад / И. И. Басецкий, В. Ч. Родевич. Минск : Академия МВД, 2015.
5. Гордин А. В. К вопросу о закономерностях развития оперативно-розыскной науки в современной оперативно-розыскной реальности // Оперативник (сыщик). 2015. № 2 (43). С. 12–14.
6. Зникин В. К. Возможности сыскологии в разработке проекта федерального закона «О профессиональной сысской деятельности» // Оперативник (сыщик). 2012. № 4 (33). С. 14–16.
7. Крошко В. П. Сыскология — назревшая необходимость (о некоторых аспектах методологии профессора А. Ю. Шумилова // Оперативник (сыщик). 2008. № 4 (17). С. 8–20.
8. Мазаев В. Сыскология, или Наука о профессиональной сысской деятельности: первое знакомство // Оперативник (сыщик). 2007. № 4 (13). С. 10–17.
9. Семенов В. Г. Правовые основания, порядок получения и использования результатов частной детективной деятельности при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 28 с.
10. Семенов В. Г. Частная детективная деятельность при расследовании преступлений. Москва : Юрлитинформ, 2006. 189 с.
11. Шарихин А. Е. Сыскология как наука или новая парадигма: выбор пути // Оперативник (сыщик). 2009. № 3. С. 9–13.
12. Шестаков В. И. Актуальные вопросы правового регулирования частной сысской деятельности // Оперативник (сыщик). 2006. № 3. С. 22–24.
13. Шестаков В. И. Негосударственная сфера безопасности, охранная деятельность, частный сыск (становление, современное состояние, перспективы). В 5 томах. Том 1. Москва : Радио-Софт, 2017. 460 с.
14. Шестаков В. И. Негосударственная сфера безопасности, охранная деятельность, частный сыск (становление, современное состояние, перспективы). В 5 томах. Том 2. Москва : Радио-Софт, 2017.
15. Шумилов А. Ю. 250 знаковых публикаций о сыске за последние 150 лет // Оперативник (сыщик). 2005. № 3 (4) С. 37–44.
16. Шумилов А. Ю. Некоторые проблемы становления оперативно-розыскной науки, кримино-сыскологии и детективологии // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 125–128.
17. Шумилов А. Ю. Совершенствование профессионального негосударственного сыска (детективной деятельности): вопросы теории // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 6. С. 127–129.
18. Шумилов А. Ю. Сыскология, или наука о профессиональной сысской деятельности: первое знакомство // Оперативник (сыщик). 2007. № 4 (13). С. 10–17.
19. Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска : монография. Москва : ИД Шумиловой И. И., 2007. 159 с.
20. Шумилов А. Ю. Частное детективное и охранное право как наука // Российская криминологическая энциклопедия : преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / под общ. ред. Долговой А. И. Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2000. С. 777–778.
21. Спасенников Б. А. О новом научном направлении в юриспруденции — сыскологии (обзор отечественных и зарубежных источников) // NovalInfo, 2015. № 36. URL: <https://novainfo.ru/article/3829> (дата обращения: 01.03.2022).

Дата поступления статьи / Received: 02.03.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 12.05.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗА И ПРОТИВ (НЕПРИЗНАННАЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, НО ИСПОЛЬЗУЕМАЯ КАК УСЛУГА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ)

Светлана Степановна Арсентьева¹, Анатолий Николаевич Савченко²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
arss-1212@mail.ru, SPIN-код 9704-8082

²Челябинск, Россия
a763tx@mail.ru

Аннотация. В статье представлена точка зрения, что специальные познания в области уголовного судопроизводства не включают в себя юридические знания.

Анализируются мнения некоторых представителей иного понимания судебно-правовой экспертизы, считающих, что давно необходимо «снять оковы с института судебно-правовой экспертизы» и придать ему силу доказательств в уголовном судопроизводстве.

Представлена точка зрения представителей от науки, претендующая как новация, о необходимости «задуматься» к возврату к идее «об эксперте как о научном суде», безотносительно к виду экспертизы, с перспективами наделения эксперта «полномочиями по установлению отдельных фактических обстоятельств». Как и еще незамеченная новация о необходимости введения в процессуальное законодательство рецензии на заключение эксперта с приданием данному документу «отдельного правового статуса».

Авторы считают, что потребности следственной и судебной практики не в субъективных правовых мнениях отдельных функционеров науки права, оформленных в «заключения специалистов», «рецензии на заключение эксперта», процессуальная ценность которых в кладовой недопустимых доказательств, наряду с заключениями экспертов и специалистов полиграфологов. Потребность следственной и судебной практики в получении высококвалифицированных специалистов, знающих законы, их нравственную сущность, владеющих навыками их применения в строгом соответствии с законом.

Ключевые слова: судебно-правовая экспертиза, уголовное судопроизводство, доказательство, заключение специалиста, рецензия на заключение эксперта, исследование материалов уголовного дела

Для цитирования: Арсентьева С. С., Савченко А. Н. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: за и против (непризнанная как доказательство, но используемая как услуга в уголовном судопроизводстве) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 80–84.

Research article

LEGAL EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROS AND CONS (UNRECOGNIZED AS EVIDENCE, BUT USED AS A SERVICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS)

Svetlana S. Arsentieva¹, Anatoly N. Savchenko²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
arss-1212@mail.ru, SPIN-code 9704-8082

²Chelyabinsk, Russia
a763tx@mail.ru

Abstract. The article presents the point of view that special knowledge in the field of criminal proceedings does not include legal knowledge. The opinions of some representatives of a different understanding of forensic legal expertise are analyzed, who believe that it has long been necessary to “remove the shackles from the institute of forensic legal expertise” and give it the force of evidence in criminal proceedings.

The point of view of representatives from science, claiming to be an innovation, is presented about the need to “think” about returning to the idea of “an expert as a scientific court”, regardless of the type of expertise, with the prospects of giving the expert “the authority to establish certain factual circumstances”. As well as the still unnoticed innovation about the need to introduce a review of the expert’s opinion into the procedural legislation, giving this document a “separate legal status”.

The authors believe that the needs of investigative and judicial practice are not in the subjective legal opinions of individual functionaries of the science of law, drawn up in “expert opinions”, “reviews of expert opinions”, the procedural value of which is in the storehouse of inadmissible evidence, along with the conclusions of experts and polygraph examiners. The need for investigative and judicial practice in obtaining highly qualified specialists who know the laws, their moral essence, and possess the skills to apply them in strict accordance with the law.

Keywords: forensic legal examination, criminal proceedings, evidence, expert opinion, review of expert opinion, investigation of criminal case materials

For citation: Arsentieva SS, Savchenko AN. Legal Expertise in Criminal Proceedings: Pros and Cons (Unrecognized as Evidence, but Used as a Service in Criminal Proceedings). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):80-84. (In Russ.)

Введение

Недознание права и отсутствие навыков его практического применения в силу различных причин адвокатом, дознавателем, следователем, прокурором и судьей, имеющим статус участника уголовного судопроизводства с соответствующими полномочиями, которые они обязаны соблюдать для охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина (коронованных Конституцией Российской Федерации на олимп в иерархии ценностей) по закону, и скрепление ими взятых на себя обязательств в силу нравственных ритуалов при вступлении в должность принесением присяги, некоторыми отечественными функционерами от юридической науки, предлагается восполнить суперсубъектом права, не знающим границ в своих познаниях в праве, имя которому «специалист права».

Так, по мнению Д. В. Зотова, «неясным остается только упорное нежелание законодателя официально снять оковы с института судебно-правовой экспертизы, реально способного приблизить практику отечественного уголовного судопроизводства к эталонам цивилизованного правосудия» [1, с. 32].

Мы без интриг, с первых строк признаемся в солидарности с «упором» нашего российского законодателя и недоумеваем по поводу существования «эталонов цивилизованного правосудия», в которых «сняты оковы» судебно-правовой экспертизы.

Описание исследования

Начнем с того, что мы исходим из того, что незнание права (и не только права, а нравственных составляющих содержания закона, к примеру) процессуальными участниками

уголовного судопроизводства, наделенными законом властными полномочиями, печально, но, к сожалению, естественно, что подтверждает поговорка — «век живи — век учись».

Но «температура» такого недознания права не должна зашкаливать до отупения участников уголовного судопроизводства, наделенных законом властными полномочиями для принятия самостоятельных решений, до отупения, требующих подсказки со стороны некоего поводыря, а в данном случае другого юриста, претендующего на всезнание права.

Это всезнание в процессуальном законодательстве, должен занять не судья, единственный субъект ответственный за законность решения, а и «эксперт-научный судья». «Иными словами, эксперт — это не просто субъект, оказывающий содействие следователю в накоплении (познании) и фиксации (удостоверении) полезных сведений; в определенной степени он сам является своеобразным установителем (доказывателем) отдельных обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела и учитываемых при постановлении приговора... то есть, как бы выступает в той самой роли научного судьи...» [2, с. 132–141].

А для осознания, что представит тот самый «научный судья», необходима еще рецензия на заключение эксперта, которую еще необходимо ввести в процессуальное законодательство, так как «безусловно, оценить заключение эксперта несведущему в конкретных областях знаний участнику дела достаточно сложно, поскольку установить экспертные ошибки и отступления от применяемой методики под силу только специалисту в соответствующей области» [3, с. 119].

Мы уже пережили упразднение из уголовного судопроизводства народных заседателей и вместе с ними лишились так необходимого для отправления правосудия домашнего уюта и тепла, создаваемые ими лишь своим присутствием в уголовном процессе, как носителями народного духа.

В. М. Быков, исследуя проблемы обеспечения прав личности при осуществлении судебной деятельности, отметил, что многие согласились с упразднением из уголовного судопроизводства народных заседателей. «Так, — указывает В. М. Быков¹, — В. Бозров пишет: „Вряд ли кто оспорит, что судебное следствие — сложный познавательный процесс, рассчитанный на вооруженность судей

знаниями в области доказательственного права, данных криминалистики. Народному заседателю, вдруг оказавшемуся в судебном кресле, он не по силам. Но это бы еще ничего: хуже, что участие народных заседателей с правами судей порой прямо препятствует установлению подлинных обстоятельств дела, снижает уровень культуры процесса“. Если верить уважаемому автору, то на пути к вынесению судами законных, обоснованных и справедливых приговоров стояли именно народные заседатели» [4, с. 151–152].

В отличие от народных заседателей, привлечение которых не сопровождалось проверкой их правовых знаний в силу иного их предназначения, дознаватели, следователи, прокуроры и судьи обязаны знать право и применять его, преодолевать все встречающиеся трудности без «правовых советчиков», преподносящие свои услуги в виде «мнения».

Интеллект части научных функционеров в области уголовного судопроизводства направлен на поиск сферы услуг в том месте, где услуги не требуются и реклама не рекламируется и именно поэтому, по нашему мнению, не снимаются законодателем «оковы с института судебно-правовой экспертизы».

На обложке монографии профессора А. А. Эксархопуло «Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела» представлено мнение начальника Следственного управления Следственного комитета МВД России по Северо-Западному федеральному округу Н. В. Голубева, у которого «особенный интерес» вызвала «позиция автора о возможности назначения и проведения в уголовном судопроизводстве юридических экспертиз. При этом автор не только дает теоретическое обоснование использованию юридических, в том числе криминалистических знаний, как специалист в уголовном процессе, но и предлагает читателю оценить подготовленные им заключения по конкретным уголовным делам, в которых он выступал в качестве специалиста»².

Объем статьи не позволяет оценить все то, что предлагается читателям для оценки, и мы ограничимся выводами **«ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА о качестве предварительного расследования и обоснованности осуждения гр-на Филимонова А. Н. по ст. 145. ч. 2 УК РСФСР».** ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Дело

¹ Быков В. М. процитировал В. Бозрова со ссылкой на источник: Бозров В. «Удар милосердия» по институту народных заседателей // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 46.

² Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела : монография. Санкт-Петербург : Издательский дом СПб. гос. ун-та ; Издательство юридического факультета СПб. гос. ун-та, 2005. 280 с.

о грабеже» — шрифт приведен в авторском варианте А. А. Эксархопуло [3, с. 155–163].

Данное заключение составлено доктором юридических наук профессором А. А. Эксархопуло, которым, как указано в исследовании, «были проанализированы материалы уголовного дела №... по обвинению гр-на Филимонова Алексея Николаевича по ст. 145 ч. 2 УК РСФСР, рассмотренного районным народным судом г. Санкт-Петербурга».

«На основании изложенного, подводит итог А. А. Эксархопуло, можно сформулировать следующие выводы:

1. Расследование и судебное разбирательство уголовного дела по обвинению Филимонова А. Н. отличаются односторонностью.
2. В ходе расследования не собраны достаточные доказательства вины Филимонова А. Н..
3. В процессе расследования и судебного разбирательства не устранены противоречия в собранных по делу доказательствах.
4. Для принятия законного и обоснованного решения требуется производство дополнительного расследования» [5, с. 162].

Д. В. Зотов, признавая неправомочность экспертных заключений «о качестве предварительного расследования», «об обоснованности осуждения», «и соответствии требованиям УПК», «а также иные подобные исследования, приводимых в качестве примера А. А. Эксархопуло», выражая свою позицию о широкой трактовке диспозитивности — «что не запрещено — разрешено» и недопустимости такого подхода в уголовном судопроизводстве. «Вариативность решения в уголовном процессе возможна исключительно в рамках имеющихся прав и обязанностей субъектов. В первую очередь это касается функционеров уголовного судопроизводства, для которых компетенция четко очерчена законом, и выход за ее пределы запрещен», несмотря на эти уточнения Д. В. Зотов, увидел научную и практическую «ценность исследований А. А. Экзархопуло» в «формировании обоснованной позиции отсутствия прямого запрета на использование юридических знаний, как специальных, что открывает легальные перспективы для назначения и производства правовых экспертиз в уголовном судопроизводстве» [1, с. 36, 37].

Мы не разделяем эту точку зрения, при всем уважении к мнению автора и позиции

А. А. Экзархопуло, так как если научную и практическую ценность признавать лишь на основании «отсутствия прямого запрета» в УПК РФ на проведение следственного действия или принятия процессуального решения, то можно до бесконечности открывать «легальные перспективы» к самым фантастическим умозаключениям.

Заключение

Мы понимаем озабоченность А. А. Экзархопуло (как и других сторонников «правовых экспертиз»), низким качеством уголовного судопроизводства, к которому он приходит, исследуя материалы уголовных дел, но не разделяем его позиции о возможности существования «гениального свидетеля», который в своих правовых заключениях специалиста-юриста может представить мнение, которое может быть предметом исследования, не являясь, по сути, доказательством.

Да, дознаватель, следователь, прокурор, судья могут и не знать какие-либо концепции науки и некоторые дискуссионные вопросы уголовного и уголовно-процессуального права, но восполнять их они не могут с помощью функционеров от науки права. Как мы понимаем, правоприменителям и не требуется их знание по вполне понятным причинам.

Потребности следственной и судебной практики не в правовых мнениях отдельных функционеров науки права, оформленных в «заключения специалистов», процессуальная ценность которых, по нашему мнению, в кладовой недопустимых доказательств, наряду с заключениями экспертов и специалистов по результатам тестирования с использованием полиграфа [6, с. 56–59]. Потребность следственной и судебной практики в получении высококвалифицированных специалистов, знающих законы, их нравственную сущность, владеющих навыками их применения в строгом соответствии с законом.

Как представляется, данный научный спор компетентен разрешить Верховный Суд Российской Федерации, изложив свою правовую позицию по данному вопросу.

Тем более это необходимо, что при отсутствии легального закрепления такого рода исследований специалистов в уголовном судопроизводстве, в практике это недоразумение с точки зрения УПК РФ, все же присутствует. [7, с. 44–45].

Список источников

1. Зотов Д. В. Юридические экспертизы в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы и возможные пути регламентации // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 4. С. 23–59.

2. Россинский С. Б. Эксперт — научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 132–141.

3. Линева А. Н. К вопросу о процессуальном статусе рецензии на заключение эксперта // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 118–120.

4. Быков В. М. Порядок судебного разбирательства и обеспечение прав его участников // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : монография / под ред. Н. С. Мановой. Москва : Проспект, 2016. 192 с. С. 151–162.

5. Эскархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. Санкт-Петербург : Издательский дом СПб. гос. ун-та ; Издательство юридического факультета СПб. гос. ун-та, 2005. 280 с.

6. Арсентьева С. С., Савченко А. Н. Заключение эксперта или специалиста по результатам тестирования с использованием полиграфа не является доказательством в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2020. № 3. С. 56–59.

7. Белецкий И. А., Власов Ю. А. Юридическое заключение по запросу следственных органов о наличии признаков преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 219 УК РФ // Законодательство и практика. 2019. № 2 (43). С.44–45.

Вклад авторов. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of authors. All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Конфликт интересов. Конфликт интересов в материалах данной научной статьи отсутствует.

Conflict of interest. There is no conflict of interest in the materials of this scientific article.

Дата поступления статьи / Received: 13.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 08.04.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

ОСНОВАНИЯ, ЦЕЛЬ И ФОРМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ИЗОЛЯТОРАХ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ

Александр Николаевич Мещеряков

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ограничением прав и свобод человека и гражданина, возникающим в связи с нахождением в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина рассматривается как неотъемлемый вид деятельности сотрудников изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел.

Предложено выделять правовое и фактическое основания ограничения прав и свобод, а в качестве цели рассматривать защиту прав и законных интересов других лиц.

Установлено, что ограничение прав и свобод человека и гражданина в зависимости от их содержания может осуществляться в формах приостановления, запрета или обязанности, которые обеспечиваются режимом и правилами внутреннего распорядка.

Проведено разграничение между ограничением прав и свобод личности в связи с отбыванием наказания в виде лишения свободы и нахождением в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел.

Определено, что реализация конституционного принципа справедливости предполагает наличие четких, ясных, адекватных и соразмерных преследуемой цели критериев ограничения прав и свобод личности.

Ключевые слова: человек, гражданин, права и свободы, ограничение, органы внутренних дел, полиция, изолятор временного содержания, подозреваемый, обвиняемый

Для цитирования: Мещеряков А. Н. Основания, цель и формы ограничения прав и свобод человека и гражданина в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 85–92.

GROUND, PURPOSE AND FORMS OF RESTRICTIONS ON HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN TEMPORARY DETENTION FACILITIES FOR SUSPECTS AND ACCUSED

Aleksandr N. Meshcheryakov

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia
12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>*

Abstract. The article deals with the issues related to the restriction of human and civil rights and freedoms arising in connection with being held in a temporary detention facility for suspects and accused of internal affairs bodies.

The restriction of human and citizen's rights and freedoms is viewed as an integral part of activity of officers of temporary detention isolators for suspected and accused persons of internal affairs bodies.

It is proposed to distinguish legal and factual grounds for restricting the rights and freedoms, and as a goal to consider the protection of the rights and legitimate interests of others.

It is established that limitation of the rights and freedoms of a man and citizen depending on their content may be carried out in the form of suspension, prohibition or obligation, which are provided by the regime and the rules of internal order.

A distinction was made between the restriction of the rights and freedoms of an individual in connection with serving a sentence of imprisonment and detention in a temporary detention facility for suspects and accused persons of internal affairs bodies.

It was defined that realization of the constitutional principle of justice assumes the presence of clear, clear, adequate and proportional to the pursued aim criteria of restriction of rights and freedom of the person.

Keywords: person, citizen, rights and freedoms, restriction, internal affairs bodies, police, temporary detention facility, suspect, accused

For citation: Meshcheryakov AN. Grounds, purpose and forms of restrictions on human and civil rights and freedoms in temporary detention facilities for suspects and accused. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):85-92. (In Russ.)

Введение

Вопросы обеспечения прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел в юридической науке являются одними из наиболее актуальных и по этой причине привлекательных для исследования. На запрос «обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел» научная электронная библиотека eLIBRARY.RU предлагает 237 материалов.

На первый взгляд данная цифра кажется внушительной, но и деятельность органов внутренних дел весьма многогранна. Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации¹ закреплено 107 пол-

номочий МВД России, в ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»² (далее — Закон о полиции) установлено 9 основных направлений деятельности полиции, Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции» предусмотрено 17 видов полномочий полиции по подразделениям, организациям и службам. Все эти направления, пусть и в разной мере, связаны с правами и свободами человека и гражданина, поскольку в них заключается сущность всей деятельности органов внутренних дел.

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства

внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52. Ч. V. Ст. 7614.

² Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Если поделить 237 научных работ, посвященных обеспечению прав человека в деятельности органов внутренних дел, на все направления этой деятельности, то получится менее 3 публикаций на каждое. Такое количество работ с учетом особой значимости прав и свобод личности как объекта исследования представляется ничтожно малым.

Согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют деятельность исполнительной власти. Главной задачей органов внутренних дел, включая подразделения полиции, является выполнение этой единственной конституционной обязанности государства. Любое неверное толкование конституционных положений, правоприменительные ошибки в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел могут привести к нарушениям прав и свобод человека, поэтому данные вопросы представляют значительный интерес как для практиков, так и для ученых.

Еще более актуальной для научного анализа является сфера ограничения прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел. На соответствующий запрос научная электронная библиотека предлагает 23 публикации. Такое сравнительно небольшое количество работ в данной области исследований совсем не означает, что в ней отсутствуют проблемы, требующие научного осмысления. Наоборот, это указывает на малоизученность этих крайне важных как для юридической науки, так и для оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел вопросов.

Описание исследования

При выполнении возложенных задач органы внутренних дел имеют право и обязаны осуществлять правомерное ограничение прав и свобод человека и гражданина. Без этого невозможно осуществление многих полномочий, возложенных на полицию. Такое ограничение является правомерным, поскольку основывается на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены при одновременном соблюдении двух обязательных условий: наличие правового основания (соответствующего федерального закона) и цели — конечного результата, который выражается в защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечении обороны страны и безопасности государства.

В современной науке конституционного права существует несколько классификаций

ограничений прав и свобод по видам. Среди них встречается деление на общие ограничения правового статуса человека и гражданина, которые налагаются на субъектов правоотношений в обычных (нормальных) условиях функционирования общества и государства, и специальные ограничения. Вторые могут быть связаны с территорией, на которой, например, введены специальные правовые режимы (чрезвычайного положения, контртеррористической операции, повышенной готовности и т. д.), их называют специальные ограничения по территории, либо с особенностями правового статуса лица (сотрудники органов внутренних дел, лица, признанные недееспособными, подозреваемые, обвиняемые, осужденные и т. д.), так называемые специальные ограничения по субъекту [6, с. 115].

Если для применения общих ограничений достаточно правового основания и конституционно закрепленной цели, то специальные ограничения выделяются из общего порядка, поскольку предполагают наличие особых установленных федеральным законом обстоятельств, с которыми связано их возникновение. К этим обстоятельствам относятся введение специального правового режима, обретение особого правового статуса и т. д. Эти обстоятельства можно рассматривать в качестве фактических оснований возникновения специальных ограничений прав и свобод. Выделение указанных фактических оснований позволяет обеспечить дифференцированный подход, при котором каждому субъективному праву становится присущим свой собственный набор оснований [2, с. 36].

Законом о полиции и иными федеральными законами на органы внутренних дел и, в первую очередь, на полицию возложены полномочия, связанные с ограничением прав и свобод человека и гражданина. В основном эти полномочия реализуются в повседневной служебной деятельности (проверка документов, проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории и т. д.), таким образом реализуются общие ограничения правового статуса. Наряду с этим органы внутренних дел в соответствии с законом привлекаются к обеспечению особых правовых режимов, а также осуществляют полномочия в отношении лиц, обладающих специальными правовыми статусами, в этих случаях происходит реализация специальных ограничений правового статуса личности, обусловленных возникновением указанных обстоятельств.

Среди основных направлений деятельности МВД России некоторые полномочия

практически не предполагают ограничения прав и свобод личности. Это, например, прием, регистрация и проверка заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях и о происшествиях, осуществление экспертно-криминалистической деятельности, государственная защита защищаемых в соответствии с законом лиц и др. Многие полномочия прямо допускают возможность применения ограничительных мер. Это, например, обеспечение безопасности дорожного движения, обеспечение безопасности граждан и общественного порядка, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и т. д.

Третий в предложенной классификации вид полномочий прямо предназначен для правомерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Это, в частности, содержание, охрана и конвоирование задержанных, подвергнутых административному аресту и (или) заключенных под стражу лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (далее — ИВС).

Правовым основанием для применения ограничений прав и свобод человека и гражданина в указанном виде деятельности полиции является Конституция РФ, предусматривающая саму возможность их ограничения, Закон о полиции, а также регулирующий эту сферу правоотношений Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹ (далее — Закон о содержании под стражей).

Фактическим основанием, в связи с которым у лица, помещенного в ИВС, возникают специальные ограничения прав и свобод по субъекту, является возникновение особого правового статуса — статуса подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. В соответствии со ст. 46, 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — УПК РФ) такой статус возникает в связи с наличием достаточных оснований полагать причастность лица к совершению преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

Но в таком виде фактическое основание является неполным, поскольку статус подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления может предполагать различный

объем ограничений прав и свобод. Не все меры уголовно-процессуального принуждения связаны с содержанием под стражей.

Согласно ст. 5 Закона о содержании под стражей основанием для содержания человека в ИВС является протокол задержания или судебное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Поэтому более правильным фактическим основанием следует считать задержание в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, или избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, в связи с чем согласно УПК одновременно возникает статус подозреваемого в совершении преступления, а в случаях, указанных в ст. 47 УПК РФ, обвиняемого.

Фактическим основанием также может являться заключение лица под стражу в связи с постановлением прокурора, вынесенным в порядке исполнения ч. 2 ст. 466 УПК РФ. Но по последствиям в виде помещения лица в ИВС его можно рассматривать как вариант избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Не менее важным условием ограничения прав и свобод человека и гражданина является цель, для достижения которой оно осуществляется. Это тот конечный результат, во имя которого ограничительные меры применяются, и он, несомненно, должен преследовать социальную ценность, более важную, чем те права и свободы, которые ограничиваются.

Закон о содержании под стражей в ст. 3 «Цели содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» эту цель не раскрывает, а отсылает к УПК РФ: «содержание под стражей осуществляется в целях, предусмотренных УПК РФ». Но и данная отсылочная норма не позволяет ее обнаружить, поскольку в УПК РФ искомые цели содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в прямой постановке отсутствуют.

Во многих работах специалистов в области уголовно-процессуального права в качестве целей применения мер пресечения предлагается рассматривать положения ст. 97 УПК РФ [9, с. 43; 15, с. 151], в которой закреплены основания для избрания меры пресечения. С этим совершенно справедливо не соглашается А. С. Барабаш, указывая, что «основания мы не можем рассматривать в качестве целей» [3, с. 186]. Определяя цель как главную задачу любой деятельности, А. А. Макогон также приходит к выводу о том, что цели применения мер пресечения должны быть четко определены, поскольку иное

¹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

² Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

препятствует необоснованному или чрезмерному ограничению прав и свобод участников уголовного судопроизводства [9, с. 45].

Но, несмотря на единодушное мнение о том, что применение мер пресечения должно преследовать вполне конкретные цели, формально-юридически в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, из которой данные цели выводятся посредством умозаключений [14, с. 72], установлены основания, а не цели.

Поскольку цель содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений ни в Законе о содержании под стражей, ни в УПК РФ не определена, следует обратиться к вышестоящему правовому акту — Конституции РФ, руководствуясь такими ее юридическими свойствами, как верховенство и прямое действие.

Цель ограничения прав и свобод человека в ИВС, очевидно, должна быть связана с задачами уголовного судопроизводства и применения мер процессуального принуждения. К ним в уголовно-процессуальной науке, как правило, относят недопустимость дальнейшего осуществления противоправной деятельности, исключение возможности воспрепятствования расследованию уголовного дела, в том числе давления на иных участников процесса, невозможность избежать правосудия [8, с. 183; 16, с. 110]. Решение указанных задач позволяет предупредить нарушение прав и законных интересов других лиц. Они призваны не позволить подозреваемому (обвиняемому) преодолеть тот невидимый барьер в виде прав и свобод других лиц, который установлен ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

Таким образом, ограничение прав и свобод человека и гражданина в ИВС осуществляется для достижения указанной в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ цели — защиты прав и законных интересов других лиц.

Итак, правовым основанием ограничения прав человека в связи с нахождением в ИВС являются Конституция РФ, УПК РФ, Закон о полиции, Закон о содержании под стражей, а также иные федеральные законы. Фактическим основанием — задержание в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, или избрание меры пресечения в виде заключения под стражу. Целью такого ограничения является защита прав и законных интересов других лиц.

Переходя к рассмотрению форм ограничения прав и свобод человека и гражданина в ИВС, следует отметить, что они, в первую очередь, связаны с лишением подозреваемых и обвиняемых свободы.

Лишение свободы является едва ли не самой строгой формой ограничения прав

и свобод человека и гражданина, поскольку предполагает изоляцию осужденного от общества. Ограничение прав и свобод в виде изоляции от общества применяется как в отношении подозреваемых и обвиняемых, находящихся в ИВС, так и в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Но если в первом случае это мера процессуального принуждения, то во втором — вид уголовной ответственности.

Несмотря на одинаковую форму (изоляция от общества) ограничения прав и свобод человека и гражданина, возникающие в указанных случаях, имеют ряд отличий, среди которых самым существенным является цель, которую преследует установление режима изоляции.

Согласно ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ основной целью применения наказания является восстановление социальной справедливости. Ту же цель преследует такой неотъемлемый принцип юридической ответственности как ее неотвратимость [5, с. 206].

Понятие справедливости является универсальной, но в своей основе нравственной категорией, в упрощенном виде выражающейся формулой: «каждому по заслугам». Это относится как к распределению благ, так и к определению меры наказания [13, с. 536–537]. И если в Конституции РФ данное понятие встречается только в преамбуле и в ст. 75 применительно к системе пенсионного обеспечения, это не значит, что справедливость не имеет конституционного значения для иных общественных отношений.

Справедливостью пронизана вся Конституция РФ и особенно ее первая и вторая главы. Это конституционная ценность, которая встречается во многих правовых позициях Конституционного Суда РФ, приобретая не только ценностное, но и правоприменительное значение. Понятие справедливости является смыслообразующим, и оно отображает саму его сущность — это не только высшая, но и вечная цель права¹.

Таким образом, ограничение прав и свобод человека и гражданина при отбывании им наказания в виде лишения свободы основной целью преследует восстановление справедливости как универсальной вечной

¹ Информация Конституционного Суда Российской Федерации : Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Санкт-Петербург, 2021. С. 36–62. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 10 июня 2022 г.).

ценности. В качестве второстепенной — исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений.

Нахождение человека в ИВС преследует совершенно иную цель — защиту прав и законных интересов других лиц. Она выражается в пресечении преступной деятельности, исключении возможности нарушения прав иных участников уголовного судопроизводства, обеспечении всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела.

Принцип справедливости в данном случае выражается не в качестве цели, поскольку нет оснований для юридической ответственности, а в качестве принципа, обеспечивающего законность самого помещения лица в ИВС.

Справедливой такая мера пресечения будет являться только в том случае, если преследуемая ее применением цель (защита прав и законных интересов других лиц) соразмерна наступающим в связи с нахождением в ИВС ограничениям прав и свобод человека и гражданина.

Также принцип справедливости при нахождении лица в ИВС приобретает форму правила, которое выражается в экономии вмешательства — запрете чрезмерных ограничений, подменяющих само назначение права или свободы. Такое толкование указанного принципа соответствует правовым позициям Конституционного Суда РФ о том, что ограничения прав и свобод человека и гражданина должны быть адекватны социально необходимому результату, не посягать на само существо того или иного права, не ставить реализацию прав и свобод в зависимость от решения правоприменителя, а также исключать возможность несоразмерного ограничения¹.

Правомерное ограничение прав и свобод может реализовываться в различных формах. К ним по способу правового регулирования В. А. Толстик относит активные юридические обязанности (позитивные обязывания) и пассивные юридические обязанности (запреты) [12, с. 168]. И. В. Гончаров дополняет этот перечень приостановлением реализации определенного объема прав и свобод [6, с. 115]. Разъясняя указанные формы ограничения прав и свобод, О. В. Пискунова определяет запрет как правовую невозможность совершения запрещенных законом деяний, обязанность же

как необходимость, за которой (в случае ее нарушения) стоят меры наказания, а приостановление в качестве временного ограничения возможности пользования правами и свободами [11, с. 387–388].

Нормы Закона о содержании под стражей допускают применение в отношении лиц, находящихся в ИВС, всех трех названных форм ограничения прав и свобод. Их реализация обеспечивается за счет режима, который согласно ст. 15 Закона о содержании под стражей призван обеспечить соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных УПК РФ.

В связи с установленным в ИВС режимом возникает временное ограничение права на свободу, личную неприкосновенность, тайну переписки. Под запрет попадают право на собрания, на свободу предпринимательской и экономической деятельности, право на труд. Возникает много новых обязанностей (ст. 36 Закона о содержании под стражей), за неисполнение которых предусмотрены меры юридической ответственности, включая водворение в карцер или в одиночную камеру на гауптвахте, — мест с более строгим режимом, в которых человек претерпевает дополнительные лишения.

В целях обеспечения режима в ИВС в соответствии со ст. 16 Закона о содержании под стражей приказом МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950² утверждены Правила внутреннего распорядка изоляторов временно содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел. В них детально регламентируется жизнедеятельность лиц, находящихся в ИВС.

Пусть данными правилами никакие дополнительные ограничения не вводятся (это невозможно по форме нормативного правового акта), детальное регулирование процедур нахождения в ИВС, предусмотренных федеральным законом, практически не оставляет свободы.

Сами по себе правила внутреннего распорядка нельзя рассматривать как ограничение прав и свобод. Подобные правила являются элементом жизни социума. Они, например, предусмотрены трудовым законодательством. Но разница заключается в том, что работник соглашается с налагаемыми этими правилами ограничениями добровольно, поскольку они компенсируются заработной платой, льготами и гарантиями. Для лиц, находящихся в ИВС,

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана : Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.

² Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51.

их исполнение не является добровольным. Это требование режима — принудительное ограничение прав и свобод.

Режим содержания под стражей многие авторы определяют как установленный законом порядок, включающий в себя систему мер, обеспечивающих непрерывный контроль за поведением подозреваемых, обвиняемых и осужденных в целях соблюдения ими установленных нормативными правовыми актами правил [1, с. 287; 7, с. 51–53].

Таким образом, через режим и правила внутреннего распорядка реализуются все формы ограничения прав и свобод человека и гражданина в ИВС. При этом, режим — это особое положение, в связи с которым ограничиваются права и свободы лиц, а правила внутреннего распорядка — это механизм обеспечения режима.

Поскольку конституционный принцип справедливости предполагает соразмерность и запрет чрезмерных ограничений прав и свобод человека и гражданина, требования режима и правил внутреннего распорядка оправданы лишь в той степени, в какой они вызваны необходимостью, а ограничение прав и свобод возможно до тех пределов, пока оно не вступает в противоречие с истинным значением самого права [4, с. 23–24].

Следует не забывать и о том, что в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ никаким федеральным законом не могут быть ограничены права на жизнь, на достоинство личности, включая право не подвергаться пыткам, насилию и другому жестокому обращению, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; права, связанные с уголовным преследованием, предусмотренные статьями 46–54 Конституции РФ, а также свобода совести и вероисповедания. Указанные права и свободы носят абсолютный характер и не могут быть ограничены ни при каких условиях.

В деятельности сотрудников ИВС важно осознание указанных положений, поскольку, как правило, взаимоотношения человека и представителя власти, даже наделенного малым объемом полномочий, выстраиваются с позиции силы последнего. И это, несомненно, должно учитываться в условиях использования государством ограничений прав человека даже для достижения конституционно значимых целей [6, с. 116].

Проблемы, связанные с чрезмерным ограничением прав и свобод лиц, находящихся в ИВС, как следует из судебной практики, ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, до сих

пор весьма актуальны. Нередко встречаются нарушения конституционных прав и свобод личности, даже не связанные с целями их ограничения. Так, например, Л. С. Оводкова указывает на излишние ограничения конституционного права на здоровье в связи с отсутствием должного медицинского санитарного обеспечения, совместным содержанием курящих и некурящих, несоблюдением санитарных норм площади камеры, приходящейся на одного человека, отсутствием естественного освещения и принудительной приточно-вытяжной вентиляции [10, с. 133–134].

Подобные условия содержания ограничивают в форме приостановления не только право на здоровье, но и право на достоинство личности, которое является абсолютным и ограничению не подлежит. Вместе с тем, любое неправомерное или избыточное ограничение прав и свобод человека и гражданина, не соответствующее цели содержания человека в ИВС, является несправедливым, неконституционным и влечет применение к виновным мер юридической ответственности.

Заключение

Подводя итоги сказанному, можно результаты проведенного исследования изложить в следующих основных тезисах:

1. Ограничение прав и свобод человека и гражданина является неотъемлемым видом деятельности органов внутренних дел и, в первую очередь, полиции. Исполняя возложенные полномочия, полиция осуществляет ограничение прав и свобод лиц, содержащихся в ИВС. Данные ограничения прав и свобод являются специальными по субъекту, в связи с чем для них наряду с правовыми основаниями (Конституцией РФ, УПК РФ, Законом о полиции, Законом о содержании под стражей, иными федеральными законами) существуют фактические основания — задержание в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, или избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

2. Поскольку цель ограничения прав и свобод человека и гражданина в ИВС в действующем законодательстве не закреплена, на основе верховенства и прямого действия Конституции РФ ее можно определить как защиту прав и законных интересов других лиц.

Достижение указанной цели обеспечивается исключением возможности дальнейшего осуществления противоправной деятельности, воспрепятствования расследованию уголовного дела, в том числе давления на иных участников процесса, невозможностью избежать правосудия.

3. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в ИВС в зависимости от их содержания может осуществляться в следующих формах: приостановление, запрет, обязанность.

Указанные формы ограничения прав и свобод человека и гражданина в ИВС обеспечиваются посредством режима и правил внутреннего распорядка. При этом, под режимом понимается особое положение, в связи с которым ограничиваются права и свободы человека и гражданина, а правила внутреннего распорядка являются правовым механизмом обеспечения режима.

4. Конституционный принцип справедливости при ограничении прав и свобод человека и гражданина в ИВС является не целью, как в случае отбывания наказания в виде лишения свободы, а принципом, обеспечивающим законность помещения лица в ИВС, и правилом, которое выражается в экономии вмешательства — запрете чрезмерных ограничений, способных вступить в противоречие с истинным назначением самого права или свободы. Ограничение прав и свобод должно быть четкими, ясными, адекватными и соразмерными преследуемой цели, не вступать в противоречие с их смыслом и содержанием и не искажать их существо.

Список источников

1. Антонов И. А., Каширин Р. М. Организация режима в местах содержания под стражей: формирование категориального аппарата и основные направления деятельности // Общество и право. 2016. № 2. С. 284–288.
2. Астафичев П. А. Конституционный механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина // Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А. В. Зиновьева) : материалы региональной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 31–37.
3. Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184–190.
4. Барбин В. В. Органы внутренних дел (полиция) как субъект реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2. С. 22–26.
5. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. Москва : Изд-во РАП, 2008. 304 с.
6. Гончаров И. В. Ограничения прав и свобод человека и гражданина как элемент их обеспечения // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3. С. 111–117.
7. Кривошеев С. В. Правовое регулирование режима содержания под стражей // Общество. 2020. № 1. С. 49–54.
8. Логунов О. В., Кутуев Э. К. Процессуальное принуждение: понятие, цели и виды мер. Задержание подозреваемого и обвиняемого // Правовое поле современной экономики. 2016. № 9. С. 182–195.
9. Макогон А. А. К вопросу о целях меры пресечения в виде заключения под стражу // Криминалистика. 2019. № 3. С. 42–46.
10. Оводкова Л. С. К вопросу о правах человека в условиях изолятора временного содержания // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 132–134.
11. Пискунова О. В. Принуждение и его роль в обеспечении реализации права // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 10-13 (78). С. 384–389.
12. Толстик В. А. Юридическая форма, цели и мера ограничения прав и свобод человека // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4. С. 167–171.
13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Республика, 2001. 719 с.
14. Шаров Д. В. Цели применения мер пресечения: взгляд адвоката (тезисы) // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 72–75.
15. Якимчукова В. В. К вопросу о целях заключения под стражу как меры пресечения // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6. С. 150–152.
16. Якубина Ю. П. Применение мер процессуального принуждения в целях обеспечения задач уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 108–111.

Дата поступления статьи / Received: 19.06.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 21.06.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 21.06.2022.

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Ханбулат Хизриевич Рамалданов

Российский новый университет, Москва, Россия
hanbulatramaldanov93@mail.ru

Аннотация. Ключевым шагом на пути модернизации уголовного судопроизводства с учетом развития цифровых технологий является переход от бумажного формата расследования уголовных дел к электронному. Автором проанализированы научные труды ведущих ученых-процессуалистов относительно внедрения электронного формата уголовного дела. Также в статье обозначены проблемы, с которыми сталкиваются должностные лица, осуществляющие предварительное расследование. В работе указано, что в зарубежных странах: Австрийской Республике, Саудовской Аравии, Федеративной Республике Германия, Южной Корее, Сингапуре, Республике Казахстан, производство по уголовному делу в электронном формате уже предусмотрено. В качестве примера в работе приведен опыт электронного учета документов в Федеральной таможенной службе. Отмечены положительные стороны внедрения электронного уголовного дела. Предлагаемый формат ведения уголовного дела существенно упростит работу должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и прокурорский надзор. Применение данного формата позволит существенно сэкономить расходование бюджетных средств, выделяемых для ведения уголовного делопроизводства.

Ключевые слова: цифровизация, уголовный процесс, электронное уголовное дело, КПС «Уголовные дела», электронный учет документов, процессуальные сроки

Для цитирования: Рамалданов Х. Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 93–98.

Research article

ELECTRONIC CRIMINAL CASE: MYTH OR REALITY?

Khanbulat Kh. Ramaldanov

Russian New University, Moscow, Russia
hanbulatramaldanov93@mail.ru

Abstract. A key step in the modernization of criminal proceedings, taking into account the development of digital technology is the transition from a paper format for criminal investigation to an electronic format. The author analyzes scientific works of leading scientists of procedure in relation to the introduction of electronic format of a criminal case. The article also identifies problems faced by officials involved in the preliminary investigation. The paper states that in foreign countries: the Republic of Austria, Saudi Arabia, the Federal Republic of Germany, South Korea, Singapore, the Republic of Kazakhstan, the electronic form of the criminal case is already provided for. As an example, the work presents the experience of electronic filing in the Federal Customs Service. The positive sides of the electronic criminal case are marked. The proposed format of criminal records will significantly simplify the work of officials conducting preliminary investigation and prosecutor's supervision. The use of this format will allow to save considerably the budgetary funds allocated for criminal case management.

Keywords: digitalization, criminal procedure, electronic criminal case, CPS “Criminal Cases”, electronic record of documents, procedural terms

For citation: Ramaldanov KhKh. Electronic criminal case: myth or reality? *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):93-98. (In Russ.)

Введение

С учетом существующих реалий информационные технологии предлагают для современного общества и государства новые условия развития. Для любого демократически развивающегося государства одним из современных векторов совершенствования выступает цифровизация уголовного судопроизводства. В своем диссертационном исследовании по теме: «Информационное обеспечение следственной деятельности» П. П. Ищенко отметил, что «информатизация общественной жизни вызвала небывалый рост компьютеризованных информационных ресурсов, представляющих потенциальный интерес для нужд борьбы с преступностью» [2, с. 3]. Автором проанализированы научные труды различных ученых-процессуалистов. По результатам анализа установлено, что наибольшее количество цитируемых работ имеет отношение к теме «цифровизация уголовного процесса». Данный факт дополнительно подтверждает актуальность исследуемой темы.

Внедрение цифровых технологий и переход социальных отношений в «цифровую плоскость» — это неизбежность, диктуемая развивающимися технологиями и растущим в геометрической прогрессии объемом информации, обработать и проанализировать которую человеческий мозг не в силах [11, с. 127]. Безусловно, трансформация любых процессов влечет за собой определенные проблемы и трудности, для решения которых необходимо детально изучить основные направления происходящих изменений. Ни один механизм не будет эффективно работать до тех пор, пока он не будет апробирован на практике.

Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин считают, что «надежда на «цифру» как на панацею в уголовном судопроизводстве, перед которой меркнут все остальные уголовно-процессуальные ценности и уголовно-процессуальный опыт, — неосновательна» [3, с. 31].

Описание проводимого исследования

Смеем предположить, что одним из способов модернизации уголовного судопроизводства является дополнение УПК РФ возможностью производить предварительное расследование в электронном формате. Полагаем необходимым для начала отметить,

что же понимается под электронным уголовным делом. Так, А. Ф. Абдулвалиев пишет, что под электронным уголовным делом следует понимать «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации — материалов уголовного дела, полностью заменяющий собой бумажный вариант уголовного дела, позволяющий использовать его совместно с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела» [5, с. 31].

Заслуживает внимания высказывание П. П. Ищенко, который обозначил, что разумным шагом является закрепление в УПК РФ норм, позволяющих в полном объеме осуществлять производство по уголовному делу в электронном формате [9, с. 70].

С. В. Зуев в качестве одного из наиболее важных направлений в контексте развития информационных технологий предлагает «разработку пилотного проекта «Электронного уголовного дела» и апробацию его в отдельных субъектах Российской Федерации» [7, с. 120]. Перевод документов с бумажных носителей в цифровую плоскость безусловно упростит работу должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Ряд ученых (О. В. Качалова, Ю. А. Цветков) считают, что одним из универсальных инструментов совершенствования уголовного процесса может стать переход от бумажного к электронному уголовному делу [10, с. 96].

О. А. Зайцев пишет, что «модернизацией действующего уголовно-процессуального законодательства, является поэтапный переход от письменной формы к электронному уголовному делу, позволяющему осуществлять взаимодействие между участниками процесса по формату «paper-free» (без бумажного документооборота)» [6, с. 20].

Относительно внедрения электронного формата уголовного дела С. В. Зуев справедливо указал, что «оно удобно, компактно, мобильно, легко управляемо» [8, с. 8]. На сегодняшний день в зарубежных странах: Австрийской Республике, Саудовской Аравии, Федеративной Республике Германия, Южной Корее, Сингапуре, электронный формат производства по уголовному делу уже предусмотрен. Стоит отметить, что среди стран СНГ

лидирующую позицию по цифровизации уголовного судопроизводства занимает Республика Казахстан.

В Австрийской Республике электронные уголовные дела, расследование по которым завершено, не удаляются, а направляются на долгосрочное хранение в архив электронных дел [2, с. 131].

Одним из стимулов перехода к электронным уголовным делам для государства является то, что на практике должностные лица сталкиваются со многими проблемами, связанными с временными затратами, расходом бюджетных средств при расследовании уголовных дел, формируемых на бумажных носителях. Так, по одному из уголовных дел по обвинению 39 членов преступного сообщества обвинительное заключение составило 84 тома, с которого было изготовлено более 3400 томов копий. Чтобы вручить их обвиняемым, пришлось использовать для перевозки грузовики КамАЗ и «Газель» [9, с. 70]. Вопрос, целесообразно ли тратить такое количество финансовых и материально-технических средств? Думается, что при создании электронного уголовного дела следует предоставить доступ стороне защиты для ознакомления с материалами уголовного дела с учетом ряда ограничений. К ним следует отнести запреты на редактирование, удаление либо внесение иных изменений в представленные обвиняемому и его защитнику для ознакомления процессуальные документы.

На сегодняшний день одним из важнейших направлений, способных обеспечить качественный рост эффективности работы следователей и дознавателей, выступает своевременное внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Наличие электронного формата уголовного дела решило бы следующие задачи:

— сокращение расходных материалов (бумага, картриджи, расходы, связанные с доставкой материалов уголовного дела в органы прокуратуры, судебные органы);

— экономия трудовых ресурсов за счет облегчения труда субъектов и участников уголовного судопроизводства [9, с. 70];

— направление уголовного дела по подследственности и его принятие к производству в режиме онлайн, то есть без потерь крайне сжатых процессуальных сроков на пересылку почтовым отправлением;

— поиск необходимых документов в значительно более короткие сроки (лицо, осуществляющее предварительное расследование, а также прокурор, осуществляющий надзор, смогут в любое время зайти в программу

и отыскать необходимые процессуальные документы);

— неограниченный по времени мониторинг со стороны надзирающего прокурора за материалами сообщений о преступлениях и уголовных дел;

— сокращение времени ознакомления с материалами уголовного дела участников уголовного судопроизводства со стороны защиты;

— предоставление возможности заполнения статистических карточек, предусмотренных приказом Генеральной прокуратуры России, и их согласования¹ с надзирающим прокурором в электронной форме;

— качественное улучшение взаимодействия с федеральными органами государственной власти посредством системы межведомственного электронного взаимодействия, что подразумевает возможность получения моментального ответа на запрос, направленный в любое министерство, службу или агентство, а также в их территориальные органы;

— повышение защищенности материалов уголовного дела от несанкционированного доступа к ним путем предоставления права просмотра и создания процессуальных документов только авторизованным и уполномоченным должностным лицам. Наша позиция относительно внедрения электронного формата уголовного дела полностью совпадает с позициями вышеупомянутых авторов.

Заключение

Мы понимаем, что одномоментное оснащение абсолютно всех должностных лиц правоохранительных органов техническими средствами, отвечающими современным требованиям, невозможно. В связи с чем в целях рационального расходования бюджетных средств считаем уместным в качестве пилотного проекта внедрить электронный формат расследования уголовных дел в Центральных аппаратах правоохранительных органов, которые осуществляют расследование по уголовным делам особой важности. В целях установления единообразного подхода к работе с комплексом программных средств «Электронный учет документов» считаем целесообразным издать межведомственный приказ, которым будет утверждена инструкция о ведении электронного учета документов

¹ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 // Российская газета. 2006. 25 янв. (№ 13).

по сообщениям о преступлениях и уголовным делам.

Однако эксперимент по постепенному созданию электронных уголовных дел проводится в таможенных органах Российской Федерации с 26 марта 2015 года путем осуществления электронного учета документов по зарегистрированным сообщениям о преступлениях и уголовным делам [4, с. 111], посредством комплекса программных средств поддержки деятельности подразделений дознания «Уголовные дела» автоматизированной информационной системы обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов «Правоохрана» (далее — КПС «Уголовные дела»).

Данная программа установлена у всех должностных лиц таможенных органов, осуществляющих предварительное расследование. Данный факт обусловлен малочисленностью дознавателей (немногим более 300 должностных лиц), следовательно, для их оснащения отвечающим современным требованиям компьютерами не требовалось большое количество расходования бюджетных средств.

В соответствии с приказом ФТС России от 26.03.2015 № 528 «Об утверждении Инструкции о ведении электронного учета документов по сообщениям о преступлениях и уголовным делам» установлен порядок ведения в таможенных органах Российской Федерации электронного учета документов по зарегистрированным в таможенных органах сообщениям о преступлениях (выбор формализованных в электронном виде документов: *сообщение о преступлении, решения об отмене регистрации или о передаче в другой таможенный орган, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и др.*) и уголовным делам (выбор формализованных в электронном виде документов по уголовным делам: *постановление о возбуждении уголовного дела, письменное указание по уголовному делу, уведомление о подозрении в совершении преступления и др.*). Инструментарий КПС «Уголовные дела» постоянно расширяется, что подтверждается изданием приказа ФТС России от 10.09.2020 № 782 «О внесении изменений в приказ ФТС России от 26.03.2015 г. № 528».

КПС «Уголовные дела» предназначен для формирования базы данных по сообщениям о преступлениях, уголовным делам, а также в целях осуществления контрольной функции за ходом рассмотрения сообщений о преступлениях, расследованием и производством неотложных следственных действий по уголовным делам.

Согласно п. 2.1 раздела II Инструкции о ведении электронного учета документов по сообщениям о преступлениях и уголовным делам, утвержденной приказом ФТС России от 10.09.2020 № 782 (далее — Инструкция), должностное лицо таможенного органа, осуществившее регистрацию в Книге учета сообщений о преступлениях (далее — КУСП) поступившего сообщения о преступлении, содержащего признаки преступления, **в срок не более 4 часов** после его регистрации в КПС «Уголовные дела» заполняет форму электронного документа «Сообщение о преступлении», а также прикрепляет оцифрованные копии документов, которые явились поводом для регистрации сообщения о преступлении. Также исходя из п. 2.2 раздела II Инструкции должностное лицо, рассмотревшее сообщение о преступлении **в течение 4 часов** после принятия процессуального решения, отсканированные документы прикрепляет в КПС «Уголовные дела». Как указано в п. 2.3 раздела II Инструкции должностное лицо, правомочное или уполномоченное на производство предварительного расследования или неотложных следственных действий по уголовному делу также **в течение 4 часов** после принятия процессуального решения размещает отсканированные документы¹. Следует отметить, что должностное лицо может вносить изменения в электронные документы только после предоставления доступа начальником подразделения дознания.

Относительно формата файлов и размера разрешаемых фотодокументов, а также сканированных копий процессуальных документов (*рапорт об обнаружении признаков преступления, протокол принятия заявления о преступлении в любой форме, постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о продлении срока рассмотрения сообщения о преступлении и др.*) в п. 1.8 раздела I указано, что многостраничные документы формируются одним файлом форматов PDF либо TIF, а размер файла не должен превышать 10 МБ, в случае превышения документ загружается частями².

ВКПС «Уголовные дела» подгружаются статистические карточки, которые подписываются электронной цифровой подписью (далее — ЭЦП) должностного лица,

¹ О внесении изменений в приказ ФТС России от 26.03.2015 г. № 528 : приказ ФТС России от 10.09.2020 № 782 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/foiv286> (дата обращения: 15.06.2022).

² Там же.

рассматривающего сообщение о преступлении или осуществляющего предварительное расследование, после чего подписываются начальником подразделения дознания, а потом данные документы (*статистическая карточка, процессуальные документы*) появляются в программе у надзирающего прокурора. При отсутствии замечаний надзирающий прокурор своей ЭЦП подписывает данные документы, которые передаются в государственную автоматизированную систему правовой статистики (далее — ГАС ПС).

КПС «Уголовные дела» позволяет отслеживать процессуальные решения в режиме реального времени, принимаемые по определенным уголовным делам и материалам проверок формируя аналитическую базу, а также повышая оперативность решения задач ведомственного контроля и прокурорского надзора. Несомненно, автоматизация предлагаемых процессов должна вестись с учетом необходимости соблюдения тайны следствия и требований по защите информации.

Предлагаем следующий механизм работы и взаимодействия при внедрении электронного уголовного дела. После регистрации сообщения о преступлении в КУСП начальник подразделения дознания / руководитель следственного органа дает указание подчиненному должностному лицу на проверку сообщения о преступлении, предоставляя последнему доступ в КПС «Уголовные дела» для заполнения соответствующих

процессуальных документов, а также надзирающему прокурору для осуществления надзорной функции. Любые действия, производимые должностными лицами, должны сохраняться в электронном журнале, где автоматически будет отражаться, кто, когда, какой процессуальный документ просматривал, и какие изменения внес (так называемые LOG-файлы). Стороне защиты в случаях, предусмотренных УПК РФ, доступ к просмотру документов может быть предоставлен исключительно с целью ознакомления с материалами уголовного дела без права на внесение каких-либо изменений в электронные документы.

Вывод

Таким образом, с учетом всеобъемлющей цифровизации отношений в различных сферах человеческой жизни и по итогу анализа различных научных трудов ведущих ученых предполагаем, что внедрение электронного уголовного дела — «дело времени». Перманентные изменения, происходящие одновременно с развитием цифровых технологий, все более настойчиво убеждают нас в том, что для модернизации действующего уголовно-процессуального законодательства необходимо предоставить возможность производства по уголовным делам в электронном формате. Это и будет одним из шагов к совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 202 с.
2. Бахтеев Д. В., Задорожная В. А., Зазулин А. И. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран. Москва : Юрлитинформ, 2020. 216 с.
3. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.
4. Зайцев Н. И., Рамалданов Х. Х. Основы расследования уголовных дел о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов РФ : учеб. пособ. для вузов. Москва : Юрайт, 2020 115 с.
5. Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // ВВ: Вопросы права и политики. 2013. № 5. С. 150–164.
6. Зайцев О. А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 18–20.
7. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.
8. Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.
9. Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lexrussica (Русский закон). 2019. № 12 (157). С. 68–79.
10. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2 (106). С. 95–101.

11. Рамалданов Х. Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 121–128.

Дата поступления статьи / Received: 20.06.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 22.06.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 22.06.2022.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА С УЧЕТОМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ, ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЕ (№ 259-ФЗ от 31.07.2020 г.)

Андрей Борисович Сергеев

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Sergeev_ab@bk.ru*

Аннотация. На предмет полноты и непротиворечивости исследуется состояние правовой базы регламентации выпуска, учёта и обращения цифровых финансовых активов, цифровой валюты.

В методологическом плане исследование проводится на основе комплексного подхода с использованием системного метода анализа федерального законодательства с учетом особенностей элементного состава, структурных связей, функциональных направлений, целевого содержания правового регулирования общественных отношений в сфере цифрового обращения финансовых активов и цифровой валюты.

Формулируется и делается попытка решить задачи установить и исследовать факторы, наличие которых способствует развитию финансово-экономических процессов в цифровом пространстве; дать заключение о возможности разработки правовых мер, препятствующих криминализации виртуальной сферы финансово-экономической сферы.

На основе полученных результатов формулируется суждение о том, что до настоящего времени законодателю не удастся разработать правовой режим обеспечения развития экономических отношений посредством организации выпуска и обращения цифровой валюты. При этом нормативное определение категориального аппарата элементов будущего механизма обращения цифровой валюты создает определённые условия для решения этой сложной задачи.

Обосновывается ошибочность утверждения о том, что операции с цифровыми финансовыми правами являются «невидимыми» для правоохранительных органов, исключая возможность выявления преступлений в цифровом информационном пространстве. Обосновывается суждение: федеральным законодательством разработан правовой механизм, препятствующий преступным действиям в названной сфере виртуальной деятельности.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, арест имущества, методика

Для цитирования: Сергеев А. Б. Перспективы реализации положений ФЗ-259 от 31.07.2020 г. и возможность противодействия преступности в экономической сфере цифрового пространства // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 99–105.

PERSPECTIVES FOR CONTROLLING LIABILITY IN THE ECONOMIC AREA OF THE DIGITAL SPACE WITH REGARD TO THE IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW ON DIGITAL FINANCIAL ASSETS, DIGITAL VALUE (No 259-FZ of 31.07.2020)

Andrey B. Sergeyev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
Sergeev_ab@bk.ru

Abstract. The state of the legal framework regulating the issuance, accounting and circulation of digital financial assets, digital currency is being investigated.

In methodological terms, the study is carried out on the basis of an integrated approach using a systematic method of analyzing federal legislation, taking into account the features of the elemental composition, structural relationships, functional directions, the target content of legal regulation of public relations in the field of digital circulation of financial assets and digital currency.

An attempt is formulated and made to solve the problems of identifying and researching factors contributing to the development of financial and economic processes in the digital space; to give a conclusion on the possibility of developing legal measures that prevent the criminalization of the virtual sphere of the financial and economic sphere.

Based on the results obtained, a judgment is formulated that to date the legislator has failed to develop a legal regime to ensure the development of economic relations through the organization of the issuance and circulation of digital currency. At the same time, the normative definition of the categorical apparatus of the elements of the future mechanism of circulation of digital currency creates certain conditions for solving this complex task.

The author substantiates the fallacy of the statement that transactions with digital financial rights are “not visible” to law enforcement agencies, which excludes the possibility of detecting crimes in the digital information space. It is proved that the federal legislation has developed a legal mecha.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, digital financial assets, seizure of property, methodology

For citation: Sergeyev AB. Prospects for the Implementation of the Provisions of Federal Law No. 259 of 31.07.2020 and the Possibility of Countering Crime in the Economic Sphere of the Digital Space. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):99-105. (In Russ.)

Введение

IT-технологии активно развиваются во всём мире. Пусть с некоторым отставанием, но они развиваются и в России. Цифровые технологии определили особую сферу (направление) развития экономических отношений, в том числе форм, видов и способов расчётов. Современные достижения в области разработки цифровых IT-технологий позволили существенно облегчить процессы эмиссионной деятельности в отношении финансовых ценных бумаг. В настоящее время эмиссионная деятельность в цифровом пространстве развивается в двух направлениях. Первое — это создание цифрового режима обращения ценных бумаг. Второе направление — развитие цифровой валюты.

По понятным причинам и вполне логично стремление Банка России названные процессы

оборота денежных средств и ценных бумаг в цифровом пространстве поставить под государственный контроль. Это стремление подтверждает принятый в 2020 году федеральный закон о цифровых финансовых активах, цифровой валюте. Анализ содержания этого закона специалистами оценивается по-разному.

В отношении развития цифровой валюты в России преобладает мнение, что этот процесс имеет множество проблем, которые требуют своего разрешения, и которые не могут быть разрешены в ближайшей перспективе.

В отношении же второго направления оценка перспектив развития оптимистична.

Быстро развивающиеся IT-технологии, их большая значимость для развития финансово-экономических отношений в цифровом пространстве делают актуальным решение задач:

— определить и исследовать факторы, наличие которых способствуют развитию финансово-экономических процессов в цифровом пространстве;

— дать заключение о возможности разработки правовых мер, препятствующих криминализации виртуальной финансово-экономической сферы.

Материал и методы

Решение актуальных для общества задач упорядочения финансово-экономических отношений в цифровом пространстве и создание средств борьбы с преступными проявлениями в названной сфере во многом определяется качественными характеристиками гражданско-правового регулирования обращения цифровых финансовых активов и цифровой валюты в телекоммуникационной сети Интернет.

В методологическом плане исследование проводится на основе комплексного подхода с использованием системного метода исследования федерального законодательства: Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ в ред. от 30.12.2021 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ в ред. от 02.07.2021 «О рынке ценных бумаг» (далее ФЗ 39)¹; Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее ФЗ 259 от 31.07.2020)².

При этом для целей исследования важным является обеспечение системности исследования с учетом особенностей элементного состава, структурных связей, функциональных направлений, целевого содержания правового регулирования общественных отношений в сфере цифрового обращения финансовых активов и цифровой валюты.

Результаты исследования и дискуссия

1. Результаты исследования указывают, что в развитие двух существующих задач федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ

¹ О рынке ценных бумаг : Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

«О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» решил только одну. Содержание статьи 14 федерального закона № 259-ФЗ следует считать только первоначальным этапом (подходом, попыткой) создания механизма оборота цифровой валюты в России. Анализ норм закона показывает, что законодатель не смог «пройти» дальше этапа разработки содержания таких категорий как «цифровая валюта», в определении понятий «организация выпуска в РФ цифровой валюты», «выпуск цифровой валюты в РФ», «организация обращения в РФ цифровой валюты». Такое положение исследователи объясняют рядом объективных факторов.

Так, А. А. Ситник к перечню проблем причисляет вопрос о размытости определений одного и того же явления — цифрового обозначения электронных данных о платёжных средствах. Названное явление обозначается и как «криптовалюта», и как «виртуальная валюта», и как «цифровая валюта» [1, с. 105]

А. З. Жуков, И. С. Абазов, А. А. Битов объясняют сложившуюся ситуацию тем, что сложно одним законом (в данном случае № 259-ФЗ) создать полную (без пробелов), непротиворечивую правовую базу организации и выпуска цифровой валюты в Российской Федерации. Нужен целый ряд законов уточняющего и более подробно регламентирующего эти процессы [2, с. 118].

В. П. Зайцев, В. В. Мелешко указывают на то, что существенно снижает активность функционирования цифровой валюты установленный законом запрет юридическим лицам оплачивать цифровой валютой товары, услуги, работу и пр. [3, с. 312]

Следствием такого положения является тот факт, что криптовалютные операции лица осуществляют не на национальном, а на международном уровне с использованием криптографии — блокчейна (непрерывные и логически последовательные цифровые блоки, представляющие содержание информации некоторого объёма — «хеш-сумму»). Создание таких технологий, обеспечивает функционирование надгосударственных криптовалютных платформ («майнинг», «форжинг», «минтинг» и пр.). Процесс протекает децентрализованно вне контроля государств. Не контролируемые международные криптовалютные операции в ряде случаев представляют оборот криминальных средств, затрудняющих правоохранительным органам государств противодействовать преступности в цифровом пространстве [6].

Повысить качество расследования преступлений с криптовалютой без наличия национального законодательства очень сложно [5, с. 51; 6, с. 20–22; 7, с. 368]. Поставить криптовалютные (цифровую валюту) операции под государственный контроль является одной из мотивационных причин, предпринимаемых законодателем¹.

2. Анализ законодательства и ФЗ № 259 позволяет утверждать о положительном решении задачи развития цифрового функционирования финансовых документов. При этом полностью исключить совершение преступлений с цифровыми финансовыми активами, конечно, нельзя. Но противодействовать на достаточно высоком уровне можно.

В последней редакции закона № 259-ФЗ цифровые финансовые активы федеральным законодательством отнесены к разряду прав². Особенность названного вида активов (цифрового) заключается в том, что выпуск, учет и обращение эмиссионных ценных бумаг осуществляется в информационной системе³ через распределительный реестр, содержащий соответствующие записи и учёт ценных бумаг. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ совместно с другими федеральными законами, регулирующими отдельные направления функционирования эмиссионных ценных бумаг в сети интернет, обеспечил наиболее полные условия выявления, раскрытия преступлений в названной сфере. Сказанное относится, в том числе, и к созданной возможности наложения ареста на финансовые активы.

Основанием для столь позитивного утверждения являются следующие результаты системного подхода и комплексного анализа всей совокупности федерального

законодательства, затрагивающего правовое регулирование финансовых активов, размещённых в сети интернет.

Созданный ФЗ 39 от 22.04.1996 правовой алгоритм выпуска, учёта и обращения ценных бумаг ФЗ 259 от 31.07.2020 адаптирован применительно к функционированию в цифровом пространстве.

Элементами этого обособленного (особого) механизма эмиссии в цифровом пространстве являются:

1. Субъекты правоотношений цифровых финансовых активов:

1. Первообладатель финансовых активов⁴, который в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своём сайте организывает (осуществляет) выпуск цифровых активов (оферта с раскрытием объёма прав, цены приобретения цифровых активов, способов оплаты и пр.).

2. Оператор информационной системы — юридическое лицо, которое вносит выпуск цифровых активов в информационную систему Интернет⁵. Оператор наделяется правом распоряжаться финансовыми активами, «передавать в залог, устанавливать их обременение без обращения к третьему лицу» (п. 14 ст. 7). В информационной системе он обособляет цифровые права, принадлежащие депоненту(ам), от цифровых прав, принадлежащих этому депозитарию (п. 15. ст. 7)⁶.

3. Приобретатели финансовых активов. Цифровые финансовые активы переходят к названной категории лиц (приобретателям) с момента внесения в информационную систему записи о совершении такого перехода.

4. Оператор обмена цифровых финансовых активов (ст. 10 ФЗ 259).

На основе рыночных правил в телекоммуникационной сети Интернет оператор обеспечивает правоотношения по возникновению, изменению и прекращению приобретения, распоряжению и сбыту цифровых финансовых активов «путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение

¹ См. О внесении изменений в часть первую и вторую налогового кодекса Российской Федерации : паспорт проекта федерального закона № 1065710-7 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2022).

² Такими правами определены: право требования — возможность предъявлять требования, и реализовывать права по эмиссионным ценным бумагам; право пользования — участвовать в капитале непубличного акционерного общества; право притязания — обеспеченное мерами государственного принуждения правомочие получить эмиссионные ценные бумаги, указанные в выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном федеральным законодательством.

³ Информационная система — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (п. 3 ст. 2 федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448).

⁴ Юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации) и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (см. федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

⁵ Оператор информационной системы — гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных (п. 12 ст. 2 ФЗ 149).

⁶ О рынке ценных бумаг : Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ в ред. от 02.07.2021.

сделок», в том числе посредством участия в интересах третьих лиц в качестве стороны в сделках с цифровыми финансовыми активами посредством купли-продажи прав на них и на «иные цифровые права».

II. Средства обеспечения (фиксации) эмиссии ценных бумаг в цифровом пространстве — следующий элемент механизма функционирования цифровых финансовых активов в телекоммуникационной системе интернет и обеспечивающий правоохранительным органам своевременное реагирование на преступные действия в отношении цифровых финансовых активов.

Таковыми средствами обеспечения эмиссии ценных бумаг в цифровом пространстве являются закреплённые законодательством:

1. Распределительный реестр учёта выпусков цифровых эмиссионных ценных бумаг в информационной системе Интернет.

2. Реестр пользователей владельцев ценных бумаг (ведёт оператор информационной системы) (ст. 8 ФЗ 259).

Реестр пользователей информационной системы содержит важную для целей производства по уголовным делам сведения о преступлениях в телекоммуникационной системе и лицах, возможно их совершивших. К такой важной для следствия информации следует отнести содержащиеся в реестре данные о субъектах, входящих в информационную систему размещения финансовых цифровых активов. Реестр позволяет идентифицировать пользователя системы; определить характер его участия, а именно является ли пользователь системы лицом, разместившим активы в этой системе или он обладатель активов, или это оператор, обеспечивающий обмен цифровых финансовых активов.

3. Для целей следствия важную роль в достоверности получаемой информации об участниках правоотношений в исследуемой сфере и состоянии процессов функционирования цифровых финансовых активов в информационных системах обеспечивает Банк России. Надзор за точностью реализации норм федерального законодательства об эмиссии цифровых финансовых активов, ведением реестров обеспечивает прозрачность деятельности операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск активов.

4. В перечне контрольных мероприятий наиболее существенными для качества расследования являются:

4.1. Мероприятия общего характера:

а) проверка на соответствие требованиям закона кандидатов в операторы информационных систем. Оператор допускается

к осуществлению своей деятельности только после включения его Банком в реестр операторов информационных систем (ч. 2 ст. 5 ФЗ 259);

б) оценка качества разработанных операторами информационных систем положений на предмет соответствия:

— требованиям к содержанию и выполнению правил функционирования информационной системы, в рамках которой осуществлён выпуск цифровых финансовых активов и их оборот (ч. 3 ст. 5 ФЗ 259¹);

— требованиям организации и обеспечения работы комплексных систем внутреннего контроля; надёжности защищённости системы от несанкционированного проникновения; предоставления отчетности о состоянии и сбоях работы информационной системы (ч. 4 ст. 5 259 ФЗ);

в) наблюдение за выполнением операторами информационных систем, разработанных ими и согласованными с Банком правил и положений по обращению цифровых активов в телекоммуникационной сети Интернет, а также по ведению реестра владельцев ценных бумаг в части порядка учета прав на ценные бумаги (ч. 9 ст. 13 ФЗ 259); за обеспечением сохранности информации о сделках с цифровыми финансовыми активами, выпущенными в информационной системе (ст. 6. ФЗ 259);

4.2. Мероприятия специального характера:

ФЗ 259 от 31.07.2020 предусмотрел и закрепил условия для получения следственными органами и иными государственными органами исчерпывающей информации обо всех аспектах процесса эмиссии. Оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан предоставлять содержащуюся в записях информационной системы информацию о цифровых финансовых активах, принадлежащих их обладателю ч. 3. ст. 6 ФЗ (см. также ст. 46 ФЗ «О банках и банковской деятельности»).

К субъектам, правомочным запрашивать названные сведения и получать требуемые

¹ 1) правила внесения изменений в алгоритм (алгоритмы) программ информационной системы;

2) требования к пользователям информационной системы;

3) правила выпуска цифровых финансовых активов;

4) правила привлечения операторов обмена цифровых финансовых активов, включая требования к указанным операторам;

5) требования к защите информации и операционной надёжности;

6) способы учета цифровых финансовых активов в информационной системе, а также внесения (изменения) записей о цифровых финансовых активах в информационную систему; и пр. (всего 9).

сведения, отнесены суд, органы исполнительной власти, функциональная деятельность которых обязывает разрабатывать и реализовывать меры, препятствующие преступным действиям, направленных на легализацию (отмывание) преступно полученных результатов противоправной деятельности; организацию и осуществление финансирования актов терроризма, способствующих распространению оружия массового уничтожения.

В целях обеспечения производства по уголовным делам, находящихся в производстве, право на получение сведений от оператора информационных сетей, в которых размещён выпуск цифровых финансовых активов, предоставлено следователям (при согласованности этого вопроса с руководителем следственного органа). Аналогичное право предоставлено органам принудительного исполнения Российской Федерации, налоговым органам на основании судебного решения в случаях, если такая информация необходима для осуществления ими своих функций, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В соответствии с ч. 2. ст. 6 ФЗ 259, оператор информационной системы при получении судебного решения, в том числе о наложении ареста, обязан внести соответствующую запись в реестр и проинформировать оператора обмена цифровых финансовых активов о сделанных внесении (изменениях). Ограничение или обременение права распоряжаться цифровыми финансовыми активами возникает с момента внесения в информационную систему записи об этом в соответствии с правилами информационной системы (ч. 6 ст. 4)¹.

Выводы

С учётом изложенного можно сформулировать следующие утверждения.

1. До настоящего времени законодателью не удаётся разработать правовой механизм обеспечения развития экономических отношений посредством организации выпуска и обращения на территории Российского государства национальной цифровой валюты. При этом нормативное определение категориального аппарата элементов будущего механизма обращения цифровой валюты создает определённые условия для решения этой сложной задачи.

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

2. Следует признать ошибочными утверждения о том, что операции с цифровыми финансовыми правами являются «невидимыми» для правоохранительных органов, исключая возможность выявления преступлений в цифровом информационном пространстве. Проведённым исследованием подтверждается утверждение: Федеральным законодательством разработан правовой механизм, препятствующий преступным действиям в названной сфере виртуальной деятельности.

Правовое функционирование механизма обращения цифровых финансовых активов в информационных системах с активным участием оператора информационной системы под плотным контролем Банка России указывает на созданные для следственных органов благоприятные условия для: своевременного обнаружения преступных действий и её следов; обнаружения лиц, совершающих преступные действия в отношении финансовых активов в цифровом пространстве; доказывания их виновности.

3. Производство по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в цифровом пространстве обращения финансовых документов, не содержит препятствий для применения такой меры принуждения, как наложение ареста на цифровые активы лиц, обвиняемых в преступной деятельности. Применение этой меры принуждения не зависит от формы объективизации: в материальной форме в безналичной форме, в цифровом эквиваленте финансовых активов.

Как и при наложении ареста на иные формы активов при наложении ареста на цифровые активы следователю необходимо выполнять требований:

— сумма ареста на цифровые активы не должна превосходить размер возможного штрафа; причинённого преступлением ущерба²;

— для качественного расследования уголовного дела в ходатайстве необходимо указать перечень запрашиваемых ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованными цифровыми активами лиц, в том числе не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Российская газета. 2017. 09 июня (№ 125).

ответственность за действия обвиняемого (подозреваемого) (ч. 3 ст. 115 УПК РФ);

— в ходатайстве должно быть отражён желательный срок действия ареста цифровых активов. Этот срок не должен противоречить сроку предварительного расследования.

Заключение

С учётом сформулированных выводов положительное решение названных выше задач во многом определяется двумя факторами, требующими учёта при дальнейшем развитии правового регулирования цифровой сферы обращения цифровой валюты и эмиссии финансовых активов.

1. Важным является фактор осознания проблемы, связанной со стремлением государства полностью контролировать выпуск

и обращение цифровой валюты. Разрабатываемые в настоящее время проекты по функционированию цифровой валюты под государственным контролем (в России — это Центральный банк России) может существенно изменить основное положение теории об успешности функционирования цифровой валюты. Основным положением (принципом) является децентрализованность создания и обеспечения эмиссии цифровой валюты, которое может быть нарушено.

2. Требуются дальнейшее совершенствование правовой регламентации механизма выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов, разработки криминалистических методик выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере цифрового обращения финансовых активов.

Список источников

1. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 11 С. 103–113

2. Жуков А. З., Абазов И. С., Битов А. А. Проблемы нормативно-правового регулирования обращения цифровых валют в Российской Федерации // Лучшая научная статья 2021 : сборник статей XLIV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. С. 116–118.

3. Зайцев В. П., Мелешко В. В. Наложение ареста на имущество или арест имущества в уголовном процессе республики Беларусь: за и против // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД (Могилев, 02–03 апреля 2018 г.) / отв. ред. Ю. А. Матвейчев. Могилев, 2018. С. 311–313.

4. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 30–35.

5. Долгиева М. М. Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. 2021. № 3. С. 50–54.

6. Перов В. А. Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2020. № 7. С. 20–22

7. Шубарина Л. В., Сергеев А. Б. Учение Л. Я. Драпкина о следственных ситуациях в условиях цифровизации предварительного расследования // Вклад Л. Я. Драпкина в криминалистическую науку : материалы Всероссийского научно-практического круглого стола (Екатеринбург, 01 ноября 2019 г.) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург, 2019. С. 364–374.

Дата поступления статьи / Received: 28.05.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 02.06.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

СУДЕБНАЯ ОЦЕНКА ЖАЛОБ, ПОДАННЫХ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С РАССМОТРЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ)

Александр Сергеевич Каменев

*Адвокатская палата Челябинской области, Челябинск, Россия
kamenev_as@rambler.ru*

Аннотация. В статье автор проводит анализ теории и практики принятия судом решений, связанных с обнаружением стороной защиты нарушений при изъятии электронных носителей информации и копирования электронной информации по уголовным делам. Выявлены объективные и субъективные причины большого количества отказов в удовлетворении жалоб, поданных стороной защиты. Утверждается наличие обвинительного уклона в практике, определяется несовершенство закона, высокая загруженность судей, недостаточный профессионализм, что не может не сказаться на качестве судебных оценок. Обосновывается необходимость менять ситуацию за счет внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон, изучением положительного опыта, повышения профессионализма и «ломки» сложившихся стереотипов мышления лиц, отвечающих за принятие решений по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовный процесс, сторона защиты, суд, электронные носители информации, копирование информации

Для цитирования: Каменев А. С. Судебная оценка жалоб, поданных стороной защиты (на примере уголовных дел, связанных с рассмотрением электронных носителей информации) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 106–111.

Research article

JUDICIAL EVALUATION OF COMPLAINTS FILED BY THE DEFENSE (USING THE EXAMPLE OF CRIMINAL CASES INVOLVING THE EXAMINATION OF ELECTRONIC MEDIA)

Aleksandr S. Kamenev

*Chamber of Law of Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia
kamenev_as@rambler.ru*

Abstract. In the article the author carries out the analysis of the theory and practice of the court decision-making, connected with detection of violations during withdrawal of electronic data carriers and copying of electronic information in criminal cases. Objective and subjective reasons for a large number of refusals to satisfy complaints lodged by the defense were revealed. The presence of accusatory bias in practice is asserted, the imperfection of the law, high workload of judges, insufficient professionalism is determined, which cannot but affect the quality of judicial evaluations. The necessity to change the situation at the expense of changes and additions in the law of criminal procedure, studying of positive experience, increase of professionalism and “breaking” of the established stereotypes of thinking of persons responsible for decision-making in criminal cases is substantiated.

Keywords: criminal procedure, defense, court, electronic media, copying of information

For citation: Kamenev AS. Judicial evaluation of complaints filed by the defense (using the example of criminal cases involving the examination of electronic media). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):106-111. (In Russ.)

Введение

Изучение судебной практики показало, что суды, как правило, отказывают в удовлетворении жалоб стороне защиты на незаконные, по ее мнению, действия и решения органов предварительного расследования. В связи с этим представляется необходимым выявить объективные и субъективные причины, проанализировать мнения ученых по этому поводу, определить дальнейший вектор развития ситуации, а также то, как это влияет и может повлиять на законность и справедливость итоговых решений по уголовным делам.

Описание проводимого исследования

Рассмотрим ситуацию на примерах изъятия электронных носителей информации и копирования электронной информации в ходе осуществления предварительного расследования. При этом будем опираться на сложившиеся позиции в теории, научные взгляды, результаты исследований других авторов по данной проблеме. Будем исходить из того, что объективные причины в меньшей мере зависят от конкретного лица и оказывают некое общее давление, субъективные же причины в большей степени зависят от волеизъявления правоприменителя.

Результат и обсуждение

1. Объективные причины

Общий обвинительный уклон в рассмотрении уголовных дел

Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве характеризуется отступлением от заданного «маршрута» в сторону отправления правосудия по закону. «Обвинительный уклон — есть уклонение от справедливого разрешения уголовного дела в обвинительную сторону» [4, с. 93].

Складывается порой впечатление, что адвокатов с их ходатайствами и жалобами не слышат, или попросту игнорируют, как на досудебных стадиях уголовного процесса, так и в суде. А. Рагулиным был проведен опрос адвокатов, результаты которого стали достоянием общественности, их активно обсуждают, анализируют. Так, 62 % из числа опрошенных указали на то, что ходатайства о приобщении предметов, документов безосновательно отклоняются; 23 % ответили,

что ходатайства отклонялись неоднократно; 10 % заявили, что ходатайства были удовлетворены только в ходе судебного разбирательства; 19 % отметили, что ходатайства отклоняли на всех стадиях и их пришлось приобщать к кассационной жалобе; 89 % ходатайства отклонялись при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования [9, с. 16].

Обвинительный уклон в суде подтверждается другими авторами, занимающимися подобными рода исследованиями. Проблема имеет далеко идущие корни. Так, в конце 80-х годов XX века вышла работа Л. Б. Алексеевой и Н. В. Радутной «Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном, в деятельности судов первой и кассационной инстанций». Д. А. Якупов в конце 90-х годов прошлого столетия провел диссертационное исследование на тему «Проблема обвинительного и оправдательного уклонов в уголовном судопроизводстве». В 2000 году защищена диссертация В. В. Лукьяненко «Обвинительный уклон при применении уголовного законодательства (содержание, типичные проявления, последствия, причины и пути преодоления)». На современном этапе эта тема нашла отражение в публикациях ряд ученых [1; 11; 12].

На обвинительный уклон указывают адвокаты в самих жалобах, обращенных, как правило, к суду.

Коллеги из Башкирского государственного университета выделяют «стереотипы профессионального правосознания значительной части государственных служащих, в том числе и некоторых судей: подсудимые не отличаются от обвиняемых, а те и другие — от преступников; адвокаты не заслуживают доверия, поскольку они своей правовой позицией деньги зарабатывают, а прокуроры — служат государству и народу и потому говорят в суде только правду; по этой же причине государственные эксперты дают объективно более правильные заключения; если человек виновен в совершении преступления, то не так уж важно, насколько законными средствами доказывалась эта виновность, и т. д.» [10, с. 23].

Таким образом, несмотря на то, что законом стороне защиты предоставлены права, реализация их полностью зависит

от усмотрения следователя (дознателя). В связи с этим возможности соответствующих участников уголовного судопроизводства сведены к минимуму. Не лучшим образом обстоит дело и в судебных инстанциях. Подтверждением тому служит статистика, согласно которой оправдательные приговоры отменяются чаще, чем обвинительные¹.

Несовершенство законодательства

Изучение судебной практики показало противоречивость ситуации, когда при схожих обстоятельствах, связанных с изъятием электронных носителей информации, протоколы обыска или выемки были признаны судами как недопустимые доказательства, в других решениях суды ссылаются на то, что копирования электронной информации не происходило или устройство рассматривалось как цельный объект, который не включался и поэтому приглашение специалиста не требовалось. Не более чем в 10 % случаях суды отсутствие специалиста признавали как существенное нарушение требований УПК РФ. Такая двойственность ситуации недопустима. Проблема может быть решена на законодательном уровне, для чего необходимо более четко прописать в процессуальном законе, что является электронным носителем информации, когда при копировании информации приглашается специалист и какие негативные последствия могут наступить в случае отступления от правил. То, что закон в настоящее время не предполагает обязательное участие специалиста при копировании электронной информации вызывает недоумение, так как два познавательных приема ставятся в неравное положение, тогда как цель одна — получение электронной информации. Связано это с изъятием материального носителя или с копированием не должно иметь принципиальной разницы при проведении следственных действий.

С данной позицией согласна А. А. Балашова, которая подробнейшим образом рассмотрела этот вопрос в своем исследовании [2, с. 110].

В подтверждении сказанного приведем пример из судебной практики. Вот выдержка из судебного решения: «при проведении выемки не осуществлялось изъятие

¹ Коробка Е. Апелляция отменила почти 90 % оправдательных приговоров районных судов, вынесенных с участием присяжных // Адвокатская газета : [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/apellyatsiya-otmenila-pochti-90-opravdatelnykh-prigovorov-rayonnykh-sudov-vynesennykh-s-uchastiem-prisyazhnykh/> (дата обращения 10.02.2022).

электронных носителей, а осуществлялось копирование имеющейся информации на отдельный носитель, что не запрещено нормами УПК РФ и не требует обязательного привлечения специалиста². Поэтому данный пробел необходимо устранить.

Недостаточный внутрисистемный контроль

Внутрисистемный контроль за деятельностью судей — вопрос непростой. В начале XX столетия в Совете судей активно обсуждался вопрос о введении так называемого института «судей-аудиторов», представители которого должны были проверять работу судей и при необходимости принимать меру вплоть до прекращения полномочий. Однако это было признано неприемлемым³. Конституционный Суд РФ также высказался по этому вопросу, определив, что недопустимо устанавливать в действиях судьи состав преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, то есть вынесение заведомо неправосудного приговора, когда этот акт вступил в законную силу и не отменен в установленном законом порядке⁴.

Кроме того, Высшая квалификационная коллегия судей определилась, что «в полномочия квалификационных коллегий не входит проверка законности и обоснованности судебных актов, она может осуществляться лишь в специальных, установленных процессуальным законом процедурах (посредством рассмотрения дела судами вышестоящих инстанций), а иная процедура ревизии судебных актов принципиально недопустима⁵».

В связи с этим остается только один инструмент — это обжалование принятых решений в вышестоящие инстанции.

Изучение практики показало, что любая отмена судебного решения рассматривается как минус работе всего суда. Неблагоприятные последствия от массовых отмен может негативно сказаться на работе руководства суда и всего состава судей. Поэтому искиваются все возможные средства избежать неблагоприятных решений вышестоящих инстанций. Появился даже такой термин, как

² Апелляционное определение Рязанского областного суда от 03.04.2018 по делу № 22-148/2018.

³ Постановление Совета судей России от 30 января 2001 года № 43 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1776275/> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 октября 2011 г. № 23-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 6.

⁵ О рассмотрении Дисциплинарным судебным присутствием жалоб на решения квалификационных коллегий судей // Вестник ВККС РФ. 2013. № 4 (38). С. 9, 11, 13–14.

«засиливать», который означает, что «в некоторых ситуациях доводы жалобы могут быть состоятельными, но при этом она не будет удовлетворена» [5].

Все это парализует судебную систему и приводит к негативным оценкам деятельности судов. Вышестоящие инстанции отдают штампы, то есть шаблонными ответами, и не стремятся к отмене или изменению решения, на которое подана жалоба.

Проверочные судебные инстанции становятся инструментом поддержания «стабильности приговоров», превращенным в самоцель существования судебной системы [10, с. 22]. В связи с этим вряд ли можно ожидать конструктивных решений от вышестоящих судебных инстанций.

Сложность вопроса

Работа с электронными носителями информации требует соответствующих компетенций, что требует от судей соответствующих знаний и умений. Несмотря на проводимые занятия по повышению квалификации¹, разобраться в тонкостях технических вопросов сложно, и порой даже невозможно. Привлечение специалиста, с одной стороны, решает этот вопрос, с другой, судья становится «заложником» знаний, то есть интерпретация, к примеру, результатов компьютерно-технической экспертизы будет зависеть от того, как ее преподнесет специалист в суде. Судья вынужден соглашаться, по сути, порой не понимая, что на самом деле изложено в заключении эксперта.

При этом оценке подлежат методы исследования, полнота, не выходил ли эксперт за пределы своей компетенции, не давал ли юридической оценке, соблюдены ли нормы федерального законодательства. Расшифровка используемых специальных терминов в тексте самого заключения позволяет в какой-то степени понять и проверить вывод эксперта. Проверке подлежит и компетентность самого эксперта.

Формирующийся понятийный аппарат в сфере использования современных технологий в уголовном судопроизводстве можно продемонстрировать на простом примере. Привычное для всех слово «компьютер» предполагает «системный IBM-совместимый блок компьютера» [3, с. 173]. Именно так должно быть и в документах.

¹ Факультет повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов общей юрисдикции и Судебного департамента // Российский государственный университет правосудия : [сайт]. URL: <https://rgup.ru/?mod=pages&id=699> (дата обращения: 11.02.2022).

Высокая загруженность служителей Фемиды

Согласно данным статистики Судебного департамента Верховного Суда РФ, в 2020 году суды рассмотрели 38,4 миллиона дел, что на 11 % больше, чем в 2019 году².

По проведенным исследованиям, только 24 % судей справляются и не нарушают график работы, другие явно перерабатывают: 62 % работают в два раза, 5 % в пять раз. Переработка означает увеличение затрат времени, которое судьи потратили, находясь на работе. Как следствие, судьи на рассмотрение одного уголовного дела тратят времени меньше, чем требовалось бы³.

Объективные причины взаимосвязаны и во многом определяют субъективные, рассмотрим их.

II. Субъективные причины

Недостаточный профессионализм судей, нежелание разобраться

Общую картину состояния дел можно наблюдать, если ознакомиться с обзорами отчетов квалификационных коллегий и научных статей относительно дисциплинарной практике привлечения судей к ответственности. В данных отчетах можно встретить такие формулировки, как: «1) грубые нарушения процессуального законодательства; 2) небрежное отношение к исполнению служебных обязанностей; 3) нарушения законности; 4) низкое качество работы судьи; 5) многочисленные нарушения норм материального и процессуального права; 6) нарушения процессуального законодательства; 7) пренебрежение требованиями уголовно-процессуального законодательства; 8) неоднократные умышленные нарушения процессуального законодательства; 9) грубейшие нарушения процессуальных норм; 10) преднамеренное нарушение уголовно-процессуального законодательства; 11) нарушение права на справедливое судебное разбирательство; 12) некомпетентность; 13) неудовлетворительное качество рассмотрения дел; 14) стабильность судебных решений» [7, с. 30].

Хочется привести показательный пример, когда нарушения могут повлечь такого рода формулировки.

² Бадикова А. Правосудие на повышенных оборотах // Россиское агентство правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20210727/307242881.html (дата обращения: 11.02.2022).

³ Вараксин М. Исследование: две трети судей работают вдвое больше, чем должны // ПРАВО.RU. URL: <https://pravo.ru/news/201888/> (дата обращения: 11.02.2022).

Так, установлено, что неизвестные лица из числа сотрудников АО «ЮРЭСК» и ООО «Проект Сервис» с целью денежных средств на территории г. Ханты-Мансийска Ханты-Мансийского автономного округа — Югры подписали товарную накладную № 124 от 30.08.2018 года на поставку оборудования для нужд АО «ЮРЭСК» по договору № 186-08/18-ОД, которая явилась основанием для перечисления на расчетный счет ООО «Проект Сервис» денежных средств в сумме 5 500 000 рублей, которые были обращены в пользу неустановленных лиц. Следователь СУ СК РФ обратился в суд с постановлением о возбуждении ходатайства о проведении обыска в жилище гр. М. Суд в своем решении указал на достаточные данные, подтверждающие, что к преступлению причастны сотрудники АО «ЮРЭСК», которые по месту своего проживания могут хранить непоставленные материальные ценности по Договору, а также денежные средства и документы хозяйственной деятельности АО «ЮРЭСК».

Адвокат Ф., действующий в интересах гр. М., в апелляционной жалобе, выразил несогласие с постановлением суда, считая его незаконным и необоснованным, просил его отменить.

Суд апелляционной инстанции встал на сторону защиты, указав, что из материалов, представленных в суд, следователем каких-либо доказательств в обоснование заявленного ходатайства представлено не было. Причастность М. к совершению какого-либо преступления органами следствия не установлена, в представленных документах фамилия М. не упоминается. Органами предварительного следствия не представлено каких-либо документов указывающих на то, что М. имеет какое-либо отношение к организациям АО «ЮРЭСК» и ООО «Проект Сервис». Сведения, содержащиеся в ответе на поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий, согласно которым, по месту жительства М. могут храниться предметы, документы, электронные носители информации, имеющие значение для уголовного дела, являются несостоятельными и надуманными, так как данные сведения, ничем не подтверждены и не могут являться для суда достаточными основаниями для производства обыска.

Апелляционная инстанция считает, что суд в обоснование своих выводов **не привел свою собственную мотивацию, а ограничился мотивацией органов следствия** (Выделено авт. — А.К.)¹.

¹ Апелляционное постановление № 22К-2049/2019 от 18 декабря 2019 г. по делу № 3/6-260/2019 // Судебные

В дополнении хочется отметить, что согласно ч. 1 ст. 82 УПК РФ основанием для производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Обыск в жилище проводится на основании судебного решения (ст. 165, ч. 3 ст. 182 УПК РФ).

Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 12 постановления от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» разъяснил, что «разрешая ходатайство о производстве следственного действия, судья обязан в каждом случае наряду с проверкой соблюдения требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к порядку возбуждения ходатайства, проверить наличие фактических обстоятельств, служащих основанием для производства указанного в ходатайстве следственного действия (например, при рассмотрении ходатайства о производстве обыска в жилище убедиться в том, что в материалах уголовного дела имеются достаточные данные полагать, что в указанном жилище могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела)»².

Наличие несущественных ошибок следствия

Речь идет об ошибках следствия, которые не могут повлиять на принятие решения о виновности лица в совершении преступления. Эти нарушения касаются дат, времени принятия решений, опечаток различного рода. С одной стороны, за недостатками такого рода могут скрываться существенные нарушения, но, как правило, суды «списывают» это на случайность.

Так, в апелляционной жалобе была просьба отменить обжалуемое постановление и удовлетворить жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ. В обоснование были приведены положения ст. 81.1 УПК РФ и указано, что признание изъятых предметов и документов

и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0rDNzwPWq2Vw/> (дата обращения 11.02.2022).

² Козлова Н. ВС РФ разъяснил, когда следователи могут прослушивать и обыскивать // Российская газета. 2017. 09 июня.

вещественными доказательствами по уголовному делу за пределами 30-дневного срока после их изъятия незаконно и необоснованно. Из обжалуемого постановления видно, что решение о судьбе изъятых предметов и документов принято старшим следователем К., в распоряжении которого была следственная группа из 14 человек, за пределами установленного законом срока, что противоречит действующему законодательству. Однако в удовлетворении жалобы было отказано, а постановление оставлено без изменений¹.

Заключение

Выделение объективных и субъективных причин, безусловно, носит условный характер.

¹ Апелляционное постановление № 22К-1483/2019 от 19 декабря 2019 г. по делу № 22К-1483/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8ysZcY0WONmm/> (дата обращения 11.02.2022).

Результаты исследования не претендуют на истину в последней инстанции. Тем не менее, картина становится понятной, ситуация требует приложения больших сил для ее корректировки и восстановления справедливого и надлежащего уголовного судопроизводства.

Вывод

Таким образом, анализ научных статей и изучение практики показало, что сторона защиты поставлено в неравное положение относительно заявленного состязательного уголовного судопроизводства. На примерах изъятия электронных носителей информации и ее копирования по уголовным делам обнаружены как объективные, так и субъективные причины сложившейся ситуации. Изменить данное положение дел можно внесением изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон, а также повышением профессионального уровня должностных лиц, принимающих решения по уголовным делам.

Список источников

1. Алексеева Л. Б., Радутная Н. В. Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном, в деятельности судов первой и кассационной инстанций. Москва : Юрид. лит., 1989. 74 с.
2. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 216 с.
3. Дёмин К. Е. О понятии, системе и задачах судебного исследования электронных носителей информации // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 171–174.
4. Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. статей / под ред. В.В.Волкова. Москва : Норма, 2015. С. 93–103.
5. Маленков Н. «Засилить» проще, чем отменить // ЭЖ-Юрист. 2011. № 14. URL: <http://www.consultant.ru/>.
6. Морщакова Т. Г. Контрреформа: угроза и реальность // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3 (52). С. 61–68.
7. Поздняков М. Л. Критерии оценки качества работы судей и дисциплинарная ответственность. Санкт-Петербург : ИПП ЕУ СПб., 2014. 70 с.
8. Поздняков М. Л. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. Москва, 2012. С. 54–106.
9. Рагулин А. Право адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела после завершения предварительного расследования: проблемные вопросы регламентации и практической реализации // Адвокат. 2012. № 4. С. 16–25.
10. Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей — имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 21–41.
11. Фомин М. А. Обвинительный уклон судьи: способы противодействия // Уголовный процесс. 2011. № 10. С. 68–74.
12. Шумилин С. Ф. Проблема обвинительного уклона в механизме реализации полномочия следователя на привлечение в качестве обвиняемого и способ ее решения // Российский следователь. 2010. № 6. С. 8–11.

Дата поступления статьи / Received: 16.02.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 14.04.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: КАНТ, РОЛЗ И УСТАВ ООН

Николай Александрович Шавеко

*Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия
shavekonikolai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>*

Аннотация. Предлагается выделить теорию международной справедливости в качестве комплексного направления исследований, находящейся на стыке политологии, юриспруденции и философии. В качестве пролегомены как таковой рассматриваются статьи договора о вечном мире, сформулированные И. Кантом, принципы права народов, предложенные Дж. Ролзом, а также основные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН и других международных документах. Осуществляется сравнительный и нормативный анализ трех указанных наборов принципов международного порядка, выявляются их общие и особенные черты, достоинства и недостатки. В заключение делается вывод, что принципы международного устройства, предлагаемые Кантом и Ролзом, а также образующие дух действующего международного права, в значительной мере схожи, а их различия обуславливаются различной постановкой вопроса (отсюда различные субъекты, к которым применяются принципы, и различный предмет регулирования). Высказывается тезис, вопросы справедливости на международном уровне касаются самых различных ситуаций, поэтому теория международной справедливости не должна быть ограничена ни конкретной проблематикой, ни субъектным составом. При этом дальнейшие исследования предлагается осуществлять на основе предложенных Ролзом методов «исходного положения» и «рефлексивного равновесия», в отрыве от каких-либо всеобъемлющих доктрин, однако в качестве сторон, принимающих участие в выработке принципов международной справедливости в «исходном положении», предлагается мыслить индивидов, а не государства.

Ключевые слова: Кант, Ролз, ООН, *jus cogens*, принципы международного права, право народов, вечный мир, справедливость

Для цитирования Шавеко Н. А. Принципы международной справедливости: Кант, Ролз и Устав ООН // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 112–120.

Research article

PRINCIPLES OF INTERNATIONAL JUSTICE: KANT, RAWLS AND THE UN CHARTER

Nikolai A. Shaveko

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
shavekonikolai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>*

Abstract. It is proposed to single out the theory of international justice as a comprehensive research area located at the intersection of political science, jurisprudence and philosophy. As a prolegomena to such, the articles of the treaty on perpetual peace formulated by I. Kant, the principles of the law of peoples proposed by J. Rawls as well as the basic principles of international law enshrined in the UN Charter and other international documents are considered. A comparative and normative analysis of the three mentioned sets of principles of the international order is carried out, as well

as their common and special features, advantages and disadvantages are revealed. It is concluded that the main ideas proposed by Kant and Rawls, as well as by current international law, are largely similar, and their differences are due to the different formulation of the issue (hence the different subjects to which the principles are applied, and the different subject of regulation). The thesis is expressed that the issues of justice at the international level relate to a wide variety of situations, therefore the theory of international justice should not be limited to either specific issues or set of subjects. At the same time, further research is proposed to be carried out on the basis of the "original position" and "reflexive equilibrium" methods proposed by Rawls, in isolation from any comprehensive doctrines, however, it is proposed to think parties involved in the development of the principles of international justice in the "original position" as individuals, not states.

Keywords: Kant, Rawls, UN, jus cogens, principles of international law, law of peoples, perpetual peace, justice

For citation: Shaveko NA. Principles of international justice: Kant, Rawls and the UN Charter. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):112-120. (In Russ.)

Введение

Каковы принципы справедливого общественного устройства? Данный вопрос занимал и занимает многих мыслителей, однако исследуется обычно в различных, зачастую не связанных между собой дискурсах (политологами, юристами, философами и т. д.). Вместе с тем, если поставленный вопрос един для различных дисциплин, то есть смысл выделения некоторой комплексной дисциплины — теории справедливости. В настоящей статье мы предлагаем поставить указанный вопрос на глобальном уровне. В этом случае он мог бы составлять предмет своего рода «теории международной справедливости» (как раздела теории справедливости в целом) и выглядеть так: каковы принципы справедливого международного устройства?

В рамках данной статьи будет проанализировано три источника, от которых можно отталкиваться в дальнейших нормативных исследованиях этого вопроса, и которые на сегодняшний день являются, пожалуй, наиболее известными. Эти источники следующие: 1) трактат «О вечном мире» (1795) И. Канта, 2) лекция «Право народов» Дж. Ролза (1993); 3) Устав ООН (1945), а также связанные с ними другие правовые документы, которые также содержат основные принципы международного права (Декларация о принципах международного права 1970 г., Хельсинский заключительный акт СБСЕ 1975 г.).

Таким образом, идея статьи заключается в том, чтобы, с одной стороны, взять существующие основные принципы международного права в качестве кандидатов на роль принципов международной справедливости (в этом случае мы предполагаем нормативную обоснованность данных принципов и, соответственно, заложенного Уставом ООН международного правопорядка), а с другой стороны, рассмотреть

две философские системы, которые также предлагают свои принципы международного устройства, за авторством соответственно Канта (1795) и Дж. Ролза (1993), сопоставить их с основными принципами международного права и тем самым проблематизировать нормативную обоснованность последних.

Обычно выделяют десять основных принципов международного права, а именно:

1. Неприменение силы и угрозы силой.
2. Разрешение международных споров мирными средствами.
3. Невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств.
4. Обязанность государств сотрудничать друг с другом.
5. Равноправие и самоопределение народов.
6. Суверенное равенство государств.
7. Добросовестное выполнение обязательств по международному праву.
8. Нерушимость государственных границ.
9. Территориальная целостность государств.
10. Уважение прав человека и основных свобод.

Несколько предварительных замечаний. Кант имел целью выработать не столько принципы справедливого международного правопорядка, сколько условия прекращения войн, при этом он творил за 150 лет до принятия Устава ООН, когда мир еще не мыслил в категориях ограниченного суверенитета и прав человека. В свою очередь Устав ООН и современное международное право в целом закрепляют основные принципы международного правопорядка (претендующие в том числе и на моральную значимость), при этом предполагается, что для прекращения войн требуется ограничение суверенитета (в том смысле, что независимость государства во внешних

делах и его верховенство во внутренних делах ограничивается основными принципами международного права, включая уважение прав человека). Как указывал Ю. Хабермас, Кант в своем проекте не учел опасность «взрывчатого потенциала национализма» суверенных государств и односторонний характер перспективы развитых европейских христианских государств. Ужасы Второй мировой войны, международный терроризм, а также процессы глобализации поставили суверенитет государств и безответственность их правителей (на которых настаивал Кант) под сомнение, создав «постнациональную ситуацию» [1, с. 14, 17]. Но решения, связанные с вмешательством в политику суверенных государств, по мнению Хабермаса, должны приниматься не какой-либо сверхдержавой единолично, а коллективно, по результатам всесторонних обсуждений [1, с. 18]. Ролз, в свою очередь, уже имел перед собой определенный опыт реализации основных принципов международного права, и попытался обосновать их через конструкцию обсуждения в «исходном положении», то есть некоторой гипотетической ситуации за «занавесом неведения». Иными словами, принципиальное отличие подхода Ролза состоит в том, что он рассматривает свои принципы как принятые не в конкретных исторических условиях, а в абстрактном мыслительном эксперименте. Понятно, однако, что в этом мыслительном эксперименте должен учитываться весь накопленный человеческий опыт, но в «обезличенной» форме.

Кант и Устав ООН. Итак, в трактате «О вечном мире» (1795) И. Кант ставит перед собой задачу выработать условия такого договора, который, будучи заключенным между государствами, прекратил бы все войны между ними. Организация объединенных наций, созданная как реакция на Вторую мировую войну, и в Уставе (1945) которой зафиксированы основные принципы международного права, имела совершенно тот же посыл. И статьи договора о «вечном мире», и основные принципы международного права сформулированы абстрактно, но исходят из конкретных исторических условий.

В результате Кант приходит к следующим статьям [2, с. 6–26].

Во-первых, это шесть «предварительных статей», которые должны быть исполнены для того, чтобы был установлен мир, и появилась возможность договариваться об обеспечении «вечного» характера этого мира:

1. Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны.

2. Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара.

3. Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть.

4. Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел.

5. Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств.

6. Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла, отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т. д.

Во-вторых, это три «окончательных статьи»:

1. Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским.

2. Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств.

3. Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства.

Что общего здесь с Уставом ООН? Предварительная статья № 2 у Канта, в сущности, является требованием государственного суверенитета (впрочем, по мнению некоторых исследователей, аналоги в Уставе ООН у нее отсутствуют, а гл. 12 Устава ООН даже противоречит ей [3, р. 66]), в то время как равенство государств (всё же, сегодня мы имеем принцип, объединяющий вместе суверенитет и равенство государств!) нигде философom не выражено, а только предполагается как само собой разумеющееся.

В свою очередь самоопределение народов у Канта невозможно вне идеи государства, поэтому оно есть лишь предпосылка договора о вечном мире, а не само его требование [4, с. 48] (как и впоследствии у Ролза). И Кант и Ролз ставили вопрос о том, к каким принципам должны прийти уже самоопределившиеся народы, поэтому сам по себе вопрос самоопределения остался у них почти не рассмотренным. Некоторые места в трактате Канта позволяют заключить, что право на самоопределение он отвергает. Философ, в частности, указывает, что если вдруг государство распалось на две части (фактически речь идет о том, что внутри государства самоопределился какой-то новый народ), то другие государства имеют право вмешаться, чтобы

восстановить статус-кво [2, с. 10]. Но и современное международное право также исходит из того, что право на самоопределение народов не должно трактоваться как нарушающее принцип территориальной целостности (см. Декларацию о принципах международного права 1970 г.). Поэтому корректнее говорить, что Кант практически не касался вопроса о праве народов на самоопределение, а не что он это право отрицал.

Предварительная статья 5 у Канта тождественна принципу невмешательства во внутренние дела государств, хотя философ, как мы указали ранее, допускал вмешательство во внутренние дела другого государства с целью предотвратить нарушение его территориальной целостности. Современное международное право не допускает подобного вмешательства [5, с. 70–72]. При этом Кант, по всей видимости, отвергнул бы современное понятие «гуманитарных интервенций» [4, с. 47, 49], поскольку исходил из доктрины абсолютного, а не относительного суверенитета. Таким образом, основания для исключений из принципа невмешательства у Канта совсем не те, что предусматривает нынешний международный порядок.

Обе названные статьи (т. е. предв. ст. 2, 5), как представляется, логически предполагают территориальную целостность и нерушимость границ, хотя эти принципы также Кантом не названы.

Следует отметить также ряд частично совпадающих принципов.

Так, окончательная статья № 1 кантовского договора фактически отсылает к уважению прав человека, поскольку под республиканским правлением Кант имеет в виду правление, основанное на свободе и равенстве людей в условиях господства закона, разделения законодательной (представительной) и исполнительной власти, и противопоставляемое деспотизму. Философ высказывает мысли, сходные с популярным сегодня тезисом «демократии не воюют друг с другом», правда выражает эти мысли через понятие республики (надо признать, до него подобные Ш.-Л. Монтескье уже высказывал идею, что республики склонны объединяться в федерацию ради общей безопасности [6, с. 116–117]). Впрочем, уже во времена Канта надежды на миролюбивость республик таяли на глазах. Так или иначе, требование республики, с одной стороны, более строгое, чем современные принципы международного права, допускающие различные формы правления, если они защищают права человека, с другой стороны, это требование не учитывало

еще социально-экономических и культурных прав человека (реализация которых, к слову, также влияет на миролюбие общества). К правам человека отсылает, как представляется, и окончательная статья 3, комментируя которую, Кант отстаивает «право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом» (здесь, говоря современным языком, мыслитель противопоставляет права человека и права гражданина).

В свою очередь предварительная статья 6 у Канта схожа с принципом международного сотрудничества и демонстрирует те реалии практики, которые делают этот принцип весьма актуальным (вопреки Ролзу, чья позиция основана на гипотетической ситуации). Кроме того, она схожа и с принципом № 6 у Ролза (см. далее), так как отсылает к необходимости международного гуманитарного права. Здесь надо сказать, что Кант и Ролз в рубрике основных принципов международного права говорят о правилах ведения войны, то есть фактически о международном гуманитарном праве, в то время как Устав ООН не возводит такие правила в статус основных принципов. Но если сегодня проблематика *jus ad bellum* затрагивается основными принципами международного права (недопустимость применения силы и угрозы силой, за исключением случаев самообороны, недопустимость вмешательства во внутренние дела государства и т. д.), то почему такой же статус не могут получить принципы *jus in bello*? Так или иначе, отметим, что в целом кантовская идея сохранения в ходе войны условий для будущего сотрудничества лишь частично совпадает с современной идеей международного сотрудничества.

Предварительная статья № 1, имеющая сходства с целями ООН (ст. 1 Устава) может быть истолкована, в том числе, как частный случай требования добросовестного исполнения международных обязательств. Но и здесь нельзя не заметить, что эта натянутая интерпретация возможна лишь потому, что сам Кант необоснованно считал временные «перемирия» логически противоречивыми, подразумевающими возможное нарушение обязательств.

Таким образом, уважение прав человека, обязанность международного сотрудничества и обязанность соблюдения договоров у Канта фактически не представлены. Его статьи представляют собой скорее условия, при которых государства с большей вероятностью будут исполнять данные обязанности (сами по себе обязанности исполнения обещаний

и оказания помощи Кантом признавались и подробно отстаивались на уровне индивидуальной этики [7, с. 84–86, 90–92]).

Предварительная статья № 3 имеет много общего с принципом неприменения силы и угрозы силой, но в некоторой части даже строже него: она требует радикального сокращения военной мощи, а не просто неприменения вооруженных сил. Комментируя предварительную статью № 6, Кант также указывает на ограничения, которые необходимы для того, чтобы войны не превратили человечество в гигантское кладбище, и сегодня Кант, конечно, был бы ярким противником оружия массового поражения.

Предварительная статья № 1 сходна с принципом мирного разрешения споров.

В целом же следует признать, что такие основные принципы международного права, как неприменение силы и угрозы силой, а также мирное разрешение споров у Канта представлены не в полной мере, так как философ фактически допускает постепенное завершение существующих войн. Мирная жизнь в отсутствие войн у него — это не требование, а цель договора о вечном мире.

Окончательная статья 2, которая имеет у Канта в качестве предписания, сегодня в международном праве, напротив, выступает как предпосылка, и ничто принципиально не ограничивает государства в возможности объединиться в нечто большее, чем ООН, а именно в единое государство, или в максимально интегрированное сообщество наподобие Евросоюза, и тогда предпосылка будет иной, что повлечет необходимость иных принципов международного права. Отрицание Кантом мировой республики встретило уже достаточно критики. Мы лишь отметим, что здесь наиболее ярко демонстрируется зависимость эволюции мысли от накопления исторического опыта.

Особо следует отметить такие статьи «вечного мира» по Канту, как отказ от постоянных армий и ограничения на государственные долги, которые не соответствуют содержанию основных принципов международного права. Высказываются предположения, что с учетом современных реалий первую из этих статей Кант изложил бы иначе, а от второй бы отказался как от бесполезной [8, с. 43].

Таким образом, и Кант, и современное международное право исходят из реалий враждующих государств и пытаются эти реалии изменить. Но для Канта некоторые основные принципы современного международного права (международное сотрудничество, соблюдение договоров, неприменение силы

и угрозы силой, мирное разрешение споров) были лишь целями предписаний, а не самими предписаниями.

Другой отличительной особенностью позиции Канта было то, что он не уделил большого внимания самоопределению народов, считая его лишь предпосылкой договора между народами, и не допуская вмешательства в процессы самоопределения, в то время как международное право возводит эту предпосылку в требование.

Кроме того, Кант вряд ли бы одобрил вмешательство в другие государства в целях защиты прав человека, поскольку считал, что мы не должны навязывать никому республиканское устройство. В целом, принцип уважения прав человека у Канта не фигурирует.

Одновременно некоторые требования кантовского «вечного мира» (отказ от постоянных армий, установление республиканской формы правления, и ограничения на государственные долги) более строгие, чем современное международное право.

Ролз и Устав ООН. В лекции «Право народов» (1993) Дж. Ролз делает попытку выработать принципы международного права («идеальную теорию»). Он разрабатывает эти принципы применительно к «хорошо установленному рациональному сообществу народов», в которое включает либеральные и иерархические общества, но исключает из него «тиранические и диктаторские режимы, а также экспансионистские государства» [9, с. 79, 98].

Под либеральными обществами Ролз понимает общества, которые признают и гарантируют перечень определенных основных прав и свобод, а также возможностей, и высокий приоритет этих основных прав и свобод (особенно по отношению к утилитаристским и перфекционистским требованиям), а также меры, гарантирующие всем гражданам адекватные и всеохватывающие средства для эффективного использования этих свобод [9, с. 84].

Под иерархическими обществами Ролз понимает общества, которые через «рациональную консультативную иерархию» уважают минимальный набор прав человека, принимают во внимание базовые интересы всех членов общества и потому легитимны в их глазах, кроме того, являются мирными и не стремятся к экспансии, однако при этом не являются либеральными, поскольку их основные общественные институты выражают определенную «концепцию блага» (представления о достойной жизни), а граждане не считаются свободными и равными и обладают правами лишь как члены некоторых групп.

Как представляется, разграничение либеральных и иерархических обществ несколько проблематично: не ясно, насколько неравными могут быть люди в иерархических обществах. Коротко, сущность разграничения либеральных и иерархических обществ у Ролза сводится к тому, что либеральные общества — это те, которые признают ролзовский первый принцип справедливости (принцип равных свобод), а иерархические общества — это те, которые его не признают.

Говоря о том, что оба типа обществ уважают основные права человека, Ролз имеет в виду право на жизнь и безопасность, включая средства к существованию, на свободу (от рабства, крепостничества и оккупации), на частную собственность; кроме того, автор называет «элементы правовых норм, так же как и право на определенную свободу совести и свободу собраний, право на эмиграцию», и наконец, «формальное равенство, выраженное нормами естественного права (конкретные случаи должны трактоваться подобно)» [9, с. 89–90, 93]. В критериях иерархического общества Ролз, в сущности, видит пределы терпимости. И хотя в международных нормативных правовых актах права человека понимаются значительно шире, далеко не всякое их нарушение со стороны государства влечет принятие ответных мер международным сообществом, а потому позиция Ролза не сильно отличается от международно-правовой практики.

Свою концепцию Ролз называет конструктивистской, поскольку она не стремится навязать некие всеобъемлющие универсальные ценности, а касается лишь сферы политики. Он предлагает нам представить «исходное положение», в котором представители рациональных и разумных народов стремятся выработать некие общие принципы путем «рефлексивного равновесия» (постепенного уточнения этих принципов на основе моральных интуиций). Данные представители действуют в рамках «занавеса неведения»: «они не знают, например, размер территории, или численность населения, или относительную мощь народов, чьи основные интересы они представляют» [9, с. 85]. Они, тем не менее, знают, что представляемые ими общества являются либеральными или иерархическими (весьма спорная, на наш взгляд, предпосылка).

В результате, по мнению Ролза, данные представители придут к следующему (не исчерпывающему) перечню принципов [9, с. 86]:

1. Народы (как организованные их правительствами) свободны и независимы, и их свобода и независимость должны уважаться другими народами.

2. Народы равны по их собственному соглашению.

3. Народы имеют право на самозащиту, но не имеют права на войну.

4. Народы должны соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела государства.

5. Народы должны соблюдать договоры и обязательства.

6. Народы должны соблюдать определенные установленные ограничения по ведению войны (допускаемые в качестве самозащиты).

7. Народы обязаны соблюдать права человека.

Следует отметить, что в научной литературе раздаются громкие голоса противников не только взглядов Ролза, но и существующего мирового правопорядка, с тех позиций, что «исходное положение» в действительности (с учетом того, что бедность развивающихся стран обусловлена не только внутренними причинами, как это мыслил Ролз) влечет более эгалитарные принципы справедливости, подразумевающие, например, мировой налог на потребление ресурсов (Т. Погге [13]). Однако для целей нашего исследования мы предположим, что в условиях описанного Ролзом «исходного положения» стороны выбрали бы именно такие принципы, которые указал Ролз.

Сопоставляя данные принципы с основными принципами международного права, следует признать, что последние сформулированы на несколько иной основе.

Во-первых, предполагается, что они касаются всех наций, а не только либеральных и иерархических обществ.

Во-вторых, они приняты не в «завесе неведения», а в конкретных исторических обстоятельствах, и более того — в связи с этими обстоятельствами.

В-третьих, основные принципы международного права, по всей видимости, вытекают из определенной всеобъемлющей доктрины, поскольку в Уставе ООН подчеркивается, например, достоинство и ценность человеческой личности, а также необходимость содействовать экономическому и социальному прогрессу народов и улучшению условий жизни при большей свободе. Отсюда, хотя основные принципы международного права и распространяются на большее количество субъектов, но конкретным умозрением и фактической волей этих субъектов уже не связаны.

Проводя более конкретный анализ, легко установить, что, несмотря на то, что сформулированных Ролзом принципов всего семь, фактически их формулировки включают практически все основные принципы

международного права (кроме обязанности международного сотрудничества и права народов на самоопределение), и даже отчасти выходят за их пределы (устанавливая ограничения по ведению войны).

Так, практически полностью совпадают с ролзовскими следующие четыре основных принципа международного права: уважение прав человека и основных свобод (см. ролзовский принцип № 7), суверенное равенство государств (см. принципы № 1 и № 2), невмешательство во внутренние дела государств (принцип № 4), добросовестное выполнение международных обязательств (принцип № 5).

Конечно, при внимательном анализе можно найти отличия в том, как понимаются данные принципы в международном праве и у Ролза. Например, понимание прав человека у Ролза весьма узкое по сравнению с теми международными документами, которые посвящены правам человека (что связано как раз с тем, что Ролз не желает навязывать либеральную всеобъемлющую доктрину). Можно также обратить внимание на возможные отличия наций (государств), подписавших Устав ООН и другие международные документы, от народов (обществ) в смысле Ролза (последние — более широкие понятия [11, с. 75]). Но в целом мы видим здесь практически полное сходство идей.

В свою очередь, четыре других основных принципа международного права содержатся в формулировках Ролза имплицитно. Так, принцип неприменения силы и угрозы силой у Ролза выражен через принципы № 1, 2, 3, 4, принцип мирного разрешения споров находит выражение через принципы № 1, 3, 5 и 6, а принципы территориальной целостности и нерушимости границ государств вытекают из принципов № 3, 4, 6. Как видим, ключевую роль во всех случаях имеет принцип № 3 ролзовского списка, касающийся права на самозащиту и запрета агрессивной войны (он воплощен, в частности, в ст. 51 Устава ООН в виде права на индивидуальную и коллективную самооборону).

Однако другие основные принципы международного права, такие как самоопределение наций и обязанность международного сотрудничества, не так просто вывести из умозаключений Ролза. Рассмотрим их подробнее.

Что касается обязанности международного сотрудничества, то этот весьма уязвимый принцип у Ролза содержится в основном не в качестве обязанности, а в качестве предпосылки — общей для «хорошо организованных» народов цели, ради которой

разрабатывается право народов. Обязанностью у Ролза сотрудничество является только по отношению к «обремененным обществам» (т. е. обществам которые в силу различных причин — исторических, экономических и социальных — не могут достичь уровня стабильных правопорядков) которым Ролз предлагает оказывать всяческую ненасильственную поддержку (не обязательно финансовую) с целью учреждения базовых справедливых институтов и обеспечения их стабильности (т. е. для достижения уровня «хорошо упорядоченного» либерального или иерархического общества), но когда данная цель достигнута, у государств уже нет обязанности по поддержке. Таким образом, помощь нужна только для того, чтобы общество смогло стать членом сообщества народов, поскольку в основном стремление к сотрудничеству предполагается, а не предписывается. Исследователи отмечают, что цель сотрудничества членов ООН согласно Уставу ООН заключается как раз в том, чтобы «обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу членов ООН» (ч. 2 ст. 2 Устава) [3, р. 72], поэтому взгляды Ролза отражают как минимум часть принципа международного сотрудничества (выраженную в т. ч. в ст. 43, 45, 73, 74, 76 Устава ООН).

Определяя предмет своего исследования как «право народов», Ролз проводит разграничение между народами и государствами, предполагая самоопределение субъектов в качестве предпосылки выработки этими субъектами общих принципов, а не самого принципа. Он также поясняет, право на самоопределение существует «только в слишком ограниченных рамках, чтобы быть установленным правом народов для общих случаев. Так, ни один народ не имеет права на самоопределение, или права на сецессию, ценой покорения другого народа; точно так же народ не может протестовать против своего осуждения мировым сообществом, в случае если его внутренние институты нарушают права человека для определенных меньшинств, живущих среди его граждан» (в исключительных случаях Ролз оправдывает гуманитарную интервенцию) [9, с. 86].

Существует также особенность, связанная с тем, что в свои семь принципов Ролз смог уместить один, который не содержится даже в десяти основных принципах международного права. Это принцип № 6, связанный с ограничениями в рамках *jus in bello*, которые сегодня воплощаются в рамках международного гуманитарного права.

Выводы

Вышеприведенный анализ показывает, что представления о справедливых принципах международного взаимодействия весьма схожи для эпохи Просвещения и для сегодняшнего дня. Вместе с тем, он вскрывает возможность различных перспектив. В первую очередь, принципы международного порядка будут отличаться в зависимости от того, ставим мы вопрос только о прекращении войн (Кант) или о справедливых взаимоотношениях в целом (Ролз). Кроме того, эти принципы будут зависеть от того, как мы определяем субъектов соответствующих отношений и обстоятельства, применительно к которым формулируются принципы. Например, будут эти принципы распространяться только на самоопределившиеся нации или также предусматривать условия права на самоопределение, будут они касаться только государств, минимально уважающих права человека, или также «государств-изгоев», будет мирное сосуществование рассматриваться как цель, ради которой формулируются данные принципы, или как условие, определяющее предмет регулирования, охватываемый этими принципами, и, наконец, будут принципы применяться в основном к государствам или же допускать формирование надгосударственных институтов (действительно, создание в будущем «мировой республики» или иного политического объединения, необходимость в котором вызвана глобальными потребностями и проблемами, может изменить и саму постановку проблемы). Все это показывает, что споры возможны не только относительно содержания тех или иных принципов, но и относительно предмета регулирования. С нашей точки зрения, вопросы

справедливости касаются самых различных ситуаций, поэтому теория международной справедливости не должна быть ограничена ни проблемой прекращения войн, ни субъектным составом (например, только либеральными и иерархическими обществами, или только самоопределившимися нациями, или только государствами).

Заключение

В заключение отметим, что, как представляется, одним из методов выработки принципов международной справедливости может стать ролзовская идея «исходного положения». Поскольку Ролза часто упрекали в том, что «исходное положение» у него вторично по отношению к методу «рефлексивного равновесия» (уравновешивания своих и чужих моральных интуиций в ходе размышлений и дискуссий) [11, с. 25, 48–49; 12, с. 148–149, 158–159], постольку и этот метод также может считаться базой для выработки принципов международного права. Вместе с тем, мы не должны забывать, что за государствами-нациями всегда стоят люди, а потому равноправие государств-наций обуславливается равной ценностью индивидов. Вот почему, как мы полагаем, сторонами в «исходном положении», пытающимися с помощью рефлексии найти равновесие между принципами международной справедливости и своими моральными интуициями, должны мыслиться индивиды как таковые, а не представители государств-наций. Это, в свою очередь, может открыть перспективу, которая выходит за пределы как идеи вечно мира Канта, так и права народов Ролза, и одновременно позволяет критически осмыслить основные принципы международного права.

Список источников

1. Хабермас Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту. // Вопросы философии. 2004. № 3. 12–18.
2. Кант И. К вечному миру. Соч. в 8 т. Т. 7. Москва, 1994.
3. Monazahian D. Vergleich der UNO-Charta mit Immanuel Kant's "Zum ewigen Frieden" und John Rawls "Das Recht der Völker". Hamburg, 2008. 114 p.
4. Йорг А., Хазе К. К актуальности труда Канта «к вечному миру» ввиду запрета на вмешательство в государственный и народный суверенитет // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 45–51.
5. Толстых В. Л. Три идеи самоопределения в международном праве. // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 65–72.
6. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. Москва : Мысль, 1999. 672 с.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 528 с.
8. Краузе И. Кант и его время: трактат «к вечному миру» на фоне французской революции и последующих войн // Кантовский сборник. 2013. № 1. С. 33–45.
9. Ролз Д. Право народов // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 79–105.
10. Потапова О. В. «Право народов» Джона Ролза и концепция справедливости в международных отношениях. // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 74–78.

11. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. Москва, 1994. 319 с.
12. Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. Москва, 1998. С. 138–190.
13. Pogge T. An Egalitarian Law of Peoples // Philosophy and Public Affairs, 1994. Vol. 23, No. 3. P. 195–224.

Дата поступления статьи / Received: 15.03.2022 / 29.05.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 21.04.2022 / 05.06.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.

Презентация монографии «УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РОБОТОТЕХНИКОЙ» (Москва : Проспект, 2022. 384 с.)

Бегишев Ильдар Рустамович

*Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия
begishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>*

Аннотация. Презентуемая книга представляет собой монографию, в которой впервые на основе проведенного системного комплексного исследования общественных отношений, связанных с робототехникой, разработана авторская концепция их уголовно-правовой охраны, включающая в себя, в числе прочего, вопросы установления уголовной ответственности за преступления, совершаемые в процессе разработки, производства и применения роботов, выступающих в качестве предмета преступного посягательства либо средства совершения преступления.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных технологиями искусственного интеллекта и робототехники.

Ключевые слова: автономный вооруженный робот, автономный робот, боевой робот, военный робот, вооруженный робот, закон, захват управления, искусственный интеллект, компьютерная программа, компьютерное преступление, криминальная рискология, криминология, наказание, мир и безопасность человечества, нарушение правил, недекларируемая возможность, общественные отношения, общественная опасность, ответственность, охрана, понятие, правосубъектность, преступление, причинение вреда, противодействие, риск, риск-ориентированный подход, робот, робототехника, совершение преступления, социальная обусловленность, уголовное право, уязвимость, цифровая безопасность, цифровая информация, цифровая экономика, цифровой код, цифровые технологии, этика

Для цитирования: Бегишев И. Р. Презентация монографии «Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой» (Москва : Проспект, 2022. 384 с.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 121–133.

Presentation of the monograph «CRIMINAL LAW PROTECTION OF PUBLIC RELATIONS RELATED TO ROBOTICS» (Moscow: Prospect, 2022. 384 p.)

Ildar R. Begishev

*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia
begishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>*

Abstract. The presented book is a monograph in which, for the first time, on the basis of a systematic comprehensive study of public relations related to robotics, the author's concept of their criminal legal protection has been developed, including, among other things, the issues of establishing criminal liability for crimes committed during the development, production and use of robots acting as the subject of criminal encroachments or means of committing a crime.

For students, postgraduates and teachers of law schools and faculties, as well as a wide range of readers interested in the problems of criminal law protection of public relations related to artificial intelligence and robotics technologies.

Keywords: autonomous armed robot, autonomous robot, combat robot, military robot, armed robot, law, control takeover, artificial intelligence, computer program, computer crime, criminal riskology, criminology, punishment, peace and security of mankind, violation of rules, undeclared opportunity, public relations, public danger, responsibility, protection, concept, legal personality, crime, harm, counteraction, risk, risk-oriented approach, robot, robotics, commission of a crime, social conditionality, criminal law, vulnerability, digital security, digital information, digital economy, digital code, digital technologies, ethics

For citation: Begishev IR. Presentation of the monograph «Criminal Law Protection of Public Relations related to Robotics» (Moscow: Prospect, 2022. 384 p.). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):121-133. (In Russ.)



Введение

Монография [1] представляет собой логический итог цикла авторских публикаций, посвященных различным проблемам уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой, содержит выводы и предложения, сформулированные по результатам проведенных исследований.

Рецензентами монографии выступили известные ученые-правоведы: Лопатина Татьяна Михайловна доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Ефремова Марина Александровна доктор юридических наук, доцент,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия и Русскевич Евгений Александрович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя.

Монографическое исследование состоит из введения, трех разделов, состоящих из шести глав, включающих семнадцать параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений, библиографического списка и тринадцати приложений.

Во **введении монографии** обосновывается актуальность избранной темы монографического исследования. Отмечается, что немало рисков для охраняемых уголовным законом общественных отношений несет использование роботов в преступных целях. Правоприменению были известны случаи, когда роботы стали задействоваться для организации контрабанды наркотиков либо иных запрещенных предметов и веществ.

В связи с этим необходимо спрогнозировать риски причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям в процессе функционирования роботов при совершении преступлений. Обозначенное необходимо для своевременного конструирования уголовно-правовых механизмов установления ответственности за причинение вреда, связанного с использованием роботов.

Необходимость полной, своевременной и достаточной защиты охраняемых уголовным законом объектов делает обязательным построение системы уголовно-правовой охраны отношений, связанных с робототехникой. Составляющие ее меры и инструменты закладывают основу безопасности личности,

общества и государства от соответствующих общественно опасных деяний.

Проведенное монографическое исследование позволяет прийти к выводу о необходимости проведения комплексного изучения и построения моделей уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой, и, следовательно, свидетельствует об актуальности избранной темы исследования.

Первый раздел монографии «Теоретические основы уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой», включает в себя две главы.

Первая глава первого раздела — **«Системообразующие начала уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой»** — состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе *«Понятие и содержание уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой»*, дается анализ понятия «уголовно-правовая охрана». Отмечается, что уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой, имеет определенную специфику, основанную на следующих обстоятельствах. Внедрение цифровых технологий, в том числе робототехники, в социальные практики характеризуется экспоненциальным ростом, что закономерно влечет масштабные и быстрые изменения во многих областях общественной жизни, что, в свою очередь, требует, с одной стороны незамедлительной, с другой — взвешенной реакции с учетом достижений самых разных отраслей знания: техники в широком смысле слова, промышленности, обороны, медицины и т. д.

Робототехнические устройства все чаще и чаще задействуют при совершении преступлений. В дальнейшей перспективе эта тенденция будет только нарастать, что в значительной степени увеличит причиняющий потенциал общественно опасных посягательств и вред от их совершения. Сказанное формирует задачу противодействия криминальным рискам, детерминированным внедрением робототехники, и актуализирует вопросы выработки уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану общественных отношений от посягательств, осложненных применением роботов.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости объективно сформированного и актуального запроса на выработку современных подходов к уголовно-правовой охране

общественных отношений, связанных с робототехникой, под которой предлагается понимать взаимосвязанную систему положений, определяющих уголовно-правовую политику в сфере разработки, производства и применения роботов, а также ответственность за общественно опасные деяния, совершаемые с использованием роботов и в отношении роботов. Такая охрана включает комплекс мер и обеспечивает безопасность обращения с роботами, начиная с момента их создания и до момента утилизации.

По уголовно-правовой природе роботы, как уже отмечалось, могут выступать предметами преступных посягательств или средствами совершения преступлений. Роботы как материальные объекты, которые, в силу присущих им свойств, обладают повышенным потенциалом для причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям, создают комплекс рисков и угроз, требующих как актуальных, так и перспективных мер противодействия. Эффективная охрана общественных отношений, связанных с робототехникой, существующими уголовно-правовыми средствами является недостаточной. Правовые положения уголовного закона должны учитывать индивидуальные особенности роботов, что вызывает необходимость совершенствования уже существующих норм и выработки новых положений уголовного закона.

Второй параграф *«Социальная обусловленность и запрос на уголовно-правовую охрану общественных отношений, связанных с робототехникой»* посвящен проблеме определения социальной обусловленности и запроса на уголовно-правовую охрану общественных отношений, связанных с робототехникой. В параграфе описаны основные выявленные причины возникновения уголовно-правовых рисков, связанные с конструктивными особенностями роботов.

Поливариативность роботов, высокая степень адаптивности и растущая доступность для широких слоев населения является предпосылкой для «вовлечения» роботов в самые различные формы преступной деятельности. Являясь комплексными устройствами, обладающими технической и цифровой компонентами, робототехника подвержена процессам, которые могут стать причиной возникновения вреда для широкого круга групп общественных отношений.

Несомненно, для уголовного права базисом выступает категория общественной опасности, которая одновременно обеспечивает концептуальное единство уголовно-правовых норм, параллельно являясь разделом,

отграничивающим их от иных отраслей права. Отмечается, что крайне важно определить границы уголовно-правового регулирования, которые формируются исключительно общественной опасностью тех или иных деяний с применением робототехники.

Таким образом, следует констатировать, что текущий уровень развития робототехники, а также ее вовлеченность в процессы жизнедеятельности общества обуславливают необходимость создания эффективных уголовно-правовых механизмов.

Запрос на уголовно-правовую охрану общественных отношений, связанных с робототехникой, обусловлен следующими обстоятельствами:

- а) повышенной общественной опасностью таких отношений;
- б) ускоренными темпами развития робототехники;
- в) вовлеченностью роботов в различные формы преступной деятельности.

В третьем параграфе «*Пределы уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой*» анализируется современное состояние межотраслевых связей в правовом регулировании робототехники.

В числе ключевых особенностей, характеризующих данное взаимодействие, автором указывается, взаимодополнение и последовательная интеграция правовых процессов, протекающих в гражданском, административном и уголовном праве в единую систему. Так, привлечение к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный робототехникой, не исключает наступления административной или уголовной ответственности. Установлено, что в законодательстве отсутствуют механизмы привлечения к ответственности разработчиков программного обеспечения для роботов, что в условиях растущей автономности робототехники представляется серьезным упущением.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о целесообразности признания роботов источниками повышенной опасности и привлечения к ответственности за причиняемый ими вред их собственников.

При этом автор считает необходимым учитывать степень автономности роботов и их взаимосвязь с действиями операторов. Следует отметить, что источником повышенной опасности являются как сами роботы, так и деятельность с их участием роботов.

В четвертом параграфе «*Применение риск-ориентированного подхода к уголовно-правовой охране общественных отношений, связанных с робототехникой*» на основе

системного анализа обоснована необходимость и целесообразность применения указанного подхода к робототехнике как наиболее прогрессивного и эффективного базиса для уголовно-правовой охраны рассматриваемых отношений. В частности, предлагается опираться на основные положения криминальной рискологии при оценке посягательств с участием роботов. В работе обозначены ключевые риски и вызовы при использовании роботов. Дана классификация рисков по тяжести последствий при причинении вреда и по вероятности причинения вреда роботами, приведена матрица степени причинения вреда роботами по категории рисков, которая может быть использована для создания рамок регуляторного воздействия, оценки последствий потенциального вреда и их минимизации.

В рамках проведенного исследования оценена тяжесть последствий при причинении вреда роботами (от незначительного до критического риска) и разработана матрица вероятности их наступления, обоснована уголовно-правовая классификация роботов по двум основаниям: по степени общественной опасности и по потенциальной тяжести последствий при причинении вреда роботами, а также выявлен причинный комплекс, который может привести к возникновению рисков.

Определены обстоятельства, порождающие угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в процессе оборота роботов и которые должны быть учтены при конструировании норм уголовного законодательства:

а) причины, связанные с цифровой подсистемой роботов:

— недостатки программного обеспечения (уязвимости, случайные ошибки), которые не были выявлены на этапе разработки (производства) или же проявились в процессе применения роботов;

— умышленное программирование (перепрограммирование) роботов на совершение тех или иных общественно опасных действий (недекларированные возможности программного обеспечения);

б) причины, связанные с механической подсистемой роботов:

— недостатки механизмов (приводов, моторов и т. д.), которые не были выявлены на этапе разработки (производства) или же проявились в процессе применения роботов;

— умышленное создание недекларированных возможностей механизмов роботов в целях совершения тех или иных общественно опасных действий.

Вторая глава первого раздела — «**Робототехника как феномен, значимый для уголовного права**» — состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «*Определение понятий „робот“ и „робототехника“*» приведена оценка имеющихся в научной литературе мнений по данному вопросу. Установлено, что существует ряд подходов к определению и трактовке рассматриваемых категорий. Однако развитие цифровых технологий влечет за собой необходимость формирования нового понятийно-категориального аппарата. Задача конструирования определения робота является особенно важной, поскольку предопределяет возможности правового регулирования всего комплекса общественных отношений, в которых последний прямо или косвенно фигурирует. При этом представляется, что для обеспечения регуляторной эффективности правовых предписаний определение робота должно содержать признаки, присущие всем без исключения материальным объектам, относимым к роботам. В то же время указанные признаки должны обладать одновременно достаточной степенью абстракции и устойчивости (то есть наличествовать (повторяться) во всех без исключения роботах), а также быть существенными — то есть позволять отграничивать роботов от смежных явлений, к примеру, воздушных судов, транспортных средств и т. д.

Роботы, как материальные объекты определенного вида (обладающие общими, присущими всем без исключения видовыми признаками), являются неоднородной категорией — отличаются по размерам, длительности автономной работы, выполняемым функциям. Названное обстоятельство должно учитываться при формулировании определения, иными словами, дефиниция должна включать как общие признаки, присущие всем без исключения объектам робототехники, так и частные, на основе которых возможно выделение отдельных групп роботов, имеющих специфические технические характеристики.

С учетом вышеизложенного предложено ввести в научный оборот авторский вариант определения понятий «робот» и «робототехника», а также дополнить ими понятийно-категориальный аппарат доктрины уголовного права и нормы уголовного законодательства.

Во втором параграфе «*Сущность робототехники как феномена, значимого для уголовного права*» данный вопрос раскрывается с позиции как правовых, так и технологических подходов, которые чрезвычайно широки и охватывают как теоретические, так и практические аспекты. Это связано с тем,

что робототехника сегодня находится в сфере интересов как теоретиков, стремящихся подвести научную основу под динамично изменяющиеся отношения в области киберфизических систем и искусственного интеллекта, так и специалистов-практиков.

Робототехника сейчас провозглашается драйвером четвертой промышленной революции. Ее влияние будет ощущаться более широко, чем предшествовавшие ей компьютерные или коммуникационные революции. В результате перед наукой уголовного права возникает задача особой значимости — обеспечить стабильное, устойчивое и безопасное развитие отечественной робототехники.

Сущность робототехники на современном этапе сегодня определяется смысловой и практической нагрузкой, как в правовом поле, так и в технологическом аспекте. Определения и приемы раскрытия категории «робототехника», которые предлагают современные авторы, имеют значительные отличия от таковых, данных еще несколько лет тому назад. На основе проведенного исследования сформулирован вывод, что сущностью робототехники является устойчивое единство его технологического и правового аспектов, базирующихся на современных достижениях цифровых технологий.

В третьем параграфе «*Концепция правового регулирования робототехники как феномена, значимого для уголовного права*» изучаются проблемы регулирования отношений, возникающих в процессе разработки, производства и применения роботов и исследуются аспекты формирования регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для развития робототехники.

Повсеместное развитие цифровых технологий на сегодняшний день является объективной тенденцией. Включившись в общественные отношения и впоследствии став их неотъемлемой частью, они закономерно повлекли модификацию социальных практик. Процессы цифровизации в отдельных случаях создают новые отрасли человеческой деятельности, то есть устойчивые группы сходных по содержанию и направленности общественных отношений, порожденных единым родовым объектом.

В настоящее время стремительными темпами формируется и растет новая область человеческой деятельности, которую максимально обобщенно можно поименовать оборотом роботов. При этом отсутствует комплексный нормативный правовой акт, регулирующий данную область общественных отношений, который послужил бы

понятийно-концептуальной базой для уголовного и иных отраслей права.

Предлагаемый к принятию нормативный правовой акт должен содержать ограничения, налагаемые на указанный оборот, устанавливая обязательные требования, адресованные соответствующим субъектам, предусматривать технические ограничения, а также закреплять виды роботов, запрещенные к обороту на территории Российской Федерации.

В целях регулирования отношений, возникающих в сфере оборота роботов, формирования регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для развития робототехники, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с ее использованием, предлагается принять федеральный закон «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» (авторский текст предлагаемого законопроекта приводится в приложении к монографии). В законопроекте, в числе прочего, предусмотрены корреспондирующие для УК РФ ограничения на оборот вооруженных роботов, роботов, созданных для совершения преступления, автономных вооруженных роботов.

Второй раздел монографии «Преступления, связанные с управляемой робототехникой», включает в себя две главы.

Первая глава второго раздела — «Уголовная ответственность за преступления, посягающие на цифровую безопасность роботов» — состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Уголовная ответственность за захват управления робота» посвящен вопросу уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности роботов и противодействию неправомерного их использования.

Робот по своей сути является программно-аппаратным средством, функционирование которого невозможно в отсутствие цифрового кода компьютерной программы. Указанные программы не характеризуются существенными отличиями от программного обеспечения иных цифровых устройств, ввиду чего весь спектр посягательств, включая неправомерный доступ и внедрение вредоносных компьютерных программ, которые в настоящее время совершаются в отношении обычных средств компьютерной техники, могут быть распространены и на их компьютерные программы.

В целях обеспечения цифровой безопасности роботов и противодействия неправомерному их использованию представляется возможным высказать предложение

о дополнении структуры УК РФ следующими положениями:

1. Дополнить ст. 272 УК РФ новой частью в следующей редакции:

«5. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в роботе, если это деяние повлекло захват управления робота, — наказывается...»

Примечания.

3. Под роботом в статьях настоящего Кодекса понимается продукт достижения цифровых технологий (робототехническое устройство, комплекс, система), состоящий из двух и более составных частей (модулей), управляемый средствами заложенной в него компьютерной программы и способный как к выполнению заранее запрограммированных человеком действий, так и к автономному решению задач.

4. Под захватом управления робота в статьях настоящего Кодекса понимается такое воздействие на цифровой код компьютерной программы робота, в результате которого виновное лицо получает способность задействовать по своему усмотрению возможности робота».

2. Дополнить ст. 273 УК РФ новой частью в следующей редакции:

«4. Создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для захвата управления робота, — наказывается...».

Во втором параграфе «Уголовная ответственность за создание цифрового кода компьютерной программы робота с заведомо внесенными уязвимостями и робота с недекларируемыми возможностями» изучается проблема обеспечения уголовно-правовыми средствами безопасного производства и эксплуатации роботов.

Создание цифрового кода компьютерной программы робота, заведомо имеющего недостатки (уязвимости), представляется общественно опасным деянием, требующим применения соответствующих уголовно-правовых мер.

В целом создание программ для функционирования роботов есть деятельность, связанная со значительными рисками и угрозами. Заметим, что перечень возможных действий робота закладывается при формулировании поведенческих алгоритмов, содержащихся в его компьютерной программе. Создавая ее код, разработчик прямо определяет, какие действия, манипуляции, движения может совершить робот; какие сигналы

управления он может обрабатывать — иными словами, обозначает исчерпывающий перечень возможных действий.

Указанный перечень прямо детерминирует, помимо прочего, целевое назначение робота, наличие опасностей и степени возможности их реализации при его функционировании. Ввиду чего при его производстве принципиальное значение имеет достоверное отражение в технической документации перечня возможностей робота, а также уровня допустимой опасности, создаваемой при его эксплуатации. Сообразно указанным факторам робот при его использовании будет подвергаться тем или иным моделям правового, в том числе запретительного регулирования. В случае если задекларированные, то есть отраженные в документах, возможности робота существенно отличаются от тех, которые были в него заложены, формируется несоответствие между фактической опасностью такого робота и теми правовыми мерами, средствами и инструментами, которые применяются непосредственно к нему, нормативными требованиями, распространяющимися на процессы его эксплуатации, что в равной степени видится общественно опасным.

При создании роботов можно выявить две формы противоправного поведения, требующего применения уголовно-правовых средств:

— создание цифрового кода компьютерной программы робота, который имеет элементы, существенно понижающие уровень его устойчивости к компьютерным атакам и образующие возможность несанкционированного воздействия, ввиду чего не удовлетворяет требованиям цифровой безопасности, обычно предъявляемым к продукции такого рода, то есть создание цифрового кода с уязвимостями;

— внесение в техническую документацию, отражающую тактико-технические характеристики робота, заведомо недостоверных данных о его фактических возможностях (режимах работы, перечне совершаемых действий, наличествующих в цифровом коде компьютерной программы алгоритмах действий), то есть создание робота с недеклалируемыми возможностями.

Следует отметить, что создание уязвимостей может быть совершено лицами, имеющими в силу выполняемых трудовых обязанностей доступ к цифровому коду. То обстоятельство, что в трудовые обязанности лица, фактически создавшего такую уязвимость, не входит составление компьютерных программ, на квалификацию содеянного не влияет.

Создание робота с недеклалируемыми возможностями может быть совершено только лицом, уполномоченным в силу выполняемых служебных обязанностей вносить в юридически значимые документы сведения о существенных характеристиках робота либо заверять такие сведения. В случае если лицо, обладающее соответствующими служебными полномочиями, совершило указанное преступление посредством использования других лиц, такой компетенцией не обладающих, оно, как представляется, должно нести ответственность в качестве посредственного исполнителя.

Автономные роботы, то есть роботы, способные к самостоятельному принятию решений и осуществлению действий на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма, в перспективе, могут подвергаться аналогичному противоправному воздействию.

В то же время подобные действия в отношении автономных роботов предполагают совершенно иную, более высокую общественную опасность, поскольку они будут обладать способностью к самостоятельному сбору информации внешней среды и написанию собственных цифровых кодов, ввиду чего не подлежат полноценному контролю со стороны человека.

В целях обеспечения безопасного производства и эксплуатации роботов представляется возможным высказать предложения по дополнению уголовного законодательства следующими составами преступлений:

«Статья 273.1 Создание цифрового кода компьютерной программы робота с заведомо внесенными уязвимостями

Создание цифрового кода компьютерной программы робота с заведомо внесенными уязвимостями, — наказывается...»

Примечание.

Под уязвимостью в статьях настоящего Кодекса понимается элемент цифрового кода компьютерной программы робота, существенно понижающий уровень устойчивости данного кода к компьютерным атакам и образующий возможность несанкционированного воздействия на него.

«Статья 273.2 Создание робота с недеклалируемыми возможностями

Создание робота с недеклалируемыми возможностями, повлекшее дезорганизацию государственного регулирования оборота роботов, — наказывается...»

Примечания.

1. Под созданием робота с недеклалируемыми возможностями в статьях настоящего

Кодекса понимается сознательное отражение и (или) заверение в юридически значимой технической документации заведомо недостоверных сведений о существенных характеристиках робота.

2. Под дезорганизацией государственного регулирования оборота роботов в статьях настоящего Кодекса понимается применение к роботу, имеющему недеклалируемые возможности, тех правовых механизмов (лицензирование, сертификация, включение в реестр), которые в обычных условиях оборота применяются к роботу, имеющему аналогичные характеристики, отраженные в юридически значимой технической документации.»

В целях обеспечения безопасного производства и эксплуатации автономных роботов при наступлении технологической революции и появлении автономных роботов предлагается дополнить уголовное законодательства следующими составами преступлений:

«Статья 273.3 Создание цифрового кода компьютерной программы автономного робота с заведомо внесенными уязвимостями»

Создание цифрового кода компьютерной программы автономного робота с заведомо внесенными уязвимостями, — наказывается...»

Примечание.

Под автономным роботом в статьях настоящего Кодекса понимается робот, обладающий возможностью самостоятельного принятия решений и способный действовать на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма.

«Статья 273.4 Создание автономного робота с недеклалируемыми возможностями»

Создание автономного робота с недеклалируемыми возможностями, повлекшее дезорганизацию государственного регулирования оборота автономных роботов, — наказывается...

Примечания.

1. Под созданием автономного робота с недеклалируемыми возможностями в настоящей статье понимается сознательное отражение и (или) заверение в юридически значимой технической документации заведомо недостоверных сведений о существенных характеристиках автономного робота.

2. Под дезорганизацией государственного регулирования оборота автономных роботов в настоящей статье понимается применение к автономному роботу, имеющему недеклалируемые возможности, тех правовых механизмов (лицензирование, сертификация, включение в реестр), которые в обычных условиях оборота применяются к автономному роботу, имеющему аналогичные характеристики,

отраженные в юридически значимой технической документации».

В третьем параграфе «Уголовная ответственность за нарушение правил создания, эксплуатации и ремонта роботов либо иного взаимодействия с ними» изучается проблема установления уголовной ответственности за рассматриваемые нарушения.

Роботы, в силу присущих им свойств, могут не только хранить, обрабатывать и передавать информацию, но и совершать определенные механические действия во исполнение алгоритмов их компьютерных программ. Модели уголовно-правовой охраны, которые сложились и применяются в отношении эксплуатантов средств компьютерной техники, не в полной мере могут быть адаптированы к регулированию роботов и являются не полностью релевантными для целей охраны общественных отношений, складывающихся в связи с их функционированием.

Видится возможным заимствование подходов законодателя по конструированию состава преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, в части, касающейся установления ответственности за неисполнение обязанности по разработке и эксплуатации роботов и автономных роботов. Будучи выраженными в нормативных правовых актах регуляторного характера, правила создания и эксплуатации роботов в целях их надлежащего применения и с учетом возможной высокой общественной опасности соответствующих негативных девиаций должны быть взаимосвязаны с соответствующими уголовно-правовыми нормами, носящими запретительный характер.

В целях обеспечения безопасного и бесперебойного создания, эксплуатации и ремонта роботов либо иного взаимодействия с ними, а также предотвращения причинения вреда в процессе их функционирования, предлагается возможным дополнить главу 28 УК РФ ст. 274.2, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 274.2 Нарушение правил создания, эксплуатации и ремонта роботов либо иного взаимодействия с ними»

1. Нарушение правил создания, эксплуатации и ремонта роботов либо иного взаимодействия с ними, повлекшее причинение крупного ущерба, — наказывается...

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, если оно повлекло тяжкие последствия или создало угрозу их наступления, — наказывается...

Примечание.

Правила создания, эксплуатации и ремонта роботов либо иного взаимодействия с ними

для целей настоящей статьи утверждаются Правительством Российской Федерации.»

В целях обеспечения безопасного, безаварийного и бесперебойного создания, эксплуатации и ремонта автономных роботов либо иного взаимодействия с ними, а также предотвращения причинения вреда в процессе их функционирования в случае появления таких роботов предлагается дополнить уголовное законодательство следующим составом преступления:

«Статья 274.3 Нарушение правил создания, эксплуатации и ремонта автономных роботов либо иного взаимодействия с ними

1. Нарушение правил создания, эксплуатации и ремонта автономных роботов либо иного взаимодействия с ними, — наказывается...

2. То же деяние, повлекшее причинение крупного ущерба, — наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, если оно повлекло тяжкие последствия или создало угрозу их наступления, — наказывается...

Примечание.

Правила создания, эксплуатации и ремонта автономных роботов либо иного взаимодействия с ними для целей настоящей статьи утверждаются Правительством Российской Федерации.»

Вторая глава второго раздела — «Уголовная ответственность за преступления, совершаемые в сфере оборота роботов» — состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Уголовная ответственность за создание и (или) распространение роботов, предназначенных для совершения преступления» предложено решение проблемы, связанной с отсутствием в УК РФ нормы, устанавливающей ответственность за указанные деяния.

Роботы, будучи по своей природе программно-аппаратными устройствами, совершают механические манипуляции в рамках реализации алгоритмов, заложенных в цифровой код их компьютерной программы. Представляется обоснованным предположить, что они могут изначально создаваться виновными лицами для совершения преступления.

Деятельность по созданию и распространению роботов для совершения преступления в настоящее время не является признаком объективной стороны какого-либо состава преступления и может подлежать правовой оценке только как приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению в форме приискания, изготовления либо приспособления средств и орудий его совершения. На основании изложенного

имеется объективная необходимость установить уголовно-правовой запрет, предусматривающий ответственность за создание и (или) распространение роботов (автономных роботов), предназначенных для совершения преступления.

В связи с изложенным предлагается дополнить УК РФ следующей нормой:

«Статья 222.3 Создание и (или) распространение роботов, предназначенных для совершения преступления

1. Создание и (или) распространение роботов, предназначенных для совершения преступления, — наказываются...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, — наказываются...»

Помимо изложенного, думается, что совершение аналогичных действий применительно к автономному роботу обладает повышенной общественной опасностью и должно наказываться самостоятельной уголовно-правовой нормой.

В связи с изложенным предлагается при появлении автономных роботов дополнить УК РФ следующей нормой:

«Статья 222.4 Создание и (или) распространение автономных роботов, предназначенных для совершения преступления

1. Создание и (или) распространение автономных роботов, предназначенных для совершения преступления, — наказываются...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, — наказываются...»

Во втором параграфе «Уголовная ответственность за незаконное создание, распространение, приобретение или применение вооруженных роботов» освещаются вопросы разработки отдельных уголовно-правовых средств противодействия неправомерному обороту вооруженных роботов.

Будучи вовлеченными в процесс совершения преступления, использованными для причинения вреда предмету, по поводу которого сложились охраняемые уголовным законом общественные отношения, роботы способны существенно повысить причиняющий потенциал и расширить возможности преступника.

Особо опасным способом создания роботов для целей совершения преступлений является укомплектование их вооружением, под которым предлагается понимать, помимо

оружия, взрывчатые вещества, взрывные устройства, боеприпасы, иные разновидности вооружения, обладающие способностью, в силу присущих им свойств, к поражению цели, как находящейся на удалении, так и при непосредственном физическом с ней контакте, а также к внезапному самораспространяющемуся химическому превращению — взрыву.

Снабжение робота вооружением существенно повышает функциональные возможности его применения, что обуславливает повышенную общественную опасность оборота таких роботов и требует ответственности в рамках самостоятельной уголовно-правовой нормы.

Важно отметить, что, будучи укрепленным на внешней подвеске либо иных частях робота, огнестрельное оружие либо взрывное устройство может быть использовано при значительно отличающихся обстоятельствах, что позволяет рассматривать таких роботов не как обычное оружие или взрывные устройства, а как сущность, находящуюся на качественно ином, более высоком уровне опасности.

На основании изложенного предлагается дополнить УК РФ следующей нормой:

«Статья 222.5 Незаконное создание, распространение, приобретение или применение вооруженных роботов

1. Незаконное создание вооруженных роботов — наказывается...

2. Незаконное распространение либо приобретение вооруженных роботов — наказывается...

3. Незаконное применение вооруженных роботов — наказывается...

Примечание.

Под вооруженным роботом в настоящей статье понимается робот, которому намеренно приданы свойства, обеспечивающие его применение с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств либо иного вооружения.»

Третий раздел монографии «Преступления, связанные с автономной робототехникой», включает в себя две главы.

Первая глава третьего раздела — «Перспективы уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с автономными роботами» — состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Проблема определения правосубъектности автономных роботов» исследуется важная в будущем для правовой науки в целом, и уголовно-правовой науки

в частности, проблема определения правосубъектности автономных роботов.

В разделе 1 «Цели концепции» Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р, установлено, что «Развитие технологий искусственного интеллекта ставит серьезные вызовы перед правовой системой Российской Федерации, системой государственного управления и обществом в целом. Они обусловлены определенной степенью автономности действий систем искусственного интеллекта в решении поставленных задач и их неспособностью непосредственно воспринимать этические и правовые нормы, учитывать их при осуществлении каких-либо действий». В связи с изложенным вопросы регламентации обращения с автономными роботами представляются исключительно актуальными. Уголовное право в этом отношении, как представляется, способно и должно в полной мере реализовывать прогностическую функцию, заблаговременно обеспечивая безопасность охраняемых им объектов, не допуская запоздалого регулятивного реагирования на уже свершившиеся трагедии.

Часть авторов считает, что наделение роботов правосубъектностью невозможно по той причине, что их поведение не является полностью самостоятельным, а волеизъявление находится под вопросом. Другие ученые предполагают, что, наоборот, присвоение роботу статуса субъекта даст возможность сделать более прозрачными правоотношения с его участием, поскольку позволит возложить на него определенную ответственность за собственные действия, причиной которой может стать неконтролируемое поведение, возникшее на основе возросшего уровня автономности и выступающее как результат самостоятельного принятия роботом решения.

Есть также третья позиция, которая основана на следующем: в сложившихся условиях невозможно наделить робота правосубъектностью, так как сквозные цифровые технологии еще не достигли необходимого уровня развития. В связи с этим робот не может выступать полностью автономным субъектом права. Однако с течением времени и в процессе совершенствования этих технологий ситуация может измениться, и наделение робота правосубъектностью станет необходимым.

На наш взгляд, наиболее верной является третья, которая позволит с учетом уровня развития автономной робототехники,

в период наступления технологической революции, принять решение об инициации вопроса о наделении автономного робота статусом субъекта права, что, в свою очередь, предполагает глубокое изучение вопроса специалистами в области уголовно-правовых наук.

Во втором параграфе «Перспективная модель реакции государства на факт причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в процессе функционирования автономных роботов» впервые в теории отечественного уголовного права предпринята попытка комплексно изложить проблему определения необходимых в будущем границ ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в процессе функционирования автономных роботов.

Представляются потенциально возможными в перспективе ситуации, когда деяние совершено с участием автономных роботов, что требует осмысления специалистами в области уголовно-правовых наук.

Фактически можно выделить две группы обстоятельств, нуждающихся в уголовно-правовой оценке:

1. Поведение субъекта, способного подлежать уголовной ответственности (человека — производителя (разработчика, создателя) или собственника (пользователя, владельца) автономного робота).

2. Факт причинения вреда в процессе функционирования автономного робота.

Относительно первой группы обстоятельств видится правильным традиционный подход, заключающийся в установлении причастности и виновности физического лица на общих основаниях. Иными словами, в случае если им не были выполнены юридически обязательные, объективно необходимые и реально возможные действия по предотвращению вреда охраняемым уголовным законом интересам, содеянное бездействие подлежит квалификации по признакам соответствующего состава преступления. В случае если лицо демонстрировало невиновное психическое отношение, оно не подлежит уголовной ответственности ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

Вторая группа обстоятельств (факт причинения вреда в процессе функционирования автономного робота) вызывает наиболее противоречивые и неочевидные варианты правовых оценок поведения его самого.

Представляется, что процесс функционирования автономного робота является объективно общественно опасным, может

причинять существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, ввиду чего требует сообразных мер социальной защиты публично-правовой природы, достаточных по своему характеру для пресечения и недопущения подобного вреда, эффективной охраны общественных отношений, восстановления социальной справедливости.

Вариативность правовой взаимосвязи между поведением субъекта, способного подлежать уголовной ответственности, и фактом причинения вреда в процессе функционирования автономного робота позволила разработать заявленную перспективную модель уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с автономной робототехникой.

Вторая глава третьего раздела — «Уголовно-правовое противодействие обороту автономных вооруженных роботов» — состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Автономные вооруженные роботы как потенциальная угроза для мира и безопасности человечества» анализируются механизмы обеспечения контроля за действиями указанных устройств. Основным объектом уголовно-правовой охраны отношений, возникающих с их участием, являются мир и безопасность человечества. Поэтому весьма логично было бы рассмотреть возможности применения к порядку обращения автономных вооруженных роботов подходов уголовного законодательства, предусмотренных гл. 34, в частности, ст. 355–356 УК РФ. Данное решение видится весьма логичным, учитывая предложение закрепить в действующих международных договорах, ограничивающих некоторые виды вооружения, использование, а также методы ведения войны, выпуск и применение автономных вооруженных роботов.

Как только автономные вооруженные роботы будут официально поставлены на вооружение в тех или иных странах, они сразу же станут предметом купли-продажи на черном рынке оружия, что увеличит их распространение во всем мире и значительно расширит возможности общественно опасного применения таких роботов. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости в ближайшее время обратить внимание на отсутствие в международном законодательстве нормы, прямо запрещающей оборот автономных вооруженных роботов.

Сегодня большинство развитых стран стараются иметь в своем арсенале автономные средства ведения боевых действий. Это

различные робототехнические устройства, комплексы и системы военного назначения. Названные средства могут быть запрограммированы таким образом, что с помощью компьютерной программы и без контроля человека смогут идентифицировать цели и успешно их атаковать. Хотя соответствующие цифровые технологии находятся в процессе развития и официально не стоят на вооружении зарубежных военных ведомств, но уже сейчас держат все мировое сообщество в напряжении, поскольку могут радикально поменять характер боевых действий и разрушить существующие системы обороны и безопасности, поставить под угрозу существование самого человечества.

Масштаб указанных угроз заслуживает безусловной реакции уголовного закона, которая должна основываться в рамках национальных законодательств на общих международных подходах. В связи с изложенным в целях наиболее полного решения задач УК РФ, прежде всего таких как обеспечение мира и безопасности человечества, предупреждение преступлений, а также реализации прогностической функции уголовного закона предлагается разработать и принять международную Конвенцию о запрещении разработки, производства и применения автономных вооруженных роботов.

Во втором параграфе «Уголовно-правовые риски применения автономных вооруженных роботов» рассматриваются следующие такие обстоятельства, создающие угрозы для объектов уголовно-правовой охраны: риск распределения ответственности за применение автономных вооруженных роботов; риск выхода автономного вооруженного робота из-под контроля человека; риск оборота летального автономного оружия.

Автономные вооруженные роботы на современном этапе представляет собой значительную угрозу для мира и человечества, поскольку его использование дает неоспоримые преимущества стороне, применяющей подобное оружие, и в случае выхода его из-под контроля подобный вид вооружения способен в считанные минуты уничтожить все живое. Скорость уничтожения противника у данного оружия в несколько раз превышает человеческие возможности, поэтому жесткость правовых ограничений в данной области должна быть чрезвычайно высокой.

В этой связи обозначенные выше уголовно-правовые риски применения автономных вооруженных роботов должны быть учтены при разработке системы уголовно-правовых мер охраны общественных отношений,

связанных с автономной робототехникой, в частности для формулирования конкретных составов преступлений и дифференциации уголовной ответственности.

В третьем параграфе «Уголовная ответственность за создание, распространение или использование автономных вооруженных роботов» изучаются различные аспекты оборота таких роботов и вырабатываются уголовно-правовые средства противодействия деятельности, направленной на их создание, распространение и использование, поскольку применение названных роботов представляет повышенную опасность для общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества.

Роботы, имеющие потенциал к значительному расширению своего функционала, а также обретению автономности, представляют особую опасность. Создание автономного робототехнического оружия может быть использовано для нагнетания международной напряженности, дестабилизации дипломатических отношений, побуждения государств к развязыванию войны и, самое страшное, в случае выхода подобной технологии из-под контроля оператора, образовать экзистенциальную угрозу человечеству.

Исходя из соображений наиболее полного обеспечения мира и безопасности человечества, обороноспособности и безопасности Российской Федерации при наступлении технологической революции и появлении автономных вооруженных роботов законодателю предлагается дополнить УК РФ отдельной нормой следующего содержания:

«Статья 356.1 Создание, распространение или использование автономных вооруженных роботов и компьютерных программ, предназначенных для их функционирования

1. Создание автономных вооруженных роботов, а равно компьютерных программ, предназначенных для их функционирования, — наказывается...

2. Распространение автономных вооруженных роботов, а равно компьютерных программ, предназначенных для их функционирования, — наказывается...

3. Использование автономных вооруженных роботов — наказывается...

Примечание.

Под автономным вооруженным роботом в статьях настоящего Кодекса понимается робот, обладающий возможностью самостоятельного принятия решений и способный действовать на основании самостоятельно сформулированного поведенческого

алгоритма, которому намеренно приданы свойства, обеспечивающие его применение с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств либо иного вооружения.»

В **заключении монографии** подводятся итоги монографического исследования, делаются теоретические выводы и обобщения, а также резюмируются предложения, направленные на совершенствование законодательства.

Список сокращений и условных обозначений включает в себя представленные в алфавитном порядке расшифровки всех используемых в монографии сокращений и условных обозначений.

В **библиографическом списке** автор перечисляет использованные при написании монографии правовые акты и иные официальные документы, материалы судебной практики, монографии, учебники, словари и учебно-методические издания, научные статьи, сборники научных трудов и другие публикации, диссертации и авторефераты диссертаций, отчеты, доклады, информационные материалы и аналитические обзоры, ресурсы

информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В **приложениях** к монографии приведены предложения по совершенствованию уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения, связанные с управляемой робототехникой (приложение № 1), перспективные предложения по совершенствованию уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения, связанные с автономной робототехникой (приложение № 2), структура (приложение № 3), пояснительная записка (приложение № 4) и текст (приложение № 5) проекта федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)», анкета (приложение № 6), таблица результатов (приложение № 7) и диаграммы результатов (приложение № 8) социологического опроса на тему «Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой», сведения о зарегистрированных в Российской Федерации преступлениях в сфере компьютерной информации (приложение № 9), сведения о зарегистрированных в Российской Федерации преступлениях, предусмотренных: ст. 272 УК РФ (приложение № 10), ст. 273 УК РФ (приложение № 11), ст. 274 УК РФ (приложение № 12), ст. 274¹ УК РФ (приложение № 13).

Список источников

1. Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой. Москва : Проспект, 2022. 384 с.

Дата поступления статьи / Received: 14.03.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 21.05.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**INFORMATION ABOUT AUTHORS****АРСЕНТЬЕВА СВЕТЛАНА СТЕПАНОВНА**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

arss-1212@mail.ru
SPIN-код 9704-8082

SVETLANA S. ARSENTIEVA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Expert Activity of Chelyabinsk State University.

129 BratyeV Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

arss-1212@mail.ru
SPIN-code 9704-8082

БЕГИШЕВ ИЛЬДАР РУСТАМОВИЧ

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.

begishev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

ILDAR R. BEGISHEV

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

42 Moskovskaya st., Kazan 420111, Russia.

begishev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

ГОРШКОВ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ

Аспирант кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

gorshkov.dmitriy.2018@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9516-4208>

DMITRIY Yu. GORSHKOV

Post graduate student of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

gorshkov.dmitriy.2018@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9516-4208>

ДОСАНОВА ФАТИМА ПОЛАТОВНА

Старший научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления, Институт законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан.

010000, Республика Казахстан, Нур-Султан, проспект Кабанбай-батыра, д. 19.

f.saidakhmetova@adilet.gov.kz
<https://orcid.org/0000-0003-4022-6947>

FATIMA P. DOSANOVA

Senior Researcher of Department of Constitutional, Administrative Legislation and Public Administration, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan.

19 Kabanbai Batyr ave., Nur-Sultan 010000, Republic of Kazakhstan.

f.saidakhmetova@adilet.gov.kz
<https://orcid.org/0000-0003-4022-6947>

ИВАНОВ АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ

Старший помощник начальника юридической службы, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации.

198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

united09@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9658-3524>

ALEXANDER E. IVANOV

Senior assistant of the Head of Legal Service, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation.

1 Letchik Pilyutov st., St. Petersburg 198206, Russia.

united09@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9658-3524>

КАМЕНЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Адвокат, Адвокатская палата Челябинской области.

454071, Челябинск, ул. Октябрьская, д. 5.

kamenev_as@rambler.ru.

ALEKSANDR S. KAMENEV

Attorney-at-Law of the Chamber of Law of Chelyabinsk Region.

5 Oktyabrskaya st., Chelyabinsk 454071, Russia.

kamenev_as@rambler.ru

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник; Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

PETER N. KOBETS

Doctor of Law Sciences, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs.

25 Povarskaya st., bld 1, Moscow 121069, Russia.

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

МЕЩЕРЯКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры философии иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

12.00.02@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

ALEKSANDR N. MESHCHERYAKOV

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Foreign Languages and Humanitarian Training of Internal Affairs Officers, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs.

75 Amurskaya st., Tyumen 625049, Russia.

12.00.02@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

НАЗАРЕНКО РОМАН МИХАЙЛОВИЧ

Судья, Арбитражный суд Краснодарского края.

350063, Краснодар, ул. Постовая, д. 32.

nazarenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2559-5365>

ROMAN M. NAZARENKO

Judge of the Arbitration Court of Краснодар Krai.

32 Postovaya st., Краснодар 350063, Russia.

nazarenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2559-5365>

НИКОНОВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации.

198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

nikson1967@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6232-1289>

AutorID (РИНЦ) 1132869

DMITRY A. NIKONOV

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation.

1 Letchik Pilyutov st., St. Petersburg 198206, Russia.

nikson1967@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6232-1289>

AutorID (RSCI) 1132869

РАМАЛДАНОВ ХАНБУЛАТ ХИЗРИЕВИЧ

Старший преподаватель кафедры таможенного дела, Институт экономики, управления и финансов, Российский новый университет.

105005, Москва, ул. Радио, д. 22.

hanbulatramaldanov93@mail.ru

KHANBULAT KH. RAMALDANOV

Senior Lecturer of the Customs Department, Institute of Economics, Management and Finance, Russian New University.

22 Radio st., Moscow 105005, Russia.

hanbulatramaldanov93@mail.ru

САВЧЕНКО АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Федеральный судья в отставке.

Челябинск.

a763tx@mail.ru

ANATOLY N. SAVCHENKO

Retired federal judge.

Chelyabinsk, Russia.

a763tx@mail.ru

СЕРГЕЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

Sergeev_ab@bk.ru

ANDREY B. SERGEYEV

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Expertise of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

Sergeev_ab@bk.ru

СИБГАТУЛЛИН ФАРХАД САЕТГАЛИЕВИЧ

Адъюнкт факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования), Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

farkhad.sibgatullin.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

FARKHAD S. SIBGATULLIN

The post graduate of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

1 Letchik Pilyutov st., St. Petersburg 198206, Russia.

farkhad.sibgatullin.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5507-677X>

ТАНАЕВА ЗАМФИРА РАФИСОВНА

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор педагогических наук, доцент. Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал.

454135, Челябинск, ул. Энергетиков, 63А.

zamfira-t@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0432-0864>

ZAMFIRA R. TANAYEVA

Professor of the Department of State-Legal Disciplines, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Ural Branch of the Russian State University of Justice.

63A Energetikov st., Chelyabinsk 454135, Russia.

zamfira-t@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0432-0864>

ТРИФОНОВА КРИСТИНЭ ВАСАКОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал.

295006, Республика Крым, Симферополь, ул. Павленко, д. 5.

kri-kazaryan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0699-4547>

KRISTINE V. TRIFONOVA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of Administrative and Financial Law, Assistant Professor of Civil Law Department of the Crimean branch of the Russian State University of Justice.

5 Pavlenko st., Simferopol 295006, Republic of Crimea.

kri-kazaryan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0699-4547>

ТУТИНАС ЕВГЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Ростовский филиал.

344038, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66.

uristika@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8811-3215>

YEVGENIA V. TUTINAS

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Rostov branch of the Russian State University of Justice.

66 Lenina ave, 344038 Rostov-on-Don, Russia.

uristika@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8811-3215>

ЧЕРКАСОВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет.

625003, Тюмень ул. Володарского, д. 6.

elenache0606@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7422-6833>

YELENA K. CHERKASOVA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines of the Institute of State and Law of Tyumen State University.

6 Volodarskogo st., Tyumen 625003, Russia.

elenache0606@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7422-6833>

ШАВЕКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Институт философии и права УрО РАН.

620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.

shavekonikolai@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

Researcher ID: K-4637-2018

NIKOLAI A. SHAVEKO

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16 S. Kovalevskaya st., Yekaterinburg 620108, Russia.

shavekonikolai@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

Researcher ID: K-4637-2018

ШЕВЧЕНКО ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ

Директор, юридическая компания «Шевченко и партнеры».

344082, Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 44б.

m.davidenko78@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5513-4140>

VIKTOR M. SHEVCHENKO

Director of LLC "Legal company Shevchenko & Partners".

44b M. Gorkogo st., Rostov-on-Don 344082, Russia.

m.davidenko78@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5513-4140>

ШЕСТАКОВ ВАЛЕРИЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, руководитель научного совета независимого научного фонда «Институт проблем безопасности и устойчивого развития», эксперт постоянных комиссий Межпарламентской Ассамблеи государств участников Содружества независимых государств, Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, автор более двухсот научных работ по вопросам уголовного, уголовно-процессуального и административного права, ряда проектов законов об охранной и частной детективной деятельности, модельных законов в данной сфере, о негосударственных субъектах обеспечения национальной безопасности.

shestakovvi@mail.ru

VALERY I. SHESTAKOV

D. in law, associate professor, head of the scientific council of the independent research fund "Institute for Security and Sustainable Development", expert of the standing committees of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, the author of more than two hundred scientific papers on criminal, criminal procedural and administrative law, a number of draft laws on security and private detective activities, model laws in this area.

shestakovvi@mail.ru

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям к структуре и оформлению статей.

Текст для публикации объемом **8–15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к структуре статьи

- Научные статьи оформляются согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.7-2021.

Метаданные на русском языке

- ✓ УДК
- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия; наименование организации (учреждения), город, e-mail, ORCID автора(ов).
- ✓ Аннотация от 150 до 250 слов.
- ✓ Ключевые слова.
- ✓ Благодарности.
- ✓ Финансирование.

Метаданные на английском языке

- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия автора(ов), город* – транслитерация; наименование организации (учреждения) – перевод; e-mail, ORCID.
- ✓ Abstract (перевод).
- ✓ Keywords (перевод).
- ✓ Acknowledgements (перевод).
- ✓ Funding (перевод).

Текст статьи

- *Язык публикации* статей – русский. Смешивание в одной статье текстов на двух и более языках не допускается. Текст должен быть структурирован, иметь введение, основной текст (материал и методы, результаты, обсуждение результатов, выводы), заключение.

Списки источников

- *Список цитируемых источников* (не менее пяти) оформляется согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.5-2008, источники приводятся в порядке упоминания в тексте. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки. Библиографические сведения о цитируемых нормативно-правовых актах, учебной литературе, диссертациях (авторефератах) приводятся в подстрочных ссылках (ГОСТ Р 7.0.5-2008).
- Раздел *References* оформляется в **Ванкуверском** стиле. Транслитерация названий, имен собственных выполняется по стандарту Госдепартамента США.

* Названия городов Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону имеют англоязычное написание и не транслитерируются: Moscow, Saint-Petersburg (St. Petersburg), Rostov-on-Don.

Дополнительные сведения об авторе(ах) (на русском и английском языках)

- *Персональные сведения.* Фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, подразделение, полное наименование места работы, юридический адрес, контактный телефон, адрес электронной почты, международные идентификационные номера ученого, иные сведения.
- *Вклад авторов.* Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов.
- *Конфликт интересов.* Указание об отсутствии или наличии конфликта интересов.
- *Приложения, примечания* — при необходимости.

Требования к оформлению рукописи статьи

- *Страница* — формат А4; поля по 2 см с каждой стороны.
- *Редактор* — Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) — Times New Roman.
- *Размер шрифта (кегель)* — 14 пт. без уплотнения, разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- *Абзацный отступ («красная строка»)* — 0,75 см.
- *Междустрочный интервал* — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- *Автоматическая расстановка переносов* допускается.
- При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков и таблиц сквозная арабскими цифрами. *Приложения и примечания* к статье размещаются после *дополнительных сведений об авторе(ах)*.

Для размещения статьи в журнале к рукописи необходимо предоставить

- *Файл со статьей*, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
- *Анкету автора(ов)* по представленной на сайте журнала форме (скан-копию).
- *Аспиранты и соискатели* ученой степени кандидата наук предоставляют рецензию (отзыв) научного руководителя с подписью (скан-копию оригинала).

Подготовленные материалы следует отправить на e-mail pravoporyadok74@bk.ru, либо заполнить электронную форму заявки на сайте журнала <http://правопорядок74.рф/author.php>

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать статьи.

Подробная информация доступна на сайте журнала <http://правопорядок74.рф>.

Редакция журнала

В редакцию журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика»

ПИ № ФС 77-54870

Анкета автора*
представленной в Редакцию рукописи статьи

(название статьи)

ФИО (полностью)	
Author (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данные сведения, я _____
(фамилия имя отчество)

выражаю согласие с тем, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика», является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических электронных базах данных. Также предоставляю редакции свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Редакция имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

* В случае подготовки статьи в соавторстве, сведения предоставляются каждым из авторов.

«___» _____ 20__ г. _____/_____/

